

Юрий Каминский
МОМЕНТ ИСТИНЫ

Юрий Каминский

МОМЕНТ ИСТИНЫ

СВІТЛО
НА СХОДІ
Київ
2004

УДК 27-29+821.161.1(477)-141

ББК 86.37

К 18

- К 18 Камінський Юрій
МОМЕНТ ІСТИНИ. — К.: «Світло на Сході», 2004.

Поетичний збірник, що об'єднує під однією загальною назвою дев'ять тематичних циклів. Усі вірші пов'язані спільною ідеєю, яка стала назвою книги, — «Момент істини». Є тільки одна Істина — і настає в житті момент, коли відбувається її досягнення та прийняття.

- К 18 Каминский Юрий
МОМЕНТ ИСТИНЫ. — К.: «Світло на Сході», 2004.

Поэтический сборник, объединяющий под одним общим названием девять тематических циклов. Все стихи связаны общей идеей, ставшей названием книги, — «Момент истины». Есть только одна Истина — и наступает в жизни момент, когда происходит ее постижение и принятие.

Редактор В. Новомирова
Корректор И. Никольская

ISBN 966-96449-0-9

© «Світло на Сході», 2004

Содержание

Второе дыхание

1. «Я глаза поднимаю...»	20
2. Моим друзьям	20
3. Сентябрьский вечер	21
4. Ты забыл	22
5. Гвозди	23
6. «Над речкой, впадавшей в бессонницу...»	24
7. Дворник Егор	24
8. Жить не во зле	25
9. «Под вязами могучими...»	26
10. Сон	27
11. Мои друзья	28
12. Око за око	29
13. Вера, надежда, любовь	30
14. Весенней ночью	31
15. Сыну Валерию	32
16. «Когда в моей жизни...»	32
17. Весенней ночью	33
18. Утренний ветер	34
19. Знойный полдень	35
20. Божье терпение	35
21. «Я не ведал названия...»	36
22. Полынь	37
23. Бездна	38
24. Суламифь	39
25. Утро	40
26. Ты разбудил меня, Господь	41
27. Созвездия	42
28. Камо грядеши?	43
29. Весенней ночью	43
30. Не убий!	44

31. Дал мне Бог	45
32. Воспоминание	46
33. Смерть верующего	47
34. Себе в день 60-летия	47
35. «Все меньше сил...»	48
36. Божья воля	49
37. Весенний вечер	50
38. Осеннее утро	50
39. Первый снег	51
40. «По тонкому льду...»	52
41. Журавли	53
42. Благодарю Тебя, Господь	53
43. «Уже на закат...»	54
44. «Судить легко...»	55
45. «Чтобы слово дышало...»	56
46. «И рассветный луч...»	57
47. День угасал	58
48. «Какая благодать и тишина...»	58
49. Гроза	59
50. После дождя	60
51. «Я стою в раздумье...»	61
52. «Стоит у Млечного Пути...»	62
53. Жажда	63
54. Март	64
55. У колодца	65
56. В рождественскую ночь	66
57. Другу	66

Монологи

1. Сон	70
2. Старики	71
3. К поэту	72
4. Монолог вчерашнего раба	73

5. Монолог Голгофы	74
6. Монолог подковы	75
7. Монолог Герострата	76
8. Монолог дороги	76
9. Монолог стола	77
10. Монолог Иуды	78
11. Монолог клена	79
12. Монолог цепи	80
13. Монолог нерожденного ребенка	81
14. Монолог гладиатора	82
15. Монолог автомобиля	83
16. Монолог травы	83
17. Монолог бывшего язычника	85
18. Монолог певчей птахи	86
19. Монолог меча	86
20. Монолог соли	87
21. Монолог листа бумаги	88
22. Монолог ненаписанного стихотворения	89
23. Марику Лившицу	90
24. «Друзья умирают...»	90
25. Колодезные журавли	91
26. «Дожди заливают леса...»	92
27. Монолог паруса	92
28. Монолог креста, на котором был распят Господь	93
29. Тебе	94

Мифы Элады

1. «Летучий Голландец»	98
2. Золотое руно	99
3. Гефест	100
4. Сны кукол	101
5. Воспоминание	102
6. Тебе	103

7. Олимп	103
8. «Отринув нашей жизни...»	104
9. Сократ	105
10. Прекрасная Елена	106
11. Харон	108
12. Тезей	109
13. Тринадцатый подвиг Геракла	109
14. Ахилл	111
15. Сизиф	112
16. Зевс	113
17. Прометеев огонь и свеча	114
18. Икары	114
19. Сизиф	115
20. Олимпийские боги	115
21. Троя	116
22. Одиссей	117
23. У моря	118
24. Гомер	119

Портреты

1. Александр Блок	122
2. Анна Ахматова	122
3. Понтий Пилат	124
4. Апостол Павел	124
5. Колумб	125
6. Дон Жуан	126
7. Суворов	127
8. Памяти Иосифа Бродского	128
9. Эдгар По	129
10. Данте	130
11. Шекспир	131
12. Марк Шагал	132
13. В. Алейникову	132

14. Микеланджело	133
15. Пушкин	134
16. Иоганн Себастьян Бах	135
17. Сны Данте	136
18. Гёте	136
19. Смерть альпиниста	137
20. Моим друзьям	138
21. Уриель Акоста	139
22. Дед и баба	140
23. Гончар	141
24. Старик	142
25. Улыбка Моны Лизы	143
26. А. С. Пушкин	144
27. Диоген	144
28. Апостол Павел	145
29. Хемингуэй	146
30. А. Грин	147
31. Смерть старого клоуна	148

Наедине с природой

1. Река	150
2. Родная земля	150
3. Украине	151
4. «Ты тешишь гордыню...»	152
5. «Пускай я понял с опозданием...»	153
6. «Никто не забыт...»	154
7. Воспоминания о первом снеге	155
8. Земля и одуванчик	155
9. Воспоминание о советской Чукотке	156
10. Воспоминание	157
11. Серое утро	157
12. Майский вечер	158
13. Утро в деревне	159

14. Гроза	160
15. Июльская ночь	160
16. Ночь	161
17. Перед рассветом	162
18. «Мышь летучая в ладу...»	163
19. Стихи на рассвете	164
20. На рассвете	165
21. «С продавленной веранды...»	166
22. Ветер	167
23. Зной	167
24. «Струятся небеса...»	168
25. Март в деревне	169
26. «Над безымянной речкой...»	170
27. Собаке	171
28. Муравьи	171
29. Божья коровка	172
30. Брошенная собака	173
31. Наедине с природой	174
32. Птицы летят... ..	175
33. Орел в клетке	175
34. Ворон	176
35. Собачий вой	177
36. Снегирь в январе	178
37. Птица клест	179
38. Осенние листья	179
39. В конце августа	180
40. Выстрел	181
41. Осеннее	182
42. Зимняя родина	183
43. После дождя	184
44. «Польны качнулась...»	185
45. «Что может быть краше...»	185
46. «Луны пантографом касаясь...»	186
47. Апрель	187

48. В море	188
49. Перед рассветом	189
50. Солнце в зените	190
51. Листья желтые	190
52. Весенняя ночь	191
53. «Вот и канула в Лету...»	192
54. Ночная река	193
55. Майская ночь	194
56. Май	195
57. Март	196
58. Осень	196
59. «Звенит ручей у самого порога...»	197
60. Осеннее	198
61. «Тучи лезут на тучи...»	199
62. Крачка	200
63. Утро	201

Облака детства

1. Воспоминание о маме	204
2. Колка дров в юности	205
3. Воспоминание	206
4. Маме	206
5. Утро	207
6. Маме. Год 45-й	208
7. Солдаткам. Год 1945-й	209
8. Воспоминание (маме)	210
9. Маме	211
10. Зима. Год 1947-й	212
11. Июнь, 1945 г.	212
12. Маме в 1945 г.	213
13. Маме. Год 1947-й	214
14. Маме	215
15. Мамина свеча	216

16. Воспоминание (маме)	217
17. Жизнь	218
18. Сестре Люде	218
19. Мой старый дом	219
20. Воспоминание о детстве	220
21. В краю детства	221
22. «Горю нежданному...»	222
23. Созвездие Волосы Вероники	223
24. «Время — вспять...»	224
25. Весеннее утро	225
26. Воспоминание	226
27. Малая родина	227
28. Рассвет в детстве	228
29. Прощание с детством	228
30. В гостях у детства (В. З.)	229
31. В гостях у детства (сестре Люде)	230
32. Облака детства	231
33. Бессонница	232
34. Там... ..	233
35. Беспризорники у Вечного огня	234
36. Сестре	235
37. Сестре Люде	236
38. Воспоминание о детстве	237
39. Воспоминание о детстве (В. З.)	238
40. Прощание с детством	239
41. Там, в детстве	240
42. В доме моего детства	241
43. Зейлик	242
44. Из детства	243
45. Родина	244
46. Из детства	244
47. Сестре Люде	245
48. Осень на родине (сестре Люде)	246
49. Воспоминание о детстве	247

50. С кем ты?	248
51. Зеленое и голубое	249
52. Травы моего детства	250
53. Моему детству	251
54. Однажды в детстве	252
55. «Неумолимо время...»	252

Предвечный с нами!

1. Молитва	256
2. Маме	257
3. Воспоминание верующего	257
4. Плывут облака	258
5. «Нет, не спасут тебя...»	259
6. Другу	260
7. Двое	260
8. Иисус Христос и Понтий Пилат	261
9. Майское утро	262
10. На заброшенном погосте	263
11. Тишина	264
12. Минное поле	265
13. «В росных травах тропинку...»	266
14. «Чтоб там, за окном...»	267
15. У ночной реки	268
16. Крутые терема	269
17. Он ждет	269
18. Знойная степь	270
19. Подсолнухи и солнце	271
20. «Здесь, где месяца профиль...»	272
21. «Там, где возвращенная снегами...»	273
22. Первая любовь	274
23. Фарисеям	275
24. Господи	276
25. Зимнее утро в деревне	276

26. Десять прокаженных	278
27. «Случалось, тонул я...»	278
28. Ночью в степи	279
29. «Всего меня светлым...»	280
30. Сон	281
31. «Здесь, у реки...»	282
32. Зима на родине	283
33. Ныне прославился Сын Человеческий	283
34. «...А женщина была чиста...»	284
35. Когда загораятся звезды	285
36. Рукописи не горят	286
37. Другу	287
38. Псалмы Давида	288
39. Чайки	289
40. Музыка	290
41. Крым	290
42. «Над тихой речкой...»	291
43. Двадцать пятый	292
44. «О Господи, грехов моих...»	293
45. Я к Богу пришел	294
46. «За хатой рассвет...»	295
47. «По-разному приходят к Богу...»	296
48. Порой	297
49. Перед грозой	298
50. Осенний свет	299
51. Звезда	299
52. Поэт	300
53. Встань и иди	301
54. Из воспоминаний заключенного	302
55. «Душа была сомненьями...»	303
56. В зной	303
57. «Ни машин не видно...»	304
58. «Сказал Господь...»	305
59. Звезда	305

60. Учитель	306
61. Верить Богу	307
62. Слушая кукушку	308
63. Слово Божье	309
64. К Богу	310
65. Остров одиночества	311
66. Воспоминание о первой молитве	312
67. Другу	313
68. Бог любит вас	314
69. Человек на маяке	314
70. «Солнышко взошло...»	315
71. Первые христиане	316
72. Огни за рекой	317
73. «Лукавые, полные силы...»	318
74. Иуды	319
75. Тридцать сребреников	320
76. Колизей	321

Любовь и солнце

1. Весна 45 года	324
2. Королева красоты	324
3. Честное слово	325
4. Моей маме и всем солдатским вдовам посвящается ...	326
5. Старый ворон	327
6. Майское утро	328
7. Когда ты приходишь	329
8. Тебе	330
9. Первый снег	331
10. Души	331
11. Золотая свадьба	332
12. Тебе (В. З.)	333
13. Весна	334
14. Родина	335

15. Валентине	335
16. «Я часто жил...»	336
17. Смех	337
18. Сон	338
19. Готов ли ты?	339
20. Слово	340
21. Римские катакомбы	340
22. «От воркованья голубино...»	341
23. Беременная	342
24. Магдалина	343
25. Иосиф и Мария	344
26. Змея	345
27. Звезда над Вифлеемом	346
28. Молитва на юге	347
29. Братьям и сестрам	347
30. Возвращение	348
31. Жене	349
32. Тебе	350
33. К тебе по утренней росе	351
34. Вот женщина	352
35. Весна	352
36. Топор	353
37. «Ничего, увы, не изменилось...»	354
38. Ветер	355
39. Осень в деревне	356
40. Майский ветер	357
41. Осень	357
42. Ночное купание в море	358
43. Осенний ветер	359
44. Последний лист	360
45. Первый снег	360
46. Лунные моря	361
47. Утро	362
48. Музыка приходит раньше нас	363

Еврейские мотивы

1. Стена плача	366
2. Родина	367
3. Евреи в пустыне	368
4. Синайская пустыня	369
5. Уехавшим друзьям	370
6. Храм	371
7. Археологические раскопки в Израиле	371
8. «Встает, подпирая собой...»	372
9. У заброшенной синагоги	373
10. Два отца	374
11. Деду	374
12. Воспоминание	375
13. Народ и Книга	376
14. Юдифь	377
15. 23 апреля	378
16. Плач Иеремии	379
17. К моему народу	380
18. Иаков	381
19. На бывшем кладбище еврейском	381
20. У Стены плача	382
21. Я — еврей	383
22. Стена плача	384
23. Воспоминание о раввине	385
24. Стена плача	386
25. К евреям	387

Второе дыхание

* * *

Я глаза поднимаю к небесному своду,
Словно за волосы поднимаю себя
В голубые поля, где в любую погоду
Белокрылые ангелы в вечность трубят.

До чего ж высоко! Можно вмиг заблудиться
В беспредельном пространстве, уже не земном,
Может быть, потому, что сюда даже птица
Долететь не смогла бы... И в сердце моем

Слышу я, как сердца чьи-то честные рвутся,
Но вот с небом не стали они заодно,
Потому что, увы, и о небо споткнуться
Можно, если бывает с овчинку оно,

Если ты предпочел Слову Божьему святцы
И живешь только праздником очередным,
Если ты не сумел выше неба подняться,
Чтобы пасть на колени пред Богом живым.

Моим друзьям

Осенние листья литой желтизны
Звенят, как подкова на счастье,
Как будто из золота полной луны
Их только что выковал мастер.

Бывало, сжигал вас, не веря в добро,
Огонь, пострашней, чем «антонов»...
Но юности вашей звенит серебро
В трепещущем золоте кленов.

Вы женам своим не дарили манто,
Питаясь водою и хлебом,
И если, случалось, вы падали, то
Как звезды с высокого неба.

И, глядя годам убегающим вслед,
Я знаю, Господь вам поможет,
Сладчайшие грезы отчаянных лет
На горькую мудрость помножив.

Хлебнули вы слез и веселья сполна,
Увы, вы совсем не из стали,
И щедро горит на висках седина...
Иль звезды, что в ней заплутали?

Сентябрьский вечер

Как высоки бывают облака,
Плывущие в сентябрьском небе синем,
Когда отходит, как перрон, река
Ко сну и шелестит закат в осине.

И у плетня седой, как лунь, старик,
Ведя со мною разговор неспешный,

Вдруг передернув, как затвор, кадык,
Заглядывает в тот июнь кромешный.

А как чисты бывают голоса
Старух, в чьих судьбах столько горя было,
Как будто серебристая роса
Голосовые связки их промыла.

И кажется, вот-вот заговорит
Душа, даря мне радость полной мерой,
На языке, чьи корни вечность зрит
В звезде над вифлеемскою пещерой.

Ты забыл

День, с Божьей помощью, окончен,
Но не успел ты все ж чего-то,
Хоть день летел почище гончей
В живой воде седьмого пота.

Чего не сделал ты такого,
Что растревожило вдруг душу?
Ведь ты порой читаешь Слово
И никогда не бьешь баклуши.

Ты чтить родителей и место
В трамвае старшим уступаешь.
Ты, умный, кроткий, чуткий, честный,
Живешь, почти не оступаясь.

Тебе не надо в век суровый
В одежды белые рядиться...
Но умереть забыл ты, снова
Чтоб в вечном Господе родиться.

Гвозди

Гвозди, не страшные вроде на вид,
Хватку имеют бульдожью.
Каждый, как римский меняла, сидит
В теле, охваченном дрожью.

Гвозди на нас, еще, к счастью, живых,
(Чувствую кожей затылка),
Смотрят с креста из-под шляпок своих
С высокомерной ухмылкой.

Им бы крепить корабельную медь,
Доски стропил или тына,
Только спокойнее все же сидеть
В теле Небесного Сына.

Гвозди кромсают безгрешную плоть
Злей кровожадных пираний...
Дай же мне, слабому, силы, Господь,
В рог их согнуть бараний!

* * *

Над речкой, впадавшей в бессонницу, помню,
Стоял я, сомненья сжигая дотла,
Молясь, чтоб Господь мое слово наполнил
Подъемною силой живого крыла,

Чтоб, стены двухкомнатного причала
Раздвинув и ухая кровью в висках,
Вместила строка и конец, и начало
Звезды ли далекой, цвётка ли в ногах.

И я, отложив интересную книжку,
Молитвой тревожу ночной небосвод,
Чтоб краток мой стих был, как молнии вспышка,
Чей свет еще долго в глазницах живет.

Я Бога просил: «Дай, Создатель, мне силы,
Чтоб я не зарылся в длинноты, как в стог,
Чтоб каждое стихотворение было —
Ни больше, ни меньше — как выдох, как вдох».

Дворник Егор

Я просыпаюсь от близкого шороха:
Это метлою играет Егор.
Дворник Егор не придумает пороха,
Но, словно горнищу, высветлит двор.

Так что июльское небо бездонное,
Ночью вкатившее землю под дождь,
Смотрит, как в зеркало, в плиты бетонные,
Стертые тысячами подошв.

Я просыпаюсь, разбуженный гомоном
Птиц... И Егор улыбается мне
Не потому ли, что стать оправдомом он
Смог бы, наверное, только во сне.

Здравствуй, от слова душевного тающий
Дворник, умеющий жить не во зле,
Ведьму ссадивший с метлы и катающий
Наших детишек на щедрой метле.

Вот он идет, не умеющий хмуриться...
Это от Бога, видать за версту,
Коль, очищая от мусора улицу,
В душах наводишь ты чистоту.

Жить не во зле

Жить не во зле, жить не во лжи,
Не по моим, а по законам Бога,
Как день, родившийся во ржи,
Как вдаль бегущая дорога,

Как путеводная звезда,
Всегда горящая сквозь тучи,

Как родниковая вода,
Пробившаяся к жажде жгучей,

Как в поле — полная луна,
Как в разнотравье — дух полыни,
Как та, последняя, струна,
Оставленная Паганини,

Как храма каждый брус и гвоздь —
В живой воде седьмого пота,
Как в формуле, сухой, как кость,
Живет поэзия полета.

Жить не во лжи, жить не во зле,
Делясь последней коркой хлеба,
Жить так, как будто на земле
Нам по плечу законы неба.

* * *

Под вязами могучими,
Под шелест старых лип
Ночь звездами падучими
Прикармливает рыб.

А там вдали, за речкою,
Открытый всем ветрам,
Стоит погасшей свечкою
Людьми забытый храм.

И чья-то в ночь, над поздними
Хлебами путь верша,
Вперегонки со звездами
Вдруг падает душа.

Не будет зло задушено,
Пока (ты слышишь, брат?)
Мы собственными душами
Прикармливаем ад.

Сон

(Валентине)

Я один. Я ужасом объят.
Ни знакомых. Ни друзей. Ни близких.
Фонари разбитые стоят,
Как чужой эпохи обелиски.

Тишина. Но я по горло сыт
Тишиною, что крест-накрест окна
Забивает и потом висит
Над землею, словно меч дамоклов.

Ни души. Ни звука. Ни огня...
Романтичней, чем морские склянки,
Зазвучала б нынче для меня
Даже речь базарной спекулянтки.

Хоть бы скрипнул гром над головой,
Хоть бы птаха пискнула спросонок...
Тишина — как зимний волчий вой,
Тишина — как шелест похоронок.

Я проснулся. Первомай в окне.
Ветерок слегка кольшет ставень...
Как же, люди, даже пусть во сне,
Мог я беззащитных, вас, оставить?

Мои друзья
(В. Зелингер)

Никто из них не стал «великой шишкой»,
Им руку можно запросто пожать.
Их мучают ломота и одышка,
Но рядом с ними так легко дышать!

Какое дело им до мягких кресел
И до синицы в чьих-то там руках,
Коль проплывает, как могучий крейсер,
Клин журавлиный, тая в облаках.

Мои друзья... Их век, увы, недлинный,
Все чаще спотыкаются сердца,
Но как могуч и ровен гул пчелиный
В акациях у старого крыльца.

Мои друзья, поверьте, не кося
Сажень в плечах, но сколько раз, гоня
Сомнения, губы до крови кусая,
Они тащили в новый день меня.

Их тесный круг все уже с каждым годом,
Все меньше их, неловких и смешных...
Мои друзья не делают погоду,
Но в бурю я поставил бы на них.

Око за око

Свет пониманья стирая с лица,
Кровью и стеклами окон
Брызнув, врывается в наши сердца
Злобное: око за око!

Око за око... Безумия чад
Солнце рассветное застит.
Око за око, аж зубы трещат...
Господи, где ж оно, счастье?

Снайперы целятся в око — не в бровь...
Око за око! О горе!
Только я знаю, слепая любовь
Матери смотрит в корень.

Око за око! Пьянит, как вино,
Мир, что идет на закланье.

Око за око... Слепым не дано
Видеть чужое страданье.

И напоенная мудростью речь
Словно ударила током:
Даже ослепнув, ты должен беречь
Свет как зеницу ока.

Вера, надежда, любовь

Когда вдруг в голову ударит кровь,
Сию минуту требуя возмездия,
Пусть надежда, вера и любовь
Во мраке гнева вспыхнут, как созвездие.

И, замиряя яростных врагов,
Любовь отдать готовых на заклание,
Пусть ржавое железо желваков
Оплавится слезами покаяния.

И пусть лукавый, маскируя ад
Под кущи рая, смять нас не пытается,
Поскольку сила истинная, брат,
Не сталью ратной — верою питается.

И даже, если мне не повезет, —
Смыкая тяжелеющие вежды,
Услышу я, как мне Господь шепнет:
«С тобою вместе не умрет надежда».

Весенней ночью

Днем облака висели, холодны,
И было зябко черноземной почве,
А ночью, как терпенье у весны,
Вдруг лопнули березовые почки.

И птаха, зимовавшая со мной,
От счастья тихо пискнула спросонья.
И я, присев, ласкаю круг земной,
Луч солнца знойный помнящей ладонью.

И высыпали тучи звезд в зенит,
Как на порог небесного чертога,
И каждая, как колокол, звенит
Во славу сотворившего их Бога.

А здесь, на грешной, на моей земле,
Сосед-пьянчужка, скользкий, словно дратва,
В который раз клянется не во зле
Отныне жить, хоть сам не верит в клятву.

Но с Божьей помощью я, гнев свой прикусив
И вспыхнувший в глазах огонь умерив,
Поверил вновь ему, себя спросив:
Как жить, когда никто в тебя не верит?

Сыну Валерию

Разве кто-нибудь может противиться Богу
И отринуть распятой любви торжество,
Если в сердце твоём жарко бьётся тревога
За живущих вне вечного Слова Его?

Если, смяв равнодушие, зависть и злобу,
Ты, пылинкой к Его припадая стопам,
Веры древо могучее пестуешь, чтобы
Хоть немного приблизились мы к небесам.

Разве Богу противиться кто-нибудь может?
Разве сравнивать с чем-нибудь можно твой труд,
Коль слова твои, в кровь проникая, по коже,
Словно звезды, упавшие с неба, бегут?

Про тебя, умалившегося до песчинки,
До предутренней, павшей на землю, росы
Шепчет мать, покрывая седины косынкой:
«Слава Господу Богу, как вырос наш сын...»

* * *

Когда в моей жизни неровной
Я выбора сделать не мог,
Я в Суд обращался Верховный,
Название которому — Бог.

И пусть до сияющей шири
Семь верст, и к тому ж через лес,
Я знал, что не может быть в мире
Инстанции выше небес.

Там дышится сладко и вольно...
И где еще встретишь ты, где,
Судью, чтоб погиб добровольно
За наши грехи на кресте?

Весенней ночью

Весенняя тучка над пашней,
Над зеленью нежной холмов...
И вдруг вавилонскою башней
Обрушились глыбы громов.

Ударил молния сбоку,
По-хищному, из-под небес,
И сам, словно молния, окунь
Ей вскинулся наперерез.

Озона пьянящая сила
Мне в легкие щедро влилась,
И к сердцу огнем подступила
Весны неподсудная власть.

О, миг этот ярче прозренья,
Мудрее всех читаных книг!
Дай, Господи, мне вдохновенье,
Чтоб сделать бессмертным сей миг.

Утренний ветер

Ветер утренний, свежий, бодрящий
Вдруг вломился в окно и в меня,
С жаркой кровью, по жилам летящей,
Прочь холодные тени гоня.

Пахнет ветер травую и сталью
Намахавшейся вдоволь косы,
И подернутой дымкою далью,
И живую водою росы.

Ветер маминой пахнет геранью...
И над солнцем, взошедшим едва,
Как страницы Святого Писанья,
Шелестит молодая листва.

Ветер щедро пропах ароматом
Дальних странствий и собственных сил,
Словно в царстве гулял тридевятом
Или в Царстве Небесном гостил.

Знойный полдень

Отражаясь в уже подсыхающих лужах,
Поднимается щедрое лето в зенит,
И на острых лопатках моих неуклюжих
Жаркой бронзой полдненное солнце звенит.

И такая вокруг тишина, что я слышу,
Как сползают усохшие тени с горы,
Как матерая щука лениво кольшет
Небо, в речке укрывшееся от жары.

Может быть, для того воцарилась такая
Тишина голубая на тысячу верст,
Чтобы, боль безъязыкой души постигая,
Голос этой души в вечном шепоте звезд

Я услышал, как будто в целительных росах
Весь омылся. И, Божью познав благодать,
Понял я, что не будет средь нас безголосых
Душ, коль сможет душа твоя голосом стать.

Божье терпение

Бесконечность Вселенной сегодня смешна,
Даже где-то наивно убога,
Ибо может легко затеряться она
В бесконечном терпении Бога.

Не испытанной крепостью-домом моим
И не душеспасительной ложью, —
Грешник, жив я еще потому, что храним
Бесконечным терпением Божьим,

Потому что святое волнение в крови
Поднимая, дорогой прозренья
Нас ведет от Голгофы до вечной любви
Бесконечное Божье терпенье.

Но не ведаю я, в сердце чувствуя страх,
Где терпенье закончится Божье,
Может, где-то в иных, отдаленных веках?
Или там вон, за скошенной рожью?

* * *

(*Валентине*)

Я не ведал названия этих цветов,
Но они возле нашего крова
Поднимались над заводью злых сорняков,
Как пришельцы из мира иного.

И блистала в том мире роса, как талант,
Острым косам, увы, на потеху,
И гуляло всю ночь за рекой по тылам
Нашей юности звонкое эхо.

В мире том, прокаленном в июльских ветрах
И не канувшем в сено иголкой,
Не на гуще кофейной, а на облаках
Мне гадал морячок весь в наколках.

В мире том, обещающем сотни дорог,
Я навек затерялся, похоже...
Но шепнула мне мама: «У Бога, сынок,
Ничего затеряться не может:

Ни звезда, ни пропахшее потом жнивье,
Ни ребенок, убогий и сирий,
Если сможет прозревшее сердце твое
Стать вместилищем Божьего мира».

Польнь

Спроси поднебесную синь
И пламя походных костров,
Чем пахнет степная польнь?
Наверное, «розой ветров».

А может, парным молоком
Дождя, вдруг сбежавшего с круч,
А может быть, громом, бочком
Протиснувшимся между туч.

Ты взглядом просторы окинь —
Трав разных так много у нас, —

Но мне почему-то полынь
Ласкает и сердце, и глаз.

Полынь... Оглянувшись назад,
Я чувствую горечь в крови.
Полынь... У нее аромат
Не узнанной мною любви.

И шелест ее у лица,
Как светлую слушаю весть,
Поскольку, взглядишь, от венца
Тернового что-то в ней есть.

Бездна

Какая бездна надо мною
Шутя глотает Млечный Путь!
И поднимается по грудь
Волненье, как трава, стеною.

Но, потрясая все основы,
Меня и манит, и страшит,
Да так, что кровь в висках звенит,
Другая бездна — бездна Слова.

Но не того, что, коль ты зрячий,
Увидишь: нищенской сумы
Оно бедней. Не в нем ли мы
Свою убогость часто прячем?

И не того: «за око — око»,
Сгибавшего в бараний рог
Нас, а того, в котором Бог
Хранил Вселенную до срока.

Суламифь
(В. Зелингер)

Приелось все: наложницы и золото,
Жизнь бурная вот-вот сошла б на нет,
Но волосы твои под цвет заката
В душе царя затеплили рассвет.

Ты не пускала в ход ни хитрость лисью,
Ни зелье: ну какая сила в нем,
Когда венок из виноградных листьев
Короною носила пред царем!

Дочь пастуха... И лопались от злости
Царицы все. И знаменитый храм,
Ливанским кедром и слоновой костью
Украшенный, как будто к небесам,

К тебе тянулся, ибо мир упрочив,
Чисты и непорочны, как роса,
Сияли твои утренние очи
Любовью, подперевшей небеса.

Раскрыв окно, гляжу я в ночь бессонно,
И сердце жарко утверждает вновь:
Грош стоила б вся мудрость Соломона,
Не подари Господь ему любовь.

Утро

Вновь радость чистую изведав,
Я в мир спешу, рассветом зван,
Где, как туманность Андромеды,
Над речкой стелется туман,

Где, помня гром казацкой славы,
Вздымавшей вровень с небом прах,
Росой стреноженные травы
Пасутся на семи ветрах.

Еще минута, нет — мгновенье,
Что длится вечность иногда,
И все вокруг придет в движенье,
И звуки хлынут, как вода,

На старый дом, на куст крушины,
На церковь новую, на луг...
И в звонкой глотке петушиной
Вдруг солнечный взорвется круг.

Через минуту. А покуда,
Мне душу высветлив до дна,

Над миром, как восьмое чудо,
Парит, ликуя, тишина.

И, отшвырнув сомнений гири,
В который спрашиваю раз:
Не потому ль так тихо в мире,
Чтоб я услышал Божий глас?

Ты разбудил меня, Господь

Ты разбудил меня, Господь,
Чтоб, как бывало,
Я встретил утро у плетня,
Где мир начало

Берет, облитый молоком
Из детства речек,
Где смех сбегает босиком
С резных крылечек.

Ты разбудил меня, мой Бог,
Сметая тени,
Чтоб я шагнул не за порог —
За край сомнений,

Туда, где правит бал любовь —
Судьбы начало,
Где Богом пролитая кровь
Зарей восстала.

Где не стреляют душу влет,
Где, я уверен,
Как знание высшее, живет
Святая вера.

Созвездия
(В. 3.)

Весенней ночью над землей зеленой,
Когда в висках все звонче жаркий тик,
Названьями созвездий опьяненный,
Витаю я вдоль Млечного Пути.

Вот Козерог, Стрелец, а вот Большая
Медведица, вот Рыбы мельтешат,
А дальше — Дева стройная, босая
По иглокожим звездам не спеша

Скользит сквозь ночь и бесконечность, тронув
Доверчивой улыбкою уста,
И в мир, горящий словно Рим Неронов,
Не Бог ли смотрит с Южного Креста?

И мысль пришла, проста, как ломоть хлеба:
Жизнь эту удивительную нам
Он дал не для того, чтоб звезды с неба
Хватали мы, но сберегли их там.

Камо грядеши?

(Валентине)

Я полем шел. Пшеничный колос
Про хлеба сдобного ломоть
Шептал мне вслед. И был мне голос:
«Куда идешь?» К Тебе, Господь!

Теперь — к Тебе. Душа устала
Ходить кругами каждый миг,
Петлять ей больше не пристало.
Теперь — к Тебе, и — напрямик.

И если где-то в сердце ропот
Живет, сомненьями храним,
Что ж, человек я, а не робот —
Дай силу мне остаться им.

Чтоб, как истлевшую одежду,
Соблазны мира — за порог
И на вопрос: «Куда идешь ты?» —
Я б выдохнул: «К Тебе, мой Бог!»

Весенней ночью

(В. З.)

Огромным, круглым, любопытным оком
Глядит луна. Из-за плеча луны, —
Как плавают в аквариумах окон, —
Моей далекой молодости сны.

И слушает, взлелеяна полями,
Как там, внизу, не торопя рассвет,
За печкой, как за синими морями,
Поет сверчок над пеплом прошлых лет.

Поет, и остается за порогом
Все, что мешало мне вчера дышать,
И, как дитя, раскрепостившись, с Богом
Доверчиво общается душа.

И не нужны ей крылья, как Дедалу,
Чтобы в гордыне небо покорить:
Она сама частицей неба стала,
Когда устала лишь себя любить.

Не убий!

Земля, как бумага, горит
И глохнет от ратного грома..
А Он «не убий!» говорит
Убийце, от крови хмельному.

И как бы ни мудрствовал змий,
С какого б ни выполз он боку,
Я слышу слова «не убий»,
Что людям завещаны Богом.

Но как иногда совладать
С собою, когда, вдруг до точки

Дойдя, ты бы мог растерзать
Врага своего на кусочки.

И в бездну пещерных веков
Срываясь, ты в драке жестокой
С ним насмерть схватиться готов:
Зуб за зуб и око за око.

Спасенье в одном: возлюбив
Христа, на Него уповая,
Шепчу я себе: «Не убий!» —
Убийцу в себе убивая.

Дал мне Бог

Наделив меня глазами, Бог
Душу дал мне, что важней намного,
Чтобы я средь множества дорог
Смог увидеть путь, ведущий к Богу.

Дал Господь мне пару крепких ног,
Но куда важнее: Всемогущий
Душу в мою плоть вдохнул, чтоб смог
Я осилить путь, к Нему ведущий.

Воспоминание

Ночь поднималась в полный рост,
И таял на краю вселенной,
В бесчисленных иголках звезд,
Сток свежескошенного сена.

И, взглядом к небу прикипев,
Смотрел я, полный щедрой силы,
Как мышшь летучая в пике,
А может, в мезозой входила.

И, радость чистую даря
Мальчишке из другого дома,
Стекали лунные моря
С весла в холодный черный омут.

Неясной музыкой томим,
Я слушал, как луга дышали,
И губы именем Твоим,
Господь, впервые набухали.

Неудержимы, словно весть
Благая, приходили строфы...
И понял я простую вещь,
Что нет Парнаса без Голгофы.

Смерть верующего

До конца он тих и ласков был,
Ближе к хлеборобу, чем к воителю,
Потому что весь сердечный пыл
Посвятил он своему Спасителю.

Он шептал мне: «До конца держись
В этой жизни, горькой от страдания,
Только помни: есть иная жизнь
За чертой последнего дыхания.

Как бы плоть лукавый не крушил —
Стой себе, как та березка во поле,
И не забывай, что храм души
Выше и бессмертней всех Акрополей.

Вот и все. Прощай, мирская явь, —
Дьявольских соблазнов средоточие».
Умер он. Но точку ты не ставь,
Ибо смерть — всего лишь многоточие...

Себе в день 60-летия

Ноябрь. Тридцатое число.
Мне — шестьдесят. Очки. Морщины.
И, словно сабли наголо,
Сверкают на висках седины.

Мне — шестьдесят, но я в строю.
И чую, справившись с годами,
Как жилку каждую мою
Кровь закусила удилами.

И вновь захватывает дух
От скорости, как храм, высокой,
И я стихи читаю вслух
Полям и женщине далекой.

И снова жизнь — как пир горой
Иль как дорожка беговая...
Но сердце так болит порой,
За мной уже не попевая.

* * *

Все меньше сил в усталом теле,
Но не терзает страх меня:
Я вижу свет в конце туннеля,
Как видят свет в начале дня.

И вот под шелест осокозя
Я вдруг почувял, как дыша
На ладан, отступили хвори
И в небеса впряглась душа,

Чтоб, может быть, душа другая,
К которой ходы ищет бес,
В сомненьях крылья обретая,
Смогла подняться до небес.

БОЖЬЯ ВОЛЯ

Это миру ведомо от века,
Может быть, от самой первой боли,
Что железной воле человека
Не ужиться с вечной Божьей волей.

Сколько раз без усталости помпезной
Речью в наши уши барабана,
Человек сгибал своей железной
Волей человека в рог бараний.

Чтобы тот, томясь от мук телесных,
Знал, живя в душевном непокое:
От железной воли до железных
Кандалов, увы, подать рукою.

И не росы серебрятся в поле —
У земли спина от страха взмокла:
Не железная ли чья-то воля
Вновь над ней висит, как меч дамоклов?

Погружаю очи в свод небесный,
И слова летят над спелой рожью:
«Никакой, тем более железной,
Мне не надо воли, кроме Божьей».

Весенний вечер

В час, когда с молодой луной под венец
Мимо вечер идет звездокий,
Слышу я, как кругами годичных колец
Ходят в клене развесистом соки.

Обостряется слух, наливается кровь
Жаром, вмиг изгоняющим хвори...
И открытым окошком родительский кров
Вновь зовет, как открытое море.

В том окошке живут от зари до темна
Горизонты и ширь небосвода,
Под которым стоят, высоки, как сосна
Корабельная, вешние воды.

И душа моя слышит волнующий зов
Сотворившего звезды над нами...
И не страшен мне ветер несчетных веков
За спиною и перед глазами.

Осеннее утро

Мне вдруг показалось: осенний рассвет
Не вывезет в небо кривая,
Но падают листья, и каждый твой след,
Чтоб он не остыл, прикрывают.

И птицы над серым, унылым жнивьем
Кричат, сотрясая высоты:
«Мы вам оставляем, друзья, окоем,
Как новую точку отсчета».

И гром прогремел возле самых стропил
Над речкой поднявшейся хаты:
«Я небо седьмое для вас застолбил,
Счастливого взлета, ребята!»

И голос в дыхании утлой травы,
Что тычется в ноги, сутулясь:
«Я вас научил сострадать, чтобы вы
О счастье свое не споткнулись».

Первый снег

За окном, где, землю сном опутав,
Ночь дала молчания обет,
Снег идет так медленно, как будто
Хочет, чтоб его догнал рассвет;

Чтоб, суля живую воду злакам,
Дремлющим до срока, видит Бог,
След ноги твоей рассвету знаком
Высшей пробы предъявить он мог;

Чтоб узрело завтра население —
От почтенных старцев до детей:
То не просто снег, а продолжение
Чистоты немеркнувшей твоей.

* * *

По тонкому льду только что обретенной,
Уставшую душу врачующей веры
Иду я и слышу, недавно рожденный,
Как музыкой тают небесные сферы,

Как шепчет мне ласково в росах обильных
Былинка: «Держись за меня, человече!
Невзрачна я с виду, но я из двужильных
Трав, камень булыжный берущих на плечи».

И слышу я каждой кровинкой, поверьте,
Как в роще, впритык подступающей к хатам,
Твердит мне кукушка — подружка бессмертья:
«Бессмертье не здесь, а за тем вон закатом».

Не видно висков из-под белого пота,
На финишную прямую я вышел,
Но знаю: молчание смерти — лишь нота
В чарующей музыке голоса свыше.

Журавли

Ветер оставил в покое калину,
Шум городской за рекою стихает,
И с острия журавлиного клина
Вслед им закатное солнце стекает.

Я понимаю, журавль — не жар-птица,
Сер он, как этот неласковый климат,
Но не пойдет по рукам, как синица,
Птаха, прибитая собственным клином

К небу... И что бы там ни говорили,
Не обещаниями говоривших —
Жив я усталыми взмахами крыльев,
Выси орлиные мне подаривших,

Чтобы я небо берет как зеницу
Ока, не путал с водою и хлебом...
Что мне в руках не синица — жар-птица,
Если не будет в душе моей неба.

Благодарю Тебя, Господь

Благодарю Тебя, Господь,
За этот вставший над холмами
Рассвет — как вечности ломоть,
Так пахнувший пятью хлебами.

Благодарю Тебя за дни,
Когда узнал я тяжесть длани
Твоей... Не ноше ли сродни
Она той самой, что не тянет?

Спасибо, Господи, за дом,
Так и не ставший полной чашей,
Спасибо за июльский гром,
До потолка жилище наше

Наполнивший дыханьем трав...
От этих трав, подмявших дали,
Встававших из любых потрав,
Стальные косы увядали.

И пусть Ты был со мною строг,
Уча меня воде и хлебу, —
Ты умалиться мне помог,
Чтоб смог приблизиться я к небу.

* * *

Уже на закат повернула дорога...
Что ж, грустная правда колюча, как еж.
Отнять можно жизнь, но не слово от Бога —
Как можно отнять то, что сам отдаешь?

А я отдаю вам прозревшую душу,
И самый прекрасный несбывшийся сон,
И сердце, что бить не умеет баклуши,
Но бьется с далекой звездой в унисон.

А я отдаю новогоднюю стужу,
Распявшую пальмы на вашем окне,
А я отдаю вам весенние лужи
И море дождей на влюбленной луне.

А я отдаю вам рассвет за порогом,
А я отдаю вам за хатой закат.
Все то, что мне было даровано Богом,
Я вам отдаю. До чего ж я богат!

Берите мой мед, еще помнящий вереск,
Берите мои заливные луга,
А главное, кроткому сердцу доверяясь,
Берите в друзья, не смущаясь, врага.

И пусть (это жизнь, нет в ней умысла злого)
Дорога ныряет в вечерний туман,
Я вам отдаю свое каждое слово,
Чтоб после за словом не лез я в карман.

* * *

Судить легко, прощать — сложней намного...
Прощению пробиться как, скажи,
Сквозь ненависть, не знающую Бога,
И лень погрязшей в слепоте души?

Как быть прощенью с чувством оскорбленным,
С мечтою, что растоптана была,
Как быть ему с железом тем каленым,
В деревнях выжигавшим нас дотла?

Как быть ему с застывшей в камне тенью
Сгоревшего в том атомном огне?
Как быть, что делать моему прощенью,
Когда на горло наступили мне?

Судить легко. Но почему, когда мы
Кого-то где-то судим, всякий раз
С горы святой слетает в душу прямо
Чуть слышный стон Простившего всех нас?

Простившего... Но люди без стеснения,
Как и тогда, безумствуют и лгут...
Так пусть свершится справедливый суд,
Доросший до высокого прощенья.

* * *

Чтобы слово дышало покоем,
Свет целебный рождая в груди,
В ночь слепую из сонных покоев,
Как на борт каравеллы, взойди.

Хлопнет дверь за спиной, словно парус,
И уйдешь ты по гребням валов,
Мир в душе обретя через ярость
Бури, пахнувшей «розой ветров».

И сквозь тучи, подмявшие знаки
Зодиака, лицом просветлев,
Вдруг увидишь тот самый во мраке
Свет, когда-то заполнивший хлев.

И поймешь средь весеннего гама
Птиц, навек избавляясь от шор,
Что, как в мирную светлую гавань,
Наконец-то ты к Богу пришел.

* * *

И рассветный луч над тихой речкой,
И туман, подкравшийся к лугам,
И полынь у самого крылечка —
Все сложил Господь к моим ногам.

Ни крупичицы серебра иль злата,
Но, смахнув ночные тени в лог,
Новый день в окошке нашей хаты
Он свечой вселенскую зажжет.

И склоняюсь к мысли я все чаще:
Это знак Его любви ко мне,
Если слышу, как звенят маняще
Годовые кольца в старом пне,

Если слышу, как воздушным змеем
Обернувшись, роет небосвод
Змей Горыныч, если слышу, млея
От весны, как в руку сон плывет.

Но я счастья большего не знаю,
Чем услышать, верую дыша,
Как молчит, о помощи взывая,
Чья-то безъязыкая душа.

День угасал

Среди лесов, полей, холмов и рек
День угасал в спокойствии и славе,
Как человек, проживший долгий век, —
Душе своей на пользу и державе.

День угасал. Над ним в пике стрижи
Входили, выманив меня из хаты...
И золото промытой ветром ржи
Звенело щедро в золоте заката.

День угасал у самого крыльца,
Поведать что-то важное мне сияясь,
Как человек, которому сердца,
Как горизонты главные, открылись.

День угасал. Но светлый вешний гул
Царил в душе и над землей цветущей,
Не потому ль, что мне Господь шепнул:
«Конечен день любой, но не грядущий».

* * *

Какая благодать и тишина
Витают под высоким небом синим!
Но сгорбилась от боли вдруг спина,
Став продолженьем горькой древесины.

А до холма, увы, не близок путь,
И выжигает пот почище перца
Глаза... И разорвать готово грудь
Из-под креста к нам рвущееся сердце.

Юродствует, беснуется толпа,
Не ведая на гребне пьяной силы,
Что времени неспешная арба
Уже за горизонт перевалила.

И ей не дотянуться до Него,
В каком ни окажись Он вражьем стане —
Хоть здесь, хоть над далекою Невой,
Но Он до сердца каждого достанет.

И я узрел душой и кровью всей,
Сомнения недавние сминая,
Как тысячи и тысячи людей
Крест подхватили, Симона сменяя.

Гроза

За речкой гнулся старый лес,
Такого не было потопа:
Дождинка каждая с небес
Летела бешеным галопом.

И, с тормозов сорвавшись, гром,
Сосредоточенно упорен,

Наш деревянный ветхий дом
Сплеча рубил под самый корень.

Мелькали молнии вдали...
От их безумного полета
Вставали дыбом у земли
Меридианы и широты.

И, разлепив с трудом уста,
Шептал я над водою пенной:
«Неужто я, Всевышний, стал
Свидетелем конца вселенной?»

Но серых туч гнилую плоть
Сжигая, луч мне лег на плечи,
Как будто руку Сам Господь
Мне протянул: еще не вечер!

Еще не вечер! Людям жить,
Вкушая счастье полной мерой,
Покуда солнышку светить
И небу чистым быть их верой.

После дождя
(Моему деду)

Словно губкою небо протерто
Там, где хлебные встали колосья,
И не хочется думать про черта,
Что вставляет мне палки в колеса.

Потому что, носясь над кустами,
Подступившими к речке широкой,
Мир, как милостями, новостями
Целый день осыпает сорока.

Мне известно: лукавый не дремлет,
Но все выше и выше стропила
Светлой веры... И радуга землю
С вечным небом, ликуя, скрепила.

В тесной клетке душе не ужиться,
Потому что, коль дружишь с мечтою,
Никакая в руке синица
Журавля в поднебесье не стоит;

Потому что глядит без укора
Дед на мир, как дитя, уповая
На четверг, на тот самый, который
После дождичка все же бывает!

* * *

Я стою в раздумье над речушкой,
Глохнущей от рева самосвалов,
Где с самой царевною-лягушкой
Плавал я вперегонки, бывало.

Где роняла ночь звезду, чтоб утром
В росных травах, дремлющих вповалку,

Об нее за нашим домом утлым
Я споткнулся, выйдя на рыбалку.

Это здесь под небом необъятным,
В ночь шагнув с затертого порога,
Я однажды в шелесте невнятном
Медуницы вдруг услышал Бога.

Это было как землетрясение:
Мир обломками, казалось, брызнет...
Это было, словно воскресенье
После смерти, длившейся полжизни.

* * *

Стоит у Млечного Пути
Моя приземистая хата,
И сердце екает в груди
От близости луны рогатой,

От ветром вылизанных верст,
Где разгуляться может эхо,
От падающих в речку звезд
Русалкам местным на потеху.

Уже седой, я на углу
Моей бессонницы и неба
Стою, к речам помпезным глух,
Но вслушиваюсь в шелест хлеба.

Там где-то — бьющий по глазам,
А разобратся — прямо в души,
Воинствующий свет реклам,
И никаких тебе отдушин.

А здесь — мерцание воды,
И если присмотреться строго,
Легко я зрю на ней следы
Прошедшего здесь утром Бога.

Жажда

Наверно, не было от века
Такого зноя.. И чинары тень
В слепящем жаре съежилась калекой,
И, плавясь, маревом струится день.

Зной давит, как вселенская усталость,
И я, мечтая о глотке воды,
Услышал иль мне это показалось,
Как в горле больно закрипел кадык.

Не надо мне ни серебра, ни злата,
Мне только бы добраться до ручья,
В котором окна нашей белой хаты
Манили, как заморские края.

Не умер я от жажды, в век суровый
Сумев свою кончину отдалить,
Чтобы другую жажду — жажду Слова,
Что Божьим именуют, утолить.

Март

День разгорался над крышей покатою,
В свет погружая сырой осокорь,
Солнышка мне из сосуллек накапав —
Лучшее средство от всяческих хворь.

Страсти вселенские так и кипели,
Землю дыханьем своим окропив,
В мартовской звонкой, слепящей капели,
С крыши сорвавшейся, словно с цепи.

И, опьянев от воздушного тока,
Враз отрешившись от зимней тоски,
Хвасталась перед Полканом сорока
Новостью — свежей, как ветер с реки.

И, поднимая глаза в поднебесье,
Чую, — не к жизни ль приблизюсь другой? —
Как наполняюсь до краешка весь я
Музыкой сфер, словно вестью благой.

У колодца

Сижу у деревянного колодца...
Такое равновесие вокруг,
Что если хоть одна звезда сорвется,
Качнется небо и очнется луг.

Проснутся крепко спавшие вулканы,
И море вздыбит страшную волну,
И старого облезлого Полкана
Тоскливый вой сведет с ума луну.

И, затаив на миг дыханье, весь я
Напрягся: неужели быть беде?
Не дай, Господь, нарушить равновесье
Вселенское ни людям, ни звезде!

И падает звезда, но не случится
Непоправимое. Не рухнет окоем.
Дай, Господи, ей в грудь мою вломиться
И в сердце разорваться дай моем.

И будет в том ко мне, великий Боже,
Твоей любви бессмертной торжество,
Коль чье-то сердце отогреться сможет
Над жарким пеплом сердца моего.

В рождественскую ночь

Ты каждый вздох свой обрати горé,
Вмеща в сердце небо неохватное,
И ты звезду увидишь незакатную,
Ту самую, чей свет нас всех согрел.

Что звезд неисчислимых серебро
Пред золотом одной звезды божественной,
Чей свет, такой манящий и торжественный,
В глаз метит, то бишь в душу, но не в бровь.

И ты узришь, застыв среди холмов
Родной земли, метелями завьюженной:
С луны горбатой, как с горба верблюжьего,
Посыпятся на мир дары волхвов.

Не ладан с золотом, не мирра — нет и нет!
Но смыслом вдруг наполнив будни серые,
Любовью став, надеждою и верою,
В сердца прольется негасимый свет.

Другу

Солнце, сходя с необъятных небес,
Спрашивает человека:
«С кем остаешься ты: с Богом иль без —
В год уходящего века?»

«С кем ты?» — пытается луна из ручья.
«С кем ты?» — стенают лягушки.
«С кем ты?» — вот главный вопрос бытия,
Все остальное — игрушки.

С кем ты? Нет времени больше молчать,
Надо не завтра — сегодня,
В душу свою заглянув, отвечать,
С небом ты иль с преисподней.

Третьего нету решенья, заметь,
С каждого спросится строго...
Полнится мир голосами: «Ответь,
С дьяволом ты или с Богом?»

Монологи

Сон

Там, на кресте исполненного долга,
Тоской предсмертной притушив Свой взор,
Он умирал мучительно и долго,
Так долго, что не умер до сих пор.

И отодвинув римского солдата,
Я подхожу к высокому кресту.
И под луной, огромной, в три обхвата,
Я слышу сердца собственного стук.

А может, это — дьяволу потеха,
И не на час, а на судьбу людей, —
Гуляет в чашах лунных цирков эхо
По шляпку забываемых гвоздей?

И, не страшась копья легионера,
На стон иду я, как на вещей зов...
Что мне копье, когда со мною вера —
Надежнейший на свете из щитов.

Но почему печаль мне душу гложет,
Когда оглядываюсь я окрест?
Не потому ль, что в этом мире, Боже,
Вовек не будет пустовать Твой крест?

Старики
(Друзю)

Бредут старики мимо ярких витрин,
И мне временами сдается,
Что слышу я, как в паутине морщин
Надежда последняя бьется.

Их, жить на пределе души, торопя,
С пеленок учила Отчизна,
В день завтрашний верить, покуда тебя
Из списков живых не отчислят.

Не чьи-то, страна, а твои старики
Идут мимо лающей моськи
Продажного века... О как нележки
Их полупустые авоськи!

В глазах, до конца не ослепших пока,
Под старческой мутной слезою,
Как будто под спудом, таится тоска,
Древней, чем хвощи мезозоя.

И ночь подступившую не побороть
Им, молча идущим по следу
Той жизни, вне Бога. И все же, Господь,
Войди в их сердца напоследок.

Пусть чувства и очи поднимут горé
Они в очищающем рвенье...
Будь милостив, Боже, и верой согрей
Их позднюю осень прозренья.

К поэту

Жизнь, конечно, не райский сад,
Но, оставшись в конце в накладе,
Не оглядывайся назад,
Все глаза прогляди, в «завтра» глядя.

Не считай вчерашних побед,
Но в броске последнем, быть может,
Кадыком зацепив рассвет,
Подтянись, чтоб в него всей кожей,

Кровью всей ты вцепиться мог
Так, чтоб в жилах набухли дали,
Чтобы камни чужих дорог
По твоим ногам зарыдали.

Только так! И ни шагу назад.
Только так! И на смерть не сетуй,
И тогда даже твой закат
Обернется в веках рассветом.

Монолог вчерашнего раба

Всю жизнь я жил среди презренья,
Была мне мачехой судьба,
И даже жалкий дом призренья
В упор не замечал меня.

От страха кожу на затылке
Сводило. Жил я, чуть дыша,
Давно в дрожащие поджилки
Сошла на жительство душа.

А мне б схватить за хвост жар-птицу —
Не надо никакой казны,
Мне б ненависти научиться
За партой собственной спины.

Но не повел Господь и бровью,
К моим стенаньям был Он глух,
Пока не понял я: любовью,
И только ею, крепнет дух.

И вот я, живший, как в пустыне,
Вчерашний раб, шепчу во тьму:
«Приди, закованный в гордыню,
С тебя оковы я сниму».

Монолог Голгофы

Века в извечной круговерти
Летят, запекшись, как уста,
С того по самое бессмертье
Мне в грудь вошедшего креста.

Вы слышите, скрипят канаты?
И крест уперся в небеса...
И чьи-то лица — как заплаты.
И словно дыры — их глаза.

Но там, вверху, вершится действие,
Там, к первой вспыхнувшей звезде
Свой стон приблизив, Иудейский
Царь умирает на кресте.

Там, на кресте, как за порогом
Земли, истерзан и клеймен,
Сын Человеческий стал Богом,
Там, за порогом всех времен.

Промчалась вечность, но не скрою
(Ту боль от сердца не отсечь),
И не хочу я стать горою,
Которая свалилась с плеч.

Монолог подковы

Потерял меня конь вороной...
Словно в омут, я канула в травы,
Пережившие сушь и потравы
И восставшие снова стеной.

Вот ведут лошадей из ночного...
Если б знали вы, люди, как под
Триумфальной аркой подковы
Мчатся версты, бросая их в пот.

Если б знали вы, как по утрам,
Когда мир так наивен и светел,
Как страстям, самым чистым на свете,
Я семи предавалась ветрам.

И звенели без устали в поле —
Не понять: подо мной иль во мне —
То ли звезды упавшие, то ли
Росы утренние на стерне.

Я довольна своею судьбой.
Что мне зной или серость ненастья,
Коль прибил меня людям на счастье
К полю этому дождик слепой.

Монолог Герострата

Я боюсь до смертной дрожи
Безымянным в землю лечь,
Но, лишенный искры Божьей,
Храм дотла могу я сжечь.

Что с того, что чудо сгинет
В жарком пламени костра
И языческой богине
Быстроногой до Христа

Никогда уж не домчатся,
Чтоб прозреть чрез Божий страх,
Коль я буду обретаться
У столетий на устах.

Только я, в решеньях скорый,
В ад попал, и вот итог:
Я горю в огне, который
Собственной рукой разжег.

Монолог дороги

Я — дорога. Я ношу в груди
Свет надежды множества порогов.
Я — дорога. Мне не по пути
С тропками окольными, ей-богу.

Засыпала я глаза песком,
В кровь обивала ноги, но горжусь я
Всеми, кто прошел меня пешком,
Всех их вспоминаю с нежной грустью.

Для одних я радугой была,
Триумфальной аркой, майским садом,
Для других, прямая, как стрела,
Обернулась я кругами ада.

Видно, потому Чумацкий Шлях
По ночам с небес необозримых
Говорит со мною о путях,
Тех, Господних, неисповедимых...

Монолог стола

Я — колченогий старый стол —
Убежище поэта,
Я для него и лес, и дол,
И небо в час рассвета.

Я — шелест тоненькой ольхи
И грохот ратной стали...
Написанные в стол стихи
Моей душою стали.

Я — не дубовый истукан,
Я жив чужой судьбою,

Я — не кушетка, не диван,
Я — стол, я — поле боя.

Поэт, я помню, как, дотла
Свое сжигая время,
Ты упирался в край стола,
Как в горизонт, как в стремя.

И щедро, словно сад весной,
Витая в высях горних,
Вдруг расцветал я, в шар земной
Вогнав четыре корня.

Монолог Иуды

Мне не вернуться больше никогда
В те дни, где я светло и без надлома
Жил... А теперь как буду жить, когда
Приговорен я к имени такому?

И в пот холодный снова бросив плоть,
От страха комом сердце в горле сжалось...
Как смотрит Он, мой преданный Господь!
В глазах не гнев — сочувствие и жалость.

Как смотрит Он, безжалостно разя
По чувствам самым темным, сокровенным...
Не яростью полны Его глаза,
А скорбью по невинно убиенным,

Которых где-то там, в иных веках,
Коварный поцелуй, как нож под спудом
Приберегая, сея ложь и страх,
Потупив очи, предадут иуды.

Монолог клена

(Моей маме — солдатской вдове)

Мне снился сон, что вровень с небесами
Я поднимаюсь быстро, как вода
Весною, и не кольцами — крестами
Во мне откладываются года.

И шелест листьев, тронутых ветрами,
Вдруг превратился — люди, я не лгу —
В стон плоти, раздираемой гвоздями,
Откованными из слюнявых губ.

Я видел сон: мы с Ним еще живые...
И вдруг я понял, что страшней всего
Почувствовать, как кольца годовые
Горят сквозными ранами Его.

И корни мои корчились от боли,
И соки леденели, словно кровь,
Но в этот мир, согласно Божьей воле,
С креста сходила вечная любовь.

Рассветной зорьки ширилась полоска,
И было слышно далеко окрест,
Как крест голгофский утешал березку,
Забритую в простой солдатский крест.

Монолог цепи

Я — цепь. Надежны мои звенья,
Но я, увы, не золотая..
На мне, железной, как на сене,
Сидит собака очень злая.

А мне бы вырваться на волю,
Где голубые незабудки,
А мне бы поваляться в поле,
А не греметь из тесной будки.

Нырнуть бы в чистую криницу
С ведром, которое пригубят..
Мне б с цепью якорной сдружиться
И с цепью на бессмертном дубе.

А мне б туда, где в росах злаки,
Где ночь встает из буерака..
Кому-то — денежные знаки,
Кому-то — знаки зодиака.

Молочные узреть бы реки...
Но я о том все чаще вою,
Чтоб на меня, на цепь, навеки
Зло посадили мировое.

Монолог нерожденного ребенка

Я убит еще в утробе,
Ставшей для меня Стеной
Плача... Я — Эйнштейн, я — Робин
Гуд, а может, лишь портной.

Я убит. Неважно, кто я:
Нищий иль толпы кумир,
Я убит, и вмиг со мною
Вместе сгинул этот мир.

Не расти отныне хлебу,
Не ломиться в май громам,
И от звезд несчетных небу
Не трещать уже по швам.

Я искромсан, я истерзан,
Я безжалостно убит,
Я, надежды чьей-то стержень,
Дня грядущего зенит.

Потому-то из утробы
Материнской, смерти тень

Отметая, как из гроба
Я восстану в Судный день.

И по Божьему велению
(Бойтесь, рвавшие зарю!)
Я, убитый до рожденья
Своего, заговорю.

Монолог гладиатора

Сейчас схлестнемся мы, друг другу лбы дробя,
В крови, как в масле, цирк кататься будет сыром...
Идущие на смерть, приветствуют тебя,
Сумевшего согнуть в бараний рог полмира.

Мне не впервой рубить товарища с плеча...
Удар! Еще удар! И меч приставлен к шее...
Но, Цезарь, палец твой опущен вниз — меча,
Пронзающего плоть, он будет пострашнее.

И медленно в песок уходит кровь из жил...
И я его добил в угоду сытым ложам,
Храбрейшего из нас, поскольку друг мой жил
Не в страхе пред тобой, а в светлом страхе Божьем.

И гром не прогремел, и не качнулась твердь
Земная от моей печали безутешной...
Но, гордый Цезарь, знай: идущие на смерть,
Мы будем ждать тебя у входа в ад крошечный.

Монолог автомобиля

Вы не поверите, что ж, и не надо,
Но от чадающих устав скоростей,
В боксе над ямой (и нет с этим сладу)
Снятся мне лошади вольных кровей.

И обжигающим яростным жаром
Дышат подшипники и шатуны...
Гривы свои разметав по Стожарам,
Вырвались в ночь из меня табуны.

Ветер полынный гудит под капотом,
Чую: мне этот простор по плечу,
И горизонтом, из конского пота
Выжатым, я захлебнуться хочу.

И, обгоняя ночное светило,
Мчусь, словно буду всегда на коне...
Силы небесные! Только б хватило
Сил лошадиных железному мне.

Монолог травы

И копыто, и железо
Одoleв не раз, не два,
К солнцу вон из кожи лезу
Я, двужильная трава.

Разольюсь, как половодье,
И прольюсь за оком,
И закаты, как уголья,
Захлебнутся ковылем.

А пока рассвет мой светел
И бездонна синева,
И летит весенний ветер
Вдаль, как добрая молва.

Мне бы слушать пенье птицы,
Мне бы видеть иногда:
Словно в чистую криницу,
В травы падает звезда.

И, как соль земли, при этом
Россыпь рос хранить в горсти,
Подставлять плечо рассветам
И быльем не порасти.

Но все ближе грохот ЗИЛов
И бетонная стерня.
Люди дружно тянут жилы,
Тянут соки из меня.

Знаю, сгину я, но с веком
Новым встретиться б сперва...
Это только человеку
Все на свете — трын-трава.

Монолог бывшего язычника

О боги ветра, озера, огня
И этого развесистого древа,
Как долго полудикого меня
Держали на коротком поводке вы.

Я ваши деревянные уста,
Чтоб вас задобрить, щедро мазал медом,
Я вас любил, но по щекам хлестал
За прыщик на носу, за непогоду,

За то, что на земле мои враги
Еще живут и здравствуют, за то, что
Я нынче утром с левой встал ноги,
А ночью — было муторно и тошно.

Я приносил вам щедрые дары,
Но вы — никто, не вы даете пищу,
И новый день, и новые миры
Прозревших душ, и цезарей, и нищих.

И пелена слетела с моих глаз,
И я от света и любви опешил,
Чтоб волею Всевышнего я вас,
Богов несостоявшихся, утешил.

Монолог певчей птахи

Люди, люди, вы певчую птаху
В клетку сунули, так вам сподручно...
Только я каждый день, как на плаху,
Поднимаюсь в зенит сладкозвучной

Глотки собственной, вас умиляя,
Вас, прикрывших мечтательно очи...
И далек, словно берег Маклая,
Клен, что тесную клетку щекочет.

И летят облака то на Киев
Стольный, то в предвечернее поле...
Если б только вы знали, какие
Распевала я песни на воле!

Так позвольте ж мне вами гордиться:
Дайте в небо взлететь голубое,
Может, стану для вас я той птицей,
Лист масляный доставившей Нюю.

Монолог меча

Я — острый, тяжелый, сверкающий меч,
Не раз я в жестоких сраженьях
Играючи смахивал головы с плеч,
Таких неприступных, саженых.

Загубленных жизнью мне было не жаль...
Что жизни, которые канут
В безвестность, коль кровью разящая сталь
Дымилась, как жерло вулкана.

Еще я остер, и не вышел мой срок,
Но небо меня покарало:
Все чаще мне снится Исаия-пророк,
В мече разглядевший орало.

И эту картину уже не отсечь
Безжалостной сталью хмельною:
Вздых, прерванный мною, мечом, словно меч
Дамоклов, висит надо мною.

Монолог соли

Везде: на море и на суше,
От сотни хворей мир храня,
С людьми я... Горек хлеб насущный
Без соли, то есть без меня.

Я — соль невзрачная, и сроду
Жизнь сладкой не была моя.
Я — каменная соль, и родом
Из каменных мозолей я.

Я — соль. До лампочки мне, кто ты:
Безродный нищий иль король,

Коль чтишь ты соль седьмого пота,
А это — высшей пробы соль.

И не поймешь ты, как ни сетуй,
Ища ответы там и тут,
В чем жизни соль — без соли этой,
Хоть съешь ты соли целый пуд.

Монолог листа бумаги

Всю ночь, в грядущий день нацелясь,
Угрюмым книжником слывя,
Ты слушал благодарный шелест
Моей души, когда слова

Твоих стихов, на птичьем гаме
Замешанных, готовых враз
Обрушить ночь, то вдруг кругами
Ложились темными у глаз,

То, согревая мирозданье,
Рождали звездный свет в крови...
И даже знаки препинанья
Казались знаками любви.

От слов случайных и фальшивых
Я, друг мой, корчусь, как в огне,
Но я счастливей всех счастливых,
Коль твой огонь горит во мне.

Как на юру, а не в овраге,
Тогда живу я. Благодать!
И я молюсь, чтоб мне, бумаге,
Душой бумажною не стать.

Монолог ненаписанного стихотворения

Еще меня не выдохнул поэт,
Любуясь, может быть, дуною спелой,
Еще меня на белом свете нет,
Но есть зовущий свет страницы белой.

Еще ни слова нет, но я в комке,
Стоящем в горле, я — в сердцебиенье,
Я в жилке, что набухла на виске,
В крови, рождавшей белое каленье.

Я в желваках, готовых сокрушить
Порядок будней, до смерти постылый,
Я в жаре губ, молящих небо: «Пить!» —
И в холодке, ломящемся в затылок.

Еще меня на свете нет, но я
Здесь, рядом с вами, в каждом вашем вздохе,
Я в животворной песне соловья
И в громе смявшей эту песнь эпохи.

Еще не разгорелся тот пожар,
Чье лоно — колыбель стихотворенья,
Но слышите, как вздрагивает шар
Земной, мое предчувствуя рождение?!

* * *

(*Марику Ливинцу*)

Друзья умирают, как будто все ближе
Ложатся снаряды... Тоска — через край.
А может, и впрямь не мешало бы лыжи
И мне наострить и махнуть на Синай?

Подальше от этой судьбы окаянной,
Туда, где согреет и душу, и плоть
Горячее солнце обетованной
Земли, где, спасая нас, умер Господь.

Но падает с неба, хлебнувшего горя,
Звезда голубая, и кто, как не я,
Подставит ладонь ей? А два осокоря?..
Когда-то взрастила их мама моя.

А крик петушиный... Греховная сила,
Услышав его, отступает без сил.
А мартовский снег, а родные могилы..
Как выжить живым без отцовских могил?

Есть где-то куда веселее закаты,
Где очень легко сытым быть и не злым...
Но здесь моя родина, здесь моя хата,
Покрытая матом и небом седьмым.

Колодезные журавли

Я слышу ночью, как, кляня свой жребий,
Не в силах оторваться от земли,
Тоскуют о высоком чистом небе
Колодезные наши журавли.

Вдохнуть бы аромат набухших почек,
Весенних звезд, чтоб заболела грудь,
Живой воды хотя б один разочек
Из океана пятого хлебнуть.

И мчаться, впрягшись в сонную планету,
Навстречу солнцу на семи ветрах,
Чтоб зазвенело золото рассвета
В их деревянных высохших телах.

И к чуду верой в Господа причастен,
Увидел я, как на крыло вдали,
Вдруг, заскрипев, нет, застонав от счастья,
Колодезные встали журавли.

* * *

Дожди заливают леса и станицы,
Наверное, где-то по швам разошлось
Осеннее небо, и мне уже мнится:
Оконные стекла промокли насквозь.

Поблекшее золото старого клена
К окошку, свечою согретому, льнет,
И гром, разохотившись, щедро поклоны
Старухе, в молитве склонившейся, бьет.

И слышу я голос, летящий к чертогу
Небесному у воронья на виду,
Просящий за тех, кто живет, как у Бога
За пазухой, и за живущих в аду.

И хочется крикнуть мне в век уходящий:
Что может быть выше сегодня, сейчас
Старухи, на острых коленках стоящей
Пред Господом Богом от имени нас?

Монолог паруса

Какое счастье жить на этом свете,
Когда, сорвав соленый белый прах
С крутой волны, в тебя вдруг входит ветер,
И ты летишь как на семи ветрах.

И маяки так жадно вслед глазеют!
И чище сладкозвучных голосов
Сирен, подстерегавших Одиссея,
Дыхание катящихся валов.

И сосны допотопные трясутся,
За шар земной уже едва держась,
И молния на вскинutom трезубце
Нептуна дико корчится, как язь.

Какое счастье, карты черту спутав,
Летящую луну опередив,
Услышать, как те семь, под килем, футов
Поют в твоей расправленной груди.

Пусть штормит и рвется там, где тонко, —
Вокруг на сотни океанских миль...
Пусть ураган! Пусть буря! Пусть! Но только
Не мертвый штиль.

Монолог креста, на котором был распят Господь

Толпа глумилась и судила
Пришедшего с любовью к ней...
И боль Его в меня входила
По шляпки всех грядущих дней.

И не услышал стражник пьяный,
Когда, узнав ту боль в себе,
Как человек, я, деревянный,
Вдруг застонал в подол судьбе.

Святая кровь над веком косным
Текла, спеша к векам другим,
Как по сосудам кровеносным,
По кольцам годовым моим.

И, словно листья облетая,
Годов несчетных круговерть
Склонилась, мудрость обретая,
Пред деревом, срубившим смерть.

И как зеницу ока, верьте,
До Судного беречь мне дня
Ту боль, что на кресте бессмертья
Распяла некогда меня.

Тебе

Тот же взгляд, входящий, словно клин,
В суть явлений, та же верность слову,
Только под глазами залегли
Счастья потемневшие подковы.

Только гуще клинопись морщин,
Только чуть прохладней стало в хате:

Это серебром твоих седин
Ветер зазвенел вдруг на закате.

Это, в сердце самое разя,
В полдень в до небес прогретый воздух
Выпала студеная роса.
Или обжигающие звезды?

Ты теперь узнаешь за версту
Истину, с которой, может, рядом
С песней по висячему мосту
Каждой жилки ты прошел над адом.

Время бесшабашности прошло...
И не Он ли, Всемогущий Боже,
Тень раздумий бросил на чело,
Тень, что так на вешний свет похожа?

Мифы Элады

«Летучий Голландец»

Царапая мачтой полночный зенит,
«Летучий Голландец» сквозь вечность летит.
Летит он, не тратя ни капли усилий,
Хоть море в объятиях мертвого штиля.

И мертвая на корабле тишина
Стоит, горизонтов вчерашних полна.
И в прошлое смотрит невидящим взглядом
(Душою своей расплатившийся с адом)

Больной капитан. И команда его
Давно уж не видит вокруг ничего.
И разве под килем вчера и сегодня
Семь футов? То девять кругов преисподней.

Сумою болтаясь в морях и в веках,
Корабль на пьяных летит парусах.
И блудным сынам — безымянным матросам —
К родным не вернуться лесам и покосам.
Им, грешным, земную утратившим твердь,
У Бога, как милость, вымаливать смерть.

Золотое руно

Снова со скрипучей мачты светит
Солнце, освежившись крепким сном,
И мужи, ликуя, словно дети,
Золотым любуются руном.

С мертвой зыбью справившись и с бурей,
Одолев бесчисленных врагов,
Воины, глаза прицельно шуря,
К берегам родным ведут «Арго».

Было все: предательство и сеча,
Когда, жаром яростным горя,
Тяжелели их литые плечи
От сомнений, тяжких как гора.

Позади кровавый пот и муки,
Впереди — желанный горизонт...
Как судьбу, берет весло он в руки,
Убеленный мудростью Ясон.

«Стоила бы, — он себя пытается,
К дому мчась над бездною морской, —
Выделки овчинка золотая
Без железной дружбы их мужской?»

Гефест

Ни звука, ни души окрест.
Безлюдье. Черные руины.
И смотрит, вдруг прозрев, Гефест
На эту скорбную картину.

Раздув огня девятый вал,
Другой не ведая работы,
Он копья и мечи ковал
С рассвета до седьмого пота.

Но вот ему приснился век,
Знать, золотой: в полях без края
Хлеб убирает человек,
Как в праздник дом свой прибирает.

В мир навсегда пришло добро,
И не мечи — они забыты, —
А серп звенит о серебро
Росы, омывшей щедро жито.

И тих, заброшен, хромоног,
Всю ночь Гефест шептал устало:
«Какой же бог я, коль не смог
Я разглядеть в мече орало».

СНЫ КУКОЛ

(В. З.)

Солнце проводив за горизонт,
Смотрят куклы свой любимый сон,
Как они (что может быть смешней?) —
Дергают за ниточки людей.

Потянул за нитку — и в седле
Генерал сидит навеселе,
И в столицу (тешится народ)
Он въезжает задом наперед.

Слесарей, банкиров, балерин
Дергает за нитку Арлекин,
И за нитку, то бишь за перо,
Журналиста дергает Пьеро,

А Петрушка (насмеешься всласть)
Дергает за нитку нашу власть.
И хохочут куклы, вперебой
Дергая за нитку нас с тобой.

Сотрясая землю и зенит,
Хохот гомерический стоит...
Ничего на свете нет грустней
В кукол превратившихся людей.

Воспоминание

Еще я до крышки стола не дорос,
Но вижу, скатившись с крылечка:
Студеным кипением утренних рос
Охвачены травы над речкой.

А в речке, рассвет щекоча плавником,
Глазеет плотва с небосвода,
Как Зевс, обернувшись колхозным быком,
Пьет самую вкусную воду.

Взлетев восходящему дню на плечо,
С забора косясь на молодку,
Горланит петух, животворным лучом
Оплавив луженую глотку.

Еще не дорос я до крышки стола,
Но чую под небом зовущим,
Как страхи ночные сгорают дотла
Во мне и в столетье грядущем.

И только потом, через тысячу лет,
Склонившись над отчим порогом,
Пойму я: была в тот июльский рассвет
Душа мне дарована Богом.

Тебе
(В. З.)

Ты выходила из реки,
Рождая звезд сердцебиенье,
И трав зеленые полки
Держали на тебя равнение.

Казалось, нежная заря
Живет под кожей загорелой,
Стекали лунные моря
С густых волос твоих на белый

Песок... И на моих глазах,
Упав на влажный куст ракиты,
Тень девочки, уже в веках,
Сливалась с тенью Афродиты.

Олимп

Гром над миром, словно звон кандалный,
В смертную тоску вгоняет кровь,
Это, как на кухне коммунальной,
На Олимпе склочничают вновь.

Аполлон, до дерзости активный,
Колесницу древнюю клянет:
«Мне по рангу, боги, реактивный
Прежде всех положен самолет».

И болтает Дионис по пьянке:
«Ты меня, всесильный Зевс, прости,
Но куда ты смотришь, если танки
Наш Арей за полцены пустил,

Если в Подмосковье у Афины
Трехэтажный с финской баней дом,
Если яхту лоботрясу-сыну
Подарил недавно Посейдон».

А супруга Зевсова сердито
Все твердит: «Уж меры я приму,
Я займусь красоткой Афродитой,
Чтоб не липла к мужу моему».

И вздыхает Зевс в своих хоромах:
«Ну какого надо им рожна?
Эх, пожить с недельку б у Харона,
Где царят покой и тишина».

* * *

Отринув нашей жизни быстротечность,
Не чувствуя, как жжет огнем зенит,
Обласканная Сфинксом, дремлет вечность
В тени, как вечность древних пирамид.

Не знает солнце лютое пощады,
Еще чуть-чуть — и мир сгорит дотла...

И в храме жрец вечерней ждет прохлады,
Чтоб во главу вселенского угла

Звезду поставить, ведомую только
Ему, и, жадно постигая связь
Земли и неба, вдаль глядеть, нисколько
Ни Сета, ни Изиды не боясь.

И распахнется мир во все пределы —
До головокружения, до слез...
И дух жреца, нелегкий путь проделав
От Нила до заснеженных берез,

Вернется, полный вешего волнения,
К подножию заносчивых гробниц,
И вечность, умалившись до мгновенья,
Падет пред смертным человеком ниц.

Сократ

Встал судья, с литым, как челюсть, взглядом,
С нищенской сумою под глазами,
Заменив Сократу чашу с ядом
Десятью полярными кругами.

Где-то там, на вымытых бульварах,
Славят Зевса гордые Афины...
Рядом, на продутых ветром нарах,
То ли финикийцы, то ли финны.

И кляня мороз, и кроя матом
Мудреца в потрепанном пальтишке,
Наколов луну на штык мандатом,
Часовой пускает пар на вышке.

Мутноватой дымкою окутав
Мир, из черных сотворенный паек,
Лютый холод, словно яд цикуты,
К сердцу ближе, ближе подступает.

И цинготный рот упрямо стиснув,
Вдруг увидел он, забыв про голод,
Как во льду, сковавшем воды Стикса,
Отразились серп и молот.

Прекрасная Елена

Забывтой «Мисс вселенной»
В рекламную шрапнель
Прекрасная Елена
Шагнула на панель.

С затертого порога,
Сомнения гоня,
Шагнула, как, ей-богу,
На линию огня.

И кто-то вслед ей: «Ленка,
Нос по ветру держи!..»

Ему б под зад коленкой,
Ахейские мужи.

Но где, куда слиняли
И Гектор, и Парис?
Они давно сменили
Элладу на Париж.

Глядят, развесив губы,
В богатое меню...
Смотрите лучше в зубы
Троянскому коню.

Смотрите, как надменны
Иных земель сыны —
Прекрасную Елену
Уводят из страны.

Так встаньте же горою!
Но что-то сникли вы,
Ахейские герои
Одессы и Москвы.

И женщина с судьбою
Смирившись, вся остыв,
Сжигает за собою,
Как Трою, все мосты.

Харон

Вновь кого-то хоронят,
Чей-то кончился век,
Но все чаще Харону
Снится Ноев ковчег.

Он бормочет в ударе,
Как бессмертья припев:
«Каждой твари по паре», —
От весны ошалев.

Кормят маленьких мамы,
Дружно телки мычат,
И плывет фимиамом
Над кастрюлями чад.

Лошадь тычется в сено,
Там, где выше корма,
И петух вдохновенно
Сводит утро с ума.

Тесно, словно в трамвае, —
Нынче не до хором,
Но не тени — живая
Жизнь вокруг. И Харон

Задается вопросом,
Чуя крови разбег:
Не податься ль в матросы
Мне на Ноев ковчег?

Тезей

Наконец-то до дому дотопав,
Зубы сжав, он глядит, не скуля:
В лабиринте траншей и окопов
Заблудилась родная земля.

Не спешит он ударить в литавры,
Медлит выдохнуть сердце в трубу,
У него еще бой с Минотавром
В лабиринте высоких трибун.

И, не чуя опасных наветов,
Не на майский победный парад —
Он ушел в лабиринт кабинетов,
Чтоб, увы, не вернуться назад.

Сгинул он, не отмеченный прытью...
И над горьким огарком свечи
Вдовья прядка оборванной нитью
Ариадны белеет в ночи.

Тринадцатый подвиг Геракла

Что лев немейский? Милый пудель.
Свирепый пес — вот это лев,
От дикой злобы ошалев,
Хрипел — и вздрагивали люди.

Что вебрь? Что кони-людоеды?
Забава детская, когда
Ты вечной мерзлоты отведал,
Что тверже пакового льда,

Когда звереют конвоиры —
Овчарок злее был конвой, —
И мат в одну шестую мира
Висел, как дым, над головой,

Когда вгрызавшихся в планету,
Казалось, отпевает гнус...
И Зевс, покручивая ус,
Взирал с кремлевских стен на это.

Не трудно, коль не бить баклуши,
Почистить, повернув ручей,
Конюшни Авгия... Вот душу
Не замарать — куда трудней.

Лицо усталостью набрякло,
Он потерял столетьям счет.
Двенадцать подвигов Геракла...
Но был тринадцатый еще.

Ахилл

Отравляя утро на корню,
Снова ноет у Ахилла пятка:
К непогоде, видно, иль к плетню
Подошла безноса я украдкой.

Жизнь прошла. Весом был каждый шаг,
Каждый жест бесстрашного Ахилла,
Только каждый день его душа,
Как в подполье, в пятки уходила.

И в груди зияла пустота —
Лютой злобы и бесчестья завязь,
И речами смятые уста
Простыней несвежею казались.

Он пускал судьбу в лихой карьер,
Так, что в страхе вздрагивала Троя...
И номенклатурного героя
Воспевал и впрямь слепой Гомер.

Не прощавший слабостей, дотла
Вьжигавший их, теперь вот, стоя
У нежданно рухнувших устоев,
Понял он: вся жизнь его была
Ахиллесовой пятою.

Сизиф

Хватит рать водить на рать,
Ни к чему нам ссоры,
Время камни собирать
И тащить их в гору.

Если ж камень, смяв твой пыл,
Снова, к сожаленью,
Вниз сорвался — пусть! Он был
Камнем преткновенья.

...И бульжник обхватив
Крепкими руками,
Поднимается Сизиф
Вровень с облаками.

Задыхаясь, чуть живой —
Тяжела работа, —
Дотащил он камень свой
До седьмого пота,

До сердечного огня,
Жившего под спудом,
До себя, когда ни дня
Жить нельзя без чуда.

Чтоб, открытый всем ветрам,
Всем сердцам — не злату, —
На века построить храм
Или просто хату.

Зевс
(В. З.)

Во всю дымя «Герцеговиной флор»,
С кремлевских стен нас, смертных, попирая,
Он думает, что власть свою простер
Над всей землей — от края и до края.

Он — Зевс. Он — громовержец. Он один
Решает: жить иль сгнать человеку.
Ни детский плач, ни теплый снег седин
Его, увы, не трогали от века.

Но знает ли, капризно сжав уста,
Хозяин городов, лесов и пашен,
Что смотрит на него Господь с креста,
Который выше всех кремлевских башен?

Нет, не прозрела Зевсова душа,
Хлебнувшая людской горячей крови...
Еще он долго проживет, греша
На каждом вздохе и на каждом слове.

Но час придет, и, страх свой сокрушив,
В сердцах надежду светлую лелея,
Как он любовь из собственной души,
Мы уберем его из мавзолея.

Прометеев огонь и свеча

Горит огонь, и мы живем, не тужим...
Морозные узоры на окне,
А мы готовим аппетитный ужин
На Прометеевом огне.

Горит огонь все жарче, но нисколько
Теплей не стало даже у печи,
Ведь душу отогреть мы можем только
Над кротким пламенем свечи.

Икары

Все ближе полдневный губительный жар
И лик недовольного Феба...
И рухнул в Эгейское море Икар,
Пригубив пьянящее небо.

Но завтра другой с полусгнивших стропил
Взлетит в светоносные сферы,
И цели достигнет, поскольку скрепил
Он перья не воском, а верой.

Сизиф

Соленый пот ломился в очи,
И мышцы вешнею водой
Вздувались, но и днем, и ночью
Тащил он в гору камень свой.

От пота весь темней нубийца:
И впрямь, подъем к вершине крут...
И усмехались олимпийцы:
Напрасен, мол, Сизифов труд.

И все ж, осмеянный веками,
Как гору на спину взвалив,
Тащил он тяжеленный камень —
Не судьбы ли людей земли?

Тащил за все людское племя,
Поскольку знал уже, видать,
Что не сегодня-завтра время
Настанет камни собирать.

Олимпийские боги

Во дворце при столбовой дороге
Звон идет по чашам золотым,
Это к смертным заглянули боги
И гуляют — коромыслом дым.

Что ни бог — какой-нибудь начальник,
Им законы смертных нипочем,
Захотел — проник в чужую спальню,
Обернувшись золотым дождем.

Захотел — в разменную монету
Красоту Елены превратил,
И в веках с рассвета до рассвета
С братьями сражается Ахилл.

Захотел — и мир орехом хрустнул,
Сгинул град — никто не уцелел,
Потому что, боги, как ни грустно,
Мстительность и зависть — ваш удел.

Вам подвластен купол неба синий,
И морские волны служат вам,
Но до Человеческого Сына
Дотянуться не дано богам.

Троя

Дымятся руины поверженной Трои
Под горькой беззубой усмешкой луны...
За что же, кто скажет мне, чудо-герои
С обеих сторон смотрят вечные сны?

Тот век затерялся далекой заимкой...
Зарницей блеснул погребальный костер,

И дым, истончившись, стал розовой дымкой:
Увы, что тут скажешь, лукавый хитер.

Но женщина шепчет, в пространство уставясь:
«Я вижу, как рушатся в прах города,
Как в пламени гибнет нежнейшая завязь
И пятится в страхе морская вода.

Отсюда, с высокой старинной веранды,
Я вижу, как гром сотрясает холмы...»
Но мир, по привычке, не слышит Кассандру.
Так кто же безумен, она или мы?

Ты слышишь вдовы поседевшей стенанья
И плач рахитичных, голодных детей?
И где-то какое-то странное ржанье —
То дьявол седдает троянских коней.

Одиссей

Нахлебавшись тюрьмы и сумы,
Мир познав и жестокою драку,
Из бескрайних снегов Колымы
Он вернулся в родную Итаку.

Двадцать лет, словно двадцать веков...
Друг, когда-то подставивший друга,
Выбрал круг всемогущих богов,
Он — барак у Полярного круга.

Ни кола, ни двора. Ничего.
Как больную проказой, ей-богу,
Женихи Пенелопу его
Обходили десятой дорогой.

Кто-то стрелы и лук утащил
И корзину с тончайшею пряжей,
И овейный славою щит
Под лежак приспособил на пляже.

Ни жены. Ни детей. Ни друзей...
Под присмотром сестер неумелых
Доживает свой век Одиссей
В доме для престарелых.

У моря

Море рокочет и сводит на нет
Грома ворчанье над кровлей моею,
Словно, которую тысячу лет,
Звездам читает всю ночь «Одиссею».

Что это ломится в чье-то окно,
Отблеск реклам иль пылающей Трои?
Это, взглядишь, золотое руно
Блики роняет на лики героев.

И, наливаясь звенящей, хмельной
Бронзой на брезжущем зорькой востоке,

Входят мне в душу, волна за волной,
Как «Илиады» чеканные строки.

Кто там, не Зевс ли в дали голубой?
Нет, то Гомер у бессонного моря
Слушает музыку сфер над собой,
Глядя глазами незрячими в корень.

Гомер

Набегают строка, как морская волна,
На горячие губы поэта,
И такая в незрячих глазах глубина,
Что легко в ней пропасть даже свету.

Он сидит у пустынного моря, старик,
В дальний путь проводив Одиссея...
Сбросив тысячи лет, словно груды вериг,
Трудным даром бессмертья владея,

Он пришел в этот, полный рекламных огней,
Мир, летящий куда-то галопом...
Кто взойдет на Олимп? Есть вопрос поважней:
Дождалась ли его Пенелопа?

Портреты

Александр Блок

...И снова сердце болью комкая,
Россия — бедная страна! —
То обернется незнакомкою
Прекрасной, жгучих тайн полна,

То белобрысеньким калекою
Смиренно подаянья ждет,
То в переулке, за аптекою,
Раскосым взглядом полоснет.

И жизнь, такая несуразная,
Поэта призовет, когда
России тень крестообразная
На землю ляжет навсегда.

И он узрит за желтой осыпью
Листвы, скользящей с тополей,
Христа, идущего, как по суху,
По водам северных морей.

Анна Ахматова

В окно, сутуля зябко плечи,
Смотрела женщина бессонно,
А за спиной стояли свечи,
Как ночи белые колонны.

Им, не зажженным, тоже зябко
И неуютно было в доме
Смотреть, как страх схватил в охапку
Страну и женщину в проеме

Окна, улыбчивой луною
Давно забытого... О Боже,
Как совладать ей с тишиною
И с мелким бесом подлой дрожи?

Как поступить поэту, люди?
Как жить беззвездными ночами?
Как в мире, полном словоблудья,
Не замарать себя словами?

Как сохранить для Бога душу
И память, как залог рассвета,
Когда она из всех отдушин —
Единственная для поэта?..

Свеча затеплилась несмело,
Роняя свет небесной манной...
И ночь, как медальон, висела
На шее у бесстрашной Анны.

Понтий Пилат

Отправив Господа на муки,
Он, пятый прокуратор, хмур.
Дрожат противной дрожью руки,
Как будто воровал он кур.

Как заливает речка пойму,
Так заливает пот лицо,
Как будто он с поличным пойман,
Он, римский всадник. И кольцо

Ртов, полных злобы, все теснее —
От них не спрятаться нигде...
Кто пожалеть его посмеет?
Лишь Он, распятый Иудей.

Но, как в аду, уже сегодня
В имперской будет выть глуши
Умывший руки в преисподней
Своей загубленной души.

Апостол Павел

Чтоб слепой увидел, чтоб глухой услышал,
Душ чужих потемки верой озари...
И однажды утром он в дорогу вышел,
Собственное сердце взяв в поводьгри.

Не глухим проселком, не тропой окольной —
Как Господь по водам, он пошел в века,
Чтоб звенела всюду медью колокольной
Павловых посланий каждая строка.

Нахлебавшись горя в мире, где оралом
Меч назавтра станет, он роптать не смел,
Но всегда с открытым он встречал забралом
И царей, и нищих, Божьим страхом смел.

Площади Коринфа, улочки Трояды,
Вы его деяний зрели торжество!
Так, наверно, не был плод запретный сладок,
Как ему был сладок тяжкий труд его.

А потом седая голова скатилась
С плеч, у звезд над Римом вызвав нервный тик,
Будто, вдруг померкнув, солнце закатилось,
Чтобы завтра утром, как всегда, взойти!

Колумб

Деревья выплывают из тумана,
Как каравеллы из небытия...
И горизонты, полные обмана,
Не шляпы ли Колумбовой края?

Там, за спиною, скользкие паркеты,
А здесь встает на цыпочки волна,

И кружевные белые манжеты
По-королевски рвет в игре она.

Там, за спиной, предательство и зависть,
А здесь, за бортом корабля, живет,
Как обещанье новой суши, завязь
Небес бездонных и бездонных вод.

И в жилах кровь звенит, как парус алый,
И командир, как встарь, неукротим,
Но почему ж он, морща лоб усталый,
Предчувствиями горькими томим?

Наверно, Бог решил ему напомнить,
Что ничего печальней в мире нет:
Грудь новыми сомненьями наполнить
И старым содержанием — Новый Свет.

Дон Жуан

Что вспоминает старый Дон Жуан
В шикарном доме, скрюченный подагрой?
Лазурный берег? Пальмы? Океан?
А может быть, Пицунду или Гагры?

Но, оттеснив на задний план матрон
И круто начинающих красоток,
Встречать его приходит на перрон
Девчонка после вскопанных трех соток.

И вздрагивает женских душ знаток,
Шутя даривший нежные оковы...
Ему бы нищей юности глоток,
На станцию бы ту вернуться снова,

В те времена, которые пером
Не описать и где, любви открыта,
На берег моря или на перрон
Заплеванный выходит Афродита.

И вдруг прозрела стынувшая кровь:
Не заменить огонь любовным пылом...
Как много женщин в долгой жизни было —
И ни одной по имени Любовь.

Суворов

Всю долгую ночь, пожелтевший, без сна,
Усталый, истерзанный сворой
Безжалостных мыслей, сидит у окна
В осаде забвенья Суворов.

И грохот орудий, и шелест знамен,
Виктории славной радевших, —
Все в прошлом, все времени ветер замел
Поземкой седин поредевших.

А было: как вешней прохлады струя —
Дыхание вечного снега,

И вровень с вершинами Альп — остря
Российских штыков... И телегой

Мужицкой скрипела вселенская ось
Над вдруг оробевшей Европой,
Почуявшей, как ее белая кость
Споткнулась о кости холопов.

Он дюжину хворей уже приобрел —
Солдат, разлученный со славой,
Как будто поник головою орел,
Вчера еще только — двуглавый.

Памяти Иосифа Бродского

Как будто промозглая осень
Коснулась души невзначай.
Прощай, неподкупный Иосиф,
Прекрасный Иосиф, прощай.

Мир грозен, как хищник немейский,
И цезарей римских черты
В твой профиль, такой иудейский,
Вплелись у последней черты.

Не курево злое, не кофе
Сломали пружину часов...
Попробуйте жить на Голгофе
Из сердца наструганных слов.

И, может, в награду за это,
И чтобы не мучиться впредь,
Дарована милость поэту:
Летая во сне, умереть.

Эдгар По

Зимний вечер, опустившись на землю,
Подобрался к чадающей свече
И увидел: нахохлившись, дремлет
Старый ворон на хрупком плече.

И застывшей планетой довольный,
Услыхал, не поверив сперва,
Как сливаются в звон колокольный
Из простуженной глотки слова.

И увидела мудрая птица,
Как упал неразменный, литой
На исписанную страницу
Лунный блик, словно жук золотой.

Догорает свеча, догорает..
И заснеженный слушает сад:
То ли сердце стучит, умирая,
То ли где-то в долине, за краем
Этой ночи, копыта стучат.

Данте

Сказав «прощай» земной юдоли грешной,
Совсем еще неопытен и чист,
Набросив плащ, сошел он в ад кромешный,
От дерзости своей дрожа как лист.

«Тебе здесь не положено по чину
Быть, — сатана твердил ему, сипя. —
По собственному глупому почину
Спуститься в ад? Пеняй же на себя!

Смотри сюда, как в зеркало кривое,
Кругами ада опали лицо.
Ты каждый круг пройдешь, как годовое,
Тысячелетьям равное кольцо.

И в мир вернешься, оглушенный злобой,
Застигнутый предательством врасплох,
И пламя ада будет жечь до гроба,
Виски оплавив и чеканный слог.

И каждый день потомкам в назиданье
Ты будешь душу яростно спасать:
Комедию — Господне испытанье —
Кровавыми чернилами писать».

Шекспир

...И он явился в этот мир,
Устроив в доме при дороге
Страстей людских вселенский пир —
Вкушайте, смертные и боги.

Добро пожаловать, король!
Входите, принц! Смелей, солдаты!
У каждого отныне роль,
Как за бессмертие расплата.

Он знает, властвуя всегда
Над вами, но не над собою,
Что нет пути назад, когда
Игра становится судьбою,

Когда, держа с подмостков речь,
Сомненье чувствуешь однако:
А стоит ли чающих свеч
Огонь, подаренный зевакам?

И где-то там уже, в веках,
Где так же хлеб тяжел и горек,
Он, череп собственный в руках
Сжимая, шепчет: «Бедный Йорик!»

Марк Шагал

Пока провинциальный городок
Спит, погрузившись в душные перины,
Он слышит — словно кровь крушит висок —
Шум площадей Парижа и Берлина.

И горизонт качая, точно струг,
Выхватывая из окошек лица,
Подъемной силе ног своих и рук
Дивясь, летает он почище птицы.

Ну что с того, что пьянь внизу, и грязь,
И переулков черные оскалы,
Лишь только б звезд волнующая вязь
Над городом замызганным сверкала,

Лишь только б свет маячил впереди
И были б муки творчества расплатой
За то, что он рубахой на груди
Рванет черту оседлости проклятой.

В. Алейникову

Дыша неподкупной отвагой
(Кто нынче за ними угонится?),
Над ставшей бесценной бумагой
Летят, словно скифская конница,

Стихи твои, полные света
И терпкого духа полынного,
Мелодии, канувшей в Лету,
И синего неба былинного.

И хочется, выбросив руку,
Схватить этот мир ускользающий,
Но — нет: только сладкая мука
От вкуса росы подсыхающей,

От птиц, попросившихся с садом,
От Гданцевки, сыпящей листьями,
От близости — вот она, рядом —
И все ж не дающейся истины.

Микеланджело

Глаза слезятся. Горб растет
Быстрее, чем лжи и слухов горы..
Какой, скажи, тебе расчет
Висеть под куполом собора?

Дрожат коленки. В мышцах боль.
И лопается поясница.
Стучит в висках. Но ты изволь
Всю жизнь без усталости трудиться,

Чтоб вспыхнул среди этих стен
Твоей палитрой полдень серый...

И на лесах, как на кресте,
Ты примешь муки полной мерой.

Но это — мелочь, пузыри,
Другое людям знать нелишне:
Ты мир сегодня сотворил
В соавторстве с Самим Всевышним.

Пушкин

Не знал никто из царской свиты:
Сквозь шум балов и гром петард
Нес ген российского пиита
Арап Великого Петра.

Поэты были, есть и будут,
Но ясно сердцу моему:
Нет у грядущего под спудом
Поэта, равного ему.

И что гадать: орел иль решка,
Мечтая жадно о весне,
Когда монетка Черной речкой
Уже легла на алый снег.

Но взгляд пронзительно неистов,
Хоть пальцы болью вмиг свело,
За ним еще остался выстрел,
Пусть помнит мировое зло.

И век иной, светлея ликом,
Влюбленно выдохнет в рассвет:
«Арап словесности великой,
Неумирающий поэт...»

Иоганн Себастьян Бах

Душой, растущей неустанно,
Он, серых будней смяв аркан,
Касался неба, как органа,
И частью неба стал орган.

Маэстро острые лопатки
Дышали вешней силой крыл,
И день — порой утенок гадкий —
К закату лебедем парил.

И все отчетливей сужались
Круги времен, ложась у глаз,
И с каждой клавиши срывались
То шепот звезд, то трубный глас.

Не стану нищим я и сирым,
Оставшись даже на бобах,
Покуда слышу, как над миром
Ведут беседу Бог и Бах.

Сны Данте

Кровь ледящими кругами
Все ниже — он спустился в ад, —
И мысль, зажатая висками,
Молила: «Поспеши назад».

Но — так задумано судьбою —
Он раздвигал за кругом круг,
Теснимый жадною толпою
Убийц, предателей, хапуг.

И вдруг в какой-то миг короткий
Он, чьи-то тени теребя,
На раскаленной сковородке
Узрел, как в зеркале, себя

За то, что став бессмертной притчей
Там, на кругах глубин земных,
Он бросил ночью Беатриче
В десятом круге снов своих.

Гёте

Поэт, ученый, дипломат,
Он знал: детей совсем не аист
Приносит, но Мариенбад
Настал — и поглупел вдруг Фауст.

Мелькают сказочные дни,
Летят на строчках воспаленных...
Высокой мудрости сродни
Бывают глупости влюбленных.

И что ему со всех сторон
Ползущий, ядовитый шепот?
Как юноша, влюбился он,
Утратив враз богатый опыт.

И пусть поэта вновь и вновь
Пугает горбоносый профиль —
Там, где замешана любовь,
Проигрывает Мефистофель.

За жар божественный в крови
Жизнь (верите ль?) отдать не жалко.
Что смерть? Коль вечность у любви
На побегушках, как служанка.

Смерть альпиниста

В пропасть белую — охнуть никто не успел —
Он сорвался, но здесь говорят: улетел.
Улетел он без крика, чтоб нас, мужиков,
Как детей, не смахнула лавина снегов.

От друзей неподкупных, от девичьих глаз
Улетел, может быть, самый лучший из нас,

Улетел увлекающийся молодой
В мир, где будет он в связке с летучей звездой,

С горизонтом, с былинкою, с небом седьмым...
Улетел мой товарищ к вершинам иным,
Улетел, на прощанье шепнув мне: «Держись...»
Мне теперь до него подниматься всю жизнь.

Моим друзьям

Собаки загнали на небо луну
И воют внизу от бессилья,
Но слышно в домах, отходящих ко сну,
Как режутся зубы и крылья.

Упавшие звезды, не глядя дробя, —
Слез море ему по колено, —
Легко потеснив и меня, и тебя,
Другое идет поколение.

Квадратная челюсть, литое плечо
И взгляд, как пудовая гиря...
До лампочки — совесть, любовь — нипочем,
Коль знать, что по чем в этом мире.

Братва, Геркулесовых крепче столбов,
Торгует спагетти и крилем...
Как много прорезалось нынче зубов,
Как мало прорезалось крыльев.

Поэтому, снова берясь за весло,
В высоком душевном горенье
Встает на израненное крыло
Мое поколение.

Уриель Акоста

Бредит усталость покоем погоста,
Холодом тянет с ослабленных жил.
Радость у силы нечистой: Акоста
Руки на душу свою наложил.

Тихо лежит он, в сомненьях почивший,
Рядом притворно вздыхает раввин,
От синагоги его отлучивший,
Но не от гор и зеленых равнин.

Знал отлученный от Божьего дома,
Что никому на земле не дано
Нас отлучить от весеннего грома
И от луны, проломившей окно.

Не отлучить никогда нас от чаши
Неба, увитого млечной межой,
И, может быть, в том бессмертие наше:
Не отлучить нас от боли чужой.

Даже сломавшись, не бил он баклуши,
Жил для еще не родившихся дней...
Он, отрицавший бессмертную душу,
Все-таки ставил на души людей.

Дед и баба

В нищенский подол эпохи,
У старинного села,
Звезды падают, как крохи
С пиршественного стола.

А в избе, под старым грабом,
Ночь надевшим набекрень,
Голодают дед и баба
Вот уже четвертый день.

Нет, не власть они на мушку
Взять хотят без лишних слов —
Голодают, потому что
Нет еды у стариков!

А с экрана голубого
Голосом — сплошной интим —
Дюжину рецептов плова
Предлагает диктор им.

Итальянские маслины,
Чай бразильский — целый склад,

Марокканские сардины
И чилийский шоколад.

Предлагают им лангустов
И в сметане карасей...
Им на кислую капусту
Не хватило жизни всей!

Кто же их, шутя, отчислил
Из живых?.. Не быть добру,
Если ты в своей отчизне,
Словно на чужом пиру.

Гончар

Мудрым, ангельским терпением
Удивляя всех, он жил
Под высоким напряжением
Захлестнувших руки жил.

Жил, мечтам своим лазоревым
Верность в лютый мрак храня...
Пахла утренними зорями
Глина на закате дня.

Убелен его сединами,
Ветер времени уснул
Над высокими морщинами,
Над лицом из острых скул.

Но как чудо, сотворенные,
Первозданны и легки,
Не богами ль обожженные
На окне стоят горшки?

Старик

Был он когда-то собой ничего,
Но по приказу Ежова
Солнечный зайчик улыбки его
Заживо был освежеван.

Пережил он и врагов, и друзей,
Но за бутылкой кефира
Разве укрыться от зимних теней
Потустороннего мира?

Время уходит, и, как ни ершись,
От ледяного оскала
Смерти, похожей на лютую жизнь,
Разве спасет одеяло?

Точно болотный туман, седина,
Дряблая кожа да кости,
А на покорном лице — тишина,
Как на забытом погосте.

Только над грудой пылящихся книг
Мухи назойливый зуммер...
И разобраться не может старик,
Жив он еще или умер.

Улыбка Моны Лизы

Я подхожу к портрету ближе, ближе...
Я от себя нисколько не таю:
Мне жутко от улыбки Моны Лизы
И радостно, как будто я стою

У края высоченного обрыва...
Еще один коротенький шажок,
И от улыбки искренней и лживой
Я запросто могу сорваться в шок.

Мне дела нет до мировых загадок,
Коль на меня дочь пекаря глядит,
Как тот утенок, что вчера был гадок,
А нынче белым лебедем парит.

И не страшны мне вечности капризы,
Я буду жить без страха и вранья,
Пока со мной улыбка Моны Лизы,
Прикрывшая провал небытия.

А. С. Пушкин

Уже прохладнее рассветы
И холоднее вечера...
Повисло тающее лето
На кончике его пера.

Пускай срывается! Не жалко!
Что лето? Мухи. Скука. Зной.
И кровь стучит, как будто скалка
Стучит в висках — не за стеной.

Но время к той минуте мчится,
Когда, душе прибавив сил,
В студеных росах отразится
Целительный пожар осин.

И, бронзою звеня кленовой,
Даря нам осени восход,
Не в январе, а в Болдино начнется новый,
Отмеченный бессмертьем год.

Диоген

Играя глазом и танцуя лихо,
Навис над старцем царский иноходец,
Но не даров — отшельник просит тихо:
«Не заслоняй мне солнце, полководецу».

Один дошел до края Ойкумены,
Другой дошел до бочки, как до точки...
Но знали б вы, какие Диогену
Распахивались дали в тесной бочке!

Не потому ль важней всего для грека
Не царская любовь, не дом, не пища —
Он днем с огнем все ищет человека,
Не Сына ль Человеческого ищет?

Апостол Павел

Он умен и хитер. Он — жестокая сила,
И душа у людей холодела в груди...
Но Всевышним уже предназначено было:
Путь от Савла до Павла он должен пройти.

Города посещая и сонные веши,
Подпирая плечом то колонну, то тын,
С глаз души своей шоры начальственной спеси
Он срывал вместе с мясом людской слепоты.

Ни насмешки юродивых, злых и нахальных,
Ни темницы его не смогли обломать,
И вчерашний отчаянный военачальник,
Он вдруг понял, что значит душой возмужать.

Он сидит в кандалах, весь в раздумьях и стружьях,
Он, отмеченный Богом, добился всего,
И неважно, что голову завтра отрубят,
Коль уже не срубить древо веры его.

Хемингуэй

Как хочется писать, писать,
Забыв про шумные столицы,
Чтоб только успевал пассат
Переворачивать страницы.

И близость белого листа,
Как близость женщины, волнует,
И та последняя черта,
Скатившись в пулю роковую,

Еще не завтра вдох прервет
Непоправимо и нелепо...
Еще не раз он будет влет
Бить куропатку и вальдшнепа,

И в поте доброго лица,
По-детски мудрый и счастливый,
Тянуть акулу иль тунца
Из Мексиканского залива.

Но залегла в морщинах боль
Еще неясного сомненья,

И в волосах морская соль
Уже не тает, к сожаленью.

Кто скажет мне, винить кого,
Что он возьмет винчестер старый,
И эхо выстрела того
Сорвет снега с Килиманджаро?

А. Грин

Он лежит на узенькой постели,
Дни его Всевышним сочтены...
Под глазами тени загустели,
Словно влет подстреленные сны.

За окном, распахнутым на море,
Степь без края. Горькая полынь.
И, неподдающаяся хвори,
Неба обжигающая синь.

Он плывет на коечке солдатской,
Хрупкий, как сухой осенний лист,
Волк морской из сухопутной вятской
Стороны в портовый город Лисс.

И не разобрать потомкам смелым,
Штурм смирившим мужеством своим:
То ли смерть над ним склонилась в белом,
То ли белый парус взмыл над ним.

Смерть старого клоуна

Он твердо знал, все в мире бrenно:
И крепость гор, и шум знамен —
Все, кроме цирковой арены
И смеха — славы всех времен.

Как искренне он мог смеяться,
Хотя и знал: всему — конец...
И, поднимаясь до паяца,
Как до властителя сердец,

Он часто слышал, вмиг бледнея:
«Ну что ты лезешь на рожон?..»
Но тот, кто публику умеет
Смешить, не может быть смешон.

И он смешил нас так потешно,
Смешил до вздувшихся желез...
Так плачьте, люди, безутешно —
Он завещал нам смех до слез.

Наедине с природой

Река

(Солдатским вдовам)

Помню утро: светла и легка,
В бабьи лица, такие славянские,
Как красавица в венецианские
Зеркала, засмотрелась река.

Вдруг подернулось солнце в воде
Рябью, словно морщинами ранними, —
Не солдата ль с болящими ранами
В чем-то скорбном лице разглядев?

И не слышал я пения птиц,
Я смотрел, как бельишко стирается,
Как впадает река и теряется
В зазеркалье обветренных лиц.

Я смотрел, как, легка и светла,
Подступая к селу за излучиной,
С бабьих лиц, вдовьей долей измученных,
Речка воду живую пила.

Родная земля

Острия могучих тополей
Закаляет в пламени заката
День, который до скончанья дней
Будет пахнуть мамою и мятой.

И какие б ветры ни секли
Эту землю, что сама терпимость,
Мне другой не надобно земли,
У меня с другой — несовместимость.

У меня с другой — и я не лгу —
Ничего не выйдет, знаю точно,
Я другой в жилетку не смогу
Плакаться, когда на сердце тошно.

Я другую, должен вам сказать,
Как ни странно, становясь добрее,
Не смогу так искренне ругать,
От любви сыновней к ней шалея.

И в беде, и в счастье заодно
Не с другой, а с этой я, ребята,
Ибо то, что Господом дано,
Свято!

Украине

В осеннем небе журавли трубят,
И гром спешит не из варяг ни в греки?..
Не выбирают родину. Тебя
Мне дал Господь однажды и навеки.

Наверно, там, за синью трех морей,
Есть рай молочный в берегах кисельных,

Но запеклась тень матери моей
На старых занавесочках кисейных.

Не там, а здесь, где не собрать костей,
Пал мой отец на ниве, ставшей бранной,
Чтоб стала ты для всех своих детей
Единственной землей обетованной.

Трубят в осеннем небе журавли,
Не в горизонт — в меня свой клин вгоняя,
Но чтобы там «провидцы» ни несли —
Взлечу с тобой однажды на коня я.

И добротой к народам всем дыша,
Ты развернешься, щедро и былинно,
Моей души воскресшая душа —
Отмеченная Богом Украина.

* * *

Ты тешишь гордыню свою, словно брюха
Касаешься, сытный обед вспоминая,
И слушаешь голос небесный вполуха,
Всем сердцем речам подколодным внимая.

Лелея гордыню любимейшим чадом,
Ты квохчешь над ней суетливой насадкой,
Увы, ни на миг не подумав, что с адом,
Забыв обо всем, ты играешь в рулетку.

Но Бог тебя ждет. Поспеши же, покуда
Есть время, к Нему навостри свои лыжи
Сегодня — ведь завтра тебя, как Иуда,
Твоя же гордыня прилюдно оближет.

И снова ты жизнь свою хочешь, помешкав,
Монеткой подбросить — старо и убого...
Всегда тебе и на орла, и на решку
Ад выпадет, если живешь ты без Бога.

* * *

*Да будут встречи мне расплатою
за все, что выше сил моих.*

И. Алейников

Пускай я понял с опозданием
(Но как гора свалилась с плеч),
Что жив я щедрым подаянием
Тобой дарованных мне встреч.

Сама судьба препоны ставила,
И все ж платил бы вновь и вновь
Я жизнью всей своей за старую,
Как мир, грядущую любовь.

Любовь, что щедро пахла мятою
И речкой, жмущейся к жнивью,

Любовь, что стала мне расплатою
Не за гордыню ли мою?

Жить без тебя нет сил. Немыслимо.
Да разве ж без тебя я жил?
Но живы мы — и это истина —
Лишь тем, что выше наших сил.

* * *

Никто не забыт, и ничто не забыто...
Неправда! Забыты тобою, страна,
Стоявшие насмерть у каждой ракиты,
У каждого сладкого детского сна.

Забыты лежащие в темных оврагах,
В болотах, а может, на Млечном Пути...
Я знаю, имен их в высоких бумагах,
Увы, никому никогда не найти.

Беснуются рядом рекламы крутые,
Подмяв безымянно погибших полки.
И звезды в окошке моем, как литые,
Набухшие гневом, горят, желваки.

Забыты, забыты, забыты, забыты...
И некогда вспомнить родимой стране
Беспамятством нашим вторично убитых
На все еще длящейся страшной войне.

Воспоминания о первом снеге

Омолодив осенний лик земли,
Шел, не держа на дворников обиды,
Пушистый снег, как будто расцвели
Висячие сады Семирамиды.

И наполнялась, радуясь, душа
Простором за рекой лежащих пашен,
И чистотой нетронутой дыша,
Снег за тобою шел влюбленным пажем.

И был великой тайной первый снег,
Еще такой, казалось был, невинный,
Не потому ль, что где-то женский смех
Звенел, как этой тайны сердцевина?

И словно в душу проскользнула тень —
Вдруг стало грустно мне, скажу по чести,
Наверно, оттого, что целый день
Шел снег, похожий так на бег на месте.

Земля и одуванчик

(В. 3.)

Порою суть вещей обманчива:
Смотри, как рядом у криницы
В воздушный шарик одуванчика
Вцепившись, шар земной кружится.

Летят планета и растение,
В согласье щедром жить умея...
И кто кого несет — значения
Существенного не имеет.

Воспоминание о советской Чукотке

Я слушал допоздна, как високосный
Год пробирался в тундровых снегах,
И льдистых звезд песок золотиносный
Скрипел на расшатавшихся зубах.

Вдали луна, обнюхивая сопки,
К солдатской кухне находила путь,
Покуда старшина храпел в подсобке,
Пустую флягу уронив на грудь.

А где-то там, у края небосвода,
Вздыхали, горько скучившись в ночи,
Олени, променявшие свободу,
Как говорят, на соль людской мочи.

И душу в дрожь бросая, волк матерый
Выл так, что в страхе съежилась луна,
Как будто отпевал страну, которой
Уже давно свобода не нужна.

Воспоминание

(Сестре Люде)

Наливаются кроны деревьев огнем
Предрассветного солнца, и речка,
Вспыхнув сотнями бликов, как будто конем
Сделав ход, подступила к крылечку.

И прохлады, качнув за плетнем васильки
На соседской заброшенной грядке,
Пересчитывает все мои позвонки,
Заострив, словно крылья, лопатки.

Кровь по жилам рванулась навстречу заре,
Подобравшейся к вышке пожарной...
И мне кажется, весь я — как очи, горе
Распахнувшиеся благодарно.

И росинка — не близкой ли юности зов? —
Вдруг упала тебе на запястья...
И качнулась вселенская чаша весов
Чуть заметно, но в сторону счастья.

Серое утро

Серый дождик над серой деревней
Серым утром встречает меня,
В серых яблоках, кроткий и древний,
Мерин топчется возле плетня.

Тускло смотрят вороны и галки
В мир, в котором вместились впритык
И татарского пира на Калке
Хруст, и визг презентаций крутых.

Но над старой дорогой окольной,
Где глядела мне матушка вслед,
Туча серая о колокольный
Гром споткнулась, и солнечный свет

Брызнул в окна отцовского дома,
И молитва легла на уста,
И душа моя к небу седьмому
Потянулась, на цыпочки встав.

Ибо там, все земные напасти
Легким взмахом крыла сокрушив,
Обитает бессмертное счастье
Не оставленной Богом души.

Майский вечер

Вечер бросил в окнах якоря...
И, смущая у плетней старушек,
Так и ходят лунные моря
Ходуном от стонущих лягушек.

Прослезился росами самшит,
Дрожь прошла по заскорузылым кленам,

И надежда Золушкой спешит
На свиданье с миром обновленным.

С миром, где ни злобы, ни калек
Больше нет — есть трудная дорога,
На которой каждый человек
Может подмастерьем стать у Бога.

Утро в деревне

Пропел петух, и новый день
На гребне солнечного света
Ворвался в середину лета,
Едва не завалив плетень.

И вот уже звенит коса,
Светло хмелея от работы,
И наливается роса
Живой водой седьмого пота.

Работа, древняя как мир...
А за речушкой безымянной
Катается, как в масле сыр,
В высоких травах конь буланный.

Забыв про стольный град, верхом
Сижу на лавке у избышки...
Зачем нужны часы с кукушкой,
Коль есть бессмертье с петухом?!

Гроза

Все глубже дышал встрепенувшийся донник,
Глотая далекой грозы эликсир,
И гром рассыпался, как карточный домик
У дома, в три неба глядевшего в мир.

Там высь открывалась, недуги врачуя
Озоном, как синь поднебесья, густым,
И близость дождя долгожданного чуял
Я всей своей кровью, как чувством шестым.

Гроза заходила и с фронта, и с тыла,
И дуб, упиравшийся в купол небес,
Дрожал, как осиновый лист, и на вес
Бессмертья мгновение каждое было.

Июльская ночь

То в шелесте злаков, то в дымке туманов
(Ученых мужей заморочить не прочь),
Скрипя половицами меридианов,
Идет по планете июльская ночь.

И рыба ударила в медное днище
Под окнами вставшей на якорь луны...
И вспомнил залетный бродяга и нищий
Несчастливого детства счастливые сны.

И душу впервые от злобы отторгнув,
Он глянул на мир из-под вздувшихся век,
И слезы к глазам подступили, как к горлу
С ножом подступил бы лихой человек.

И радуясь дням, как бессмертие, длинным
И этой короткой прохладе ночной,
Голодный, он понял: не хлебом единым
Жив крылья почувствовавший за спиной.

На речку, на дом, на кусты краснотала
Волнующей ночи надвинулся вал,
И каждой звезде, даже той, что упала,
По небу седьмому Господь даровал.

Ночь

День за нивой желтеющей враз
В ночь шагнул, и глазасто над хлебом
Звезды вспыхивают, словно с небом
Остаемся мы с глазу на глаз.

И, качнув невесомую тишь,
Средь березок, застывших в исподнем,
Точно вырвавшись из преисподней,
Кувыркнулась летучая мышь.

И, сойдя навсегда с корабля,
Мой сосед, вспоминая походы,

Ждет у лунного моря погоды,
Тихо Богу в жилетку скупа.

Я присяду на пень в стороне.
Ничего мне не надобно. Мне бы
Только кроткой отваги, чтоб с небом
Оставаться наедине.

Перед рассветом

Звезды в тесном окне вымирают,
Тянет свежестью с близкой реки,
Переругиваясь, выбирают
Самодельную снасть рыбаки.

И считают потом средь березок
Неокрепших еще карасей.
Им бы всыпать березовых розог,
Щедро вымоченных в росе.

Скоро грянут заздравную птицы,
На оконный слетая карниз,
А покамест скрипит половица,
Горько жалуясь на ревматизм.

А покамест, взволнованный кровно
Каждой травкой за хатой моей,
Я стою у бледнеющих, словно
Умирающих, лунных морей.

И, в рассвет призывая природу,
Вдруг обрушился, радуя слух,
С глотки собственной, как с небосвода,
На ночи той остатки петух.

* * *

Мышь летучая в ладу
С ночью, там, под кручей,
Рвет подметки на лету
У звезды падучей.

Рыба вскинулась из вод,
Лунной ряской шитых,
И качнулся небосвод,
Падающий в жито.

И, не глядя на чины —
Бомж ты иль матрона, —
Лишь росой укрожены,
Бьют цветы поклоны.

Ночь, как музыка, плывет,
Ночь светлей жар-птицы...
И душа моя вот-вот
Небесам приснится.

Стихи на рассвете

Я по горло старым креслом сыт...
В телевизор усмехнувшись криво,
В половодье утренней росы
С каждой травки ринусь, как с обрыва.

Не страшась крутых воздушных ям,
Одолею на одном дыханье
Семь небес, и в гости к муравьям
Напрошусь, упав за Саксаганью.

И сорока, лапками стуча
О валежник возле старых сосен,
Словно шубу с царского плеча,
Ворох новостей с хвоста мне сбросит.

И серьезен, даже чуть суров,
За рекой, где даль — в обнимку с рожью,
Пастушок забудет про коров,
В небо отпустив коровку божью.

Что мне див эстрадных голоса,
Что мне записных трибунов сходки,
Если слышу, как звенит роса
В неподкупной петушиной глотке.

На рассвете

Все прохладнее рассветы
Над притихшим Ингульцом.
Дни короче. Тает лето
Золотистым леденцом.

Нет занятия милее,
Чем с песчаной зреть косы,
Как несет березка, млея,
Сладкое ярмо росы,

Как, пресытившись морями,
Прилетев издалека,
За рекою «дикарями»
Отдыхают облака,

Как сестре моей каурый
Мерин фыркает в висок,
Как за тыном, на смех курам,
Ходит павой петушок.

Брошу камешек я в речку —
Далеко пойдут круги...
И поставлю я, как свечку,
Точку там, в конце строки.

* * *

С продавленной веранды
Спешу на звон ручья...
Мы из одной команды —
И он, и луг, и я.

Настроена аорта
На сжиженный огонь...
Мы из одной когорты —
И я, и добрый конь.

Мы — в неразрывной связке,
Лишь этим и сильны
Аленушка из сказки
И я — из-под войны.

Едва земли касаясь,
Мчусь к армии своей,
На правом фланге — аист,
На левом — муравей.

Он стал для них опасным —
Мир стали и огня.
Им, хрупким и прекрасным,
Не выжить без меня.

И все ж я верю свято:
Не смять меня в бою,
Покуда слабость чья-то
Со мной в одном строю.

Ветер

Словно Одиссеев лук тугой,
Ветер гнет осоку над рекой,
И летит по кочкам туч луна,
Расплескав моря свои до дна.

Ветер пущен — будто из пращи
В горизонт, и тот по швам трещит,
И, держась на тополе едва,
Заговаривается листва.

Только старый мерин бредит вновь:
«Эх, вплести бы этот ветер в кровь,
Понаделать из него подков,
Чтоб заткнуть за пояс рысаков;

Чтоб взорвать росу в густой траве,
Пусть болтают: „Ветер в голове“».
Он-то знает, чья близкий прах:
Если жить — так на семи ветрах!

Зной

Стоя в покосившейся траве,
Зноем иссушаемой до праха,
Слышу я, как бьется в синеве,
Заживо сторая в солнце, птаха.

Села речка Саксагань на мель,
Замутилась, как замутилась речка...
Скатится ль, суля земле купель,
Гром с седьмого неба, как с крылечка?

Где-то, ног не чуя под собой,
Дождь летит, а где-то льет стеною,
Только нас обходит стороною
Дождик, потому что он слепой.

Тоньше паутины звон в ушах,
Кожа со спины сползает потом,
И не отступает ни на шаг
Зной, стоящий насмерть, как пехота.

Травы полумертвые в пыли...
Полдень. И над местностью неровной
Тает песня жаворонка, словно
Дождь, не долетевший до земли.

* * *

Струятся небеса по окнам,
Потоп немедленный суля.
До самой мантии промокнув,
Продрогла до оси земля.

И ветер молнию полощет
В полях, притихших и пустых,

И гром с плеча то рубит рошу,
То горизонты бьет под дых.

Теснится ночь в оконной раме,
Совсем ее перекосив,
И туча с рваными ноздрями,
Как тать, скользит. «Полкан, куси!»

Но хлынул дождь стеной свинцовой,
Как будто дыбом сотня рек...
И за стеной скандалят снова,
А лучше б строили ковчег.

Март в деревне

Словно вены вскрыв себе,
Ночью вскрылась речка,
И приблизилась к избе,
К самому крылечку.

И с плеча ударил март
Острым солнцем в очи,
Застрогав лучи — комар
Носу не подточит.

Воздух, вслушайся, звенит
Льдинкою, и вешний
Голубой поет зенит
В жилах кровью вещей.

Я живу, забыв про зов
Городских поветрий,
На юру души и слов
Губы все обветрив.

* * *

Над безымянной речкой ночь сгустилась,
Дыханьем нежным тронув камыши,
И в лунные моря звезда скатилась,
Колонию лягушек всполошив.

И вмиг разрушив бликов позолоту,
Испуганный карась навстречу мне
Вдруг вскинулся из омута дремоты,
Как будто щуку увидал во сне.

Вода пошла тревожными кругами,
Залаяла собака у плетня,
И каждая былинка под ногами
Стреножила бы дикого коня.

И кровь по жилам, как за окоемы,
Рванулась, все сомненья обуздав...
И не моя ли, Господи, над домом
Отцовским кротко теплится звезда?

Собаке

«С волками жить — по-волчьи выть», —
Судачат все. Однако
Тебе трусливая их прыть
Претит, ведь ты — собака.

И веришь в дружбу не за кость
И не за миску супа...
Хозяин раздраженный трость
В тебя швырнет, но зубы

Ты не оскалишь, а лизнешь
В лицо, и нос исколешь
Об ус хозяйский, и вздохнешь:
«Он — человек всего лишь».

А потому пусть видит сон,
Как Дон-Кихот отчаян,
Хозяин твой: как будто он
И впрямь тебе хозяин.

Муравьи

Спешат муравьи по своим муравьиным,
Таким неотложным и важным делам...
И тянется солнце, взойдя над овином,
К их черным, как космос глубокий, телам.

Спешат муравьи, и по белой личинке
У каждого в лапках, как маленький свет.
Спешат муравьи, огибая былинки
И царства, стоявшие тысячи лет.

Спешат, не заметив, что где-то за хатой
Пал цезарский Рим, развалился Союз...
Спешат, унося сквозь завалы закатов
В иные рассветы бесценный свой груз.

Божья коровка

*Божья коровка, полети на небо,
Там твои детки кушают котлетки,
Всем собакам раздают, а тебе не дают.
(Детская песенка)*

В теплые травы упал я с улыбкой —
Запахи брызнули по сторонам,
И закачалось вселенскою зыбкой*
Небо, приблизившееся к глазам.

И, суету отменяя мирскую,
Нежным касанием лапок сухих
Грудь мне щекочет, как встарь, и тоскует
Божья коровка о детках своих.

---

* Люлька, колыбель.

Детки на небе устроились ловко:
Кормят бифштексами даже собак...
Только вот, чую я, божья коровка
К деткам лететь не решится никак.

Но материнское сердце не немо,
Слышу, как шепчет, в который уж раз:
«Добрые люди, подайте им неба,
Не замутненного сытостью глаз».

Брошенная собака

В поле, озябшем от рыбьей
Крови студёных рос,
Воет над мертвой зыбью
Лунных морей барбос.

Нет у собаки дома,
Где ждали б ее харчи...
Где-то, у окоема,
Гром по-собачьи ворчит.

Может, туда податься,
В мир неоновых рек,
И научиться кусаться
Больно, как человек?

Может, ввязаться в драку,
Хоть раз показав клыки?

Но нет, ведь он собака,
Ему это не с руки.

Ему бы спастись от века,
Поднятого в ружье,
И пожалеть человека,
Бросившего его.

Наедине с природой

Вдруг запахи нахлынули с лугов,
Припавших за рекою к небосводу,
И кажется, река из берегов
Выходит от луны, входящей в воду.

Буланый мерин тычется в ладонь
Похожими на львиный зев ноздрями,
Где, опаленный вольными ветрами,
Кровей арабских жив еще огонь.

И сердце, словно на ветру листок,
Вдруг сбившись с ритма древнего, забилося,
И по спине не то звезда скатилась,
Не то скользнул рассветный холодок.

И снова я, природою любим,
Еще недавно благ мирских искатель,
На миг себя почувствовал таким,
Каким меня задумал мой Создатель.

Птицы летят...

(В. З.)

Птицы летят вдоль осеннего дня,
Больше ненужные кленам и липам,
Душу вытягивая из меня
С криком прощальным, как будто со скрипом.

Птицы летят мимо пашен немых,
Медленно к солнцу творя восхождение,
Словно по-бабьи повисло на них
Этой неброской земли притяженье.

Птицы летят... И уже не забыть
Мне никогда, как за хатой калина
Шепчет им вслед: «Никому не забить
Клин между мной и растаявшим клином».

И, неуверенность с крыльев гоня,
Может, из глаз наших черпая силы,
Птицы летят вдоль осеннего дня,
А поперек им душа моя взмыла.

Орел в клетке

Нет ничего печальнее орла,
Сквозь прутья клетки видящего речку...
Судьба сыграла с ним в орла и решку
И на сиротство небо обрекла.

А за рекой сейчас проснется степь,
И ветер разобьется в блин за волю,
А он, орел, вот-вот, как волк, завоюет,
Людьми, как пес, посаженный на цепь.

И гложет грудь орлиную тоска:
Зевая, увы, не счесть на белом свете —
Когда еще удастся посмотреть им,
Бескрылым, на царь-птицу свысока...

Ворон

Нахохлившись, ворон застыл на заборе,
Он звездного в небе не видит шитья,
Как будто подкравшейся старости хвори
Двужильную птицу скрутили шути.

Не верьте, что он сатанинского духа,
Предвестник несчастий: все это — вранье!
И пусть не стихающих сплетен и слухов
Над вороном старым кружит воронье,

Он — мудрая птица. Он видел немало,
Чтоб знать, на закат уже хрипло дыша:
Коль жизнь тебе перья немного помяла,
То это не значит, что смята душа.

И солнце встает, раздвигая границы
Земли, хоть морозом все дальше свело,
Как будто над миром взлетает жар-птица,
На вороново опираясь крыло.

Собачий вой

Смотрю я, сидя у окна,
Как, над забором
Встав, дирижирует луна
Голодным хором

Собак, от чьих протяжных слез —
Так жить не гоже —
Рябь у речушки, как мороз,
Идет по коже.

Собачий вой, как трубный глас...
Свое отлаяв,
Собаки «молятся» за нас,
Своих хозяев.

За нас, которым жить пора
Без злобы жгучей,
За нас, прогнавших со двора
Полканов, жучек,

За нас, спасавших только плоть
В своих халупах,
За нас, чтоб все-таки Господь
Простил нас, глурых.

Снегирь в январе

На груди у себя приютивший зарю,
Не боится снегирь петь в лицо январю.
Как осилить свирепую стужу он смог,
Этот нежный, пушистый, горячий комок?

Где, набравшись почти человеческих сил,
Свое львиное сердце снегирь закалил?
И морозы, и вьюги усердствуют зря?
Словно с гуся вода — страхи со снегиря.

И тоску, что пудовых увесистей гирь,
Как снега, поджигает собою снегирь,
И поет, словно пушкинский слышится ямб, —
Так не петь никогда никаким соловьям, —

Чтоб весна, до которой не всем нам дойти,
В докрасна раскаленной звенела груди,
Чтобы эта угрюмая снежная ширь
В май поверила, как человек и снегирь.

Птица клест

Трещит мороз, весь мир в конце концов
Сковав, и даже у снегов мурашки
Идут по коже... А вот эти пташки
Под треск мороза вывели птенцов.

Звезда сползла погреться к ним в гнездо,
Мороз — почище моровой болезни,
Безмолвия такого даже в бездне
Морской не слышал господин Кусто.

Силен мороз, но крепче птица клест,
Ее морозу до скончанья века
Не взять за глотку, словно человека,
И, как жар-птицу, не схватить за хвост.

Еще наступит время летних гроз,
И соловей, не живший в зимнем страхе,
Так запоет... Но нет прекрасней птахи,
Птенцов взрастившей в яростный мороз.

Осенние листья

Падают листья осенние, падают,
Не приобщившись к октябрьским стожарам,
Рощу притихшую больше не радуя
Враз потускневшим осиновым жаром.

Падают листья, как сирые деточки,
Чтоб обернуться цветком или хлебом,
Или весною вернуться на веточки
Дерева, землю связавшего с небом.

Падают, падают листья осенние,
Волю небесную не попирая,
Словно они в этом кратком падении
(В корень смотри) высоту набирают.

В конце августа

Ты рассветную дрему осиль
И окошко раскрой, словно святцы:
На вселенском пожаре осин
Облака, как зеваки, толпятся.

И чуть слышно мне шепчет ветла,
Чье терпенье не ведает сносу,
Что за домом трава тяжела
От росы, точно баба на сносях,

Что остыла в речушке вода,
Что все ближе осенняя смута,
Что упавшая в полночь звезда,
Оцарапав бессонницу чью-то,

На песчаном устроилась дне,
Как на небе седьмом... Слышу, где-то

Распеваает петух на плетне,
Гребешок запалив от рассвета.

И весь день: «О Небесный Отец,
Что же это? — душа вопрошала. —
То ли щедрого лета конец,
То ли песни грядущей начало?»

Выстрел

Еще азартом весь лучась,
Гляжу на дрогнувшую воду,
Где птаха сбитая, как часть
Нарушенного небосвода,

Застыла, распластав крыло
И закатив глаза под зорьку...
И словно болью рот светло,
И стало стыдно мне и горько.

Уже не видеть ей полей,
Где горизонт припал к колосьям,
И не жалеть ей «журавлей»,
Навек прикованных к колодцам.

Веселым криком птичий гам
Крепя, не мять рассветный воздух,
Не скармливать своим птенцам
Сорвавшиеся в речку звезды.

И не нырнуть ей в камыши,
У лунной вставшие тропинки...
Всю ночь из собственной души
Я выковыривал дробинки.

Осеннее

Не слышно музыки в небесных сферах,
Теснимых дружно стаей туч бегущих...
Рукой подать от горизонтов серых
До серых кошек, на сердце скребущих.

Еще вчера была чужда мне вялость
Души, не смевшей плакаться в жилетку,
И сердце совершенно не боялось
Разбиться в блин о собственную клетку.

А нынче в лабиринте кровеносных
Сосудов кровь как будто заплутала...
Ей вспомнить бы сейчас, как близость росных,
Прохладных трав ее полировала,

Как солнце, поднимаясь над низиной,
Вплетало в плоть и кровь лучи косые,
Как будто шанс Господь давал мне, сыну
Народа, не узнавшего Мессию.

И, улыбнувшись, не кляня свой жребий,
Вдруг понял я, отныне и навеки,
Что осень начинается не в небе,
А в человеке.

Зимняя родина

Какие белые снега
Легли на рошу и луга...
И так светло от них в душе и в хате,
Что даже злейшего врага,
Как брата, мог бы заключить в объятия.

А ночью медный круг луны,
Чьи древние моря полны
Дыханьем живших до меня влюбленных,
Шутя спугнет вороньи сны,
Звеня о годовые кольца кленов.

И будет снег скрипеть в ночи,
Как будто рядом, на печи,
Веселыми рисунками покрытой,
(Не разбудить — как ни кричи)
Во сне мурлычет кот, большой и сытый.

И дрожь рванется по спине
К затылку, но причина не
Мороз — то истины момент случится...
Так дай, Господь, бессмертье мне,
Чтоб мог я той минутой насладиться.

После дождя

С тишиной деревенской не сдюжив,
Гром укрылся за речкой, в лесах,
И покоится каждая лужа
На семи голубых небесах.

А с кургана над степью широкой
Смотрят, щурясь от солнца слегка,
То ли чьи-то глаза с поволокой,
То ли в розовой дымке века.

Подобрили собаки и кошки,
Позабыв о недавней вражде,
И бумажный цветок на окошке
Помнит все, как живой, о дожде.

Дышит каждая травка покоем,
Сбросив засухи жесткую кладь...
И на миг показалось: рукою
До вселенского счастья подать.

Всюду блики лежат золотые...
И напротив, с крылечка сойдя,
Не пречистая ль Дева Мария
Кормит грудью Святое Дитя?

* * *

Полынь качнулась, чуть зашевелилась
Березки тень, лежавшая ничком,
И небо, нам свою даруя милость,
Разбило, как сосуд с водою, гром.

И зной, как домик карточный, сметая,
Всемирного потопа вспомнив мощь,
Из бездны потемневшей, из святая
Святых вдруг хлынул долгожданный дождь.

И каждая былинка, кровью чую,
Бессмертиемдохнула, как женьшень,
И плечи мои узкие косую
Штутя в себе расправили сажень.

И сердцу в вечной жажде потакая,
И к Господу призвав мои уста,
Грохочет гром, и молнии сверкают —
Уж не момент ли истины настал?

* * *

Что может быть краше на свете, чем утром
Примчаться к реке, не кляня никого,
Где щука матерая, с облачком утлым
Сдружившись, взяла под охрану его?

Что может быть выше пшеничного злака?
Что может быть чище студеной росы,
Сверкающей золотом всех зодиаков
И сталью отточенной остро косы?

Ты купишь машину, построишь хоромы,
Ты будешь обласкан капризной судьбой,
Но громы весенние катятся мимо,
Но видит насквозь тебя дождик слепой.

И здесь, у реки, ты услышишь, наверно,
Как ветер дохнет, прилетев налегке:
«Все золото мира не стоит царевны
Лягушки, прописанной в этой реке».

У этой реки, возле ивушки сирой,
Погнав наконец все сомненья взашей,
Поймешь, улыбнувшись: все радости мира
Не стоят чудесного мира в душе.

* * *

Луны пантографом касаясь,
Последний прозвенел трамвай
За домом, где, в плечах кося
Сажень, сошел на землю май.

И мне, как в юности, не спится,
Но не огонь в крови хмельной

Тому причиной, а жар-птица,
Так и не пойманная мной.

Не поймана. И слава Богу!
Есть в этом, чувствую, резон:
Все впереди, пока дорога
Бежит, впадая в горизонт.

Не свяжет руки мне синица,
И не стреножит чья-то прыть...
Пока я не поймал жар-птицу,
Я, как орел, могу парить.

Апрель

На деревьях — белое с зеленым —
Знак необратимости весны,
Лунными морями и озоном
Вдруг дохнувшей с гребня тишины.

Мимо дома нашего и сада
Ночь плывет, рискуя сесть на мель
Огненных реклам. И нету сладу
С сердцем, обгоняющим апрель.

Где-то там, где ветры гнезда свили
В гривах неклеименных лошадей,
Я, звездой простреленный навyleт,
Упаду в объятья ковылей.

И, познав на краткий миг всей кожей
Край земли, где летний день почил,
Выдохну: «Спасибо Тебе, Боже,
Это же — бессмертие почти!»

В море

Набегаёт волна за волной
На крутой вулканический камень,
Проплывающий под облаками
Над пучиною, бредящей мной.

И по лодочке хрупкой моей,
И по мне побежали мурашки...
И вчера лишь такие милашки,
Нынче волны ста церберов злей.

Может, время пришло умирать?..
И взревело мне море судьбою:
«Хватит в прятки с самим собою,
А тем более с Богом играть».

О Господь, Ты меня не кидай
В ад взбесившейся бездны осенней,
Дай мне выйти из чрева сомнений,
Как Ионе — из чрева кита.

Перед рассветом

...И пришла из-за лесов
Тишина великая.
Словно тысячи часов,
Слышу, звезды тикают.

Слышу, как роса в рассвет
Возле тына хилого
Льет, сломав цветку хребет,
Слезы крокодиловы.

Слышу я, как за рекой,
Приголубив юную
Иву, шумной детворой
Бредят цирки лунные.

Слышу, как храпит карась,
Позабытый щукою,
Как былинка дышит всласть
Над булыжной скукою.

Слышу бездну вечных вод
И дымок над крышею...
И мне кажется, вот-вот
Господа услышу я.

Солнце в зените

...А солнце — все выше и выше —
Мир залило светом своим.
И нет в моем городе ниши,
Еще не заполненной им.

В окошке ли хаты убогой,
В крутых ли витринах вокруг —
Огнем, как подсолнух Ван-Гога,
Взрывается солнечный круг.

И вновь он, ликуя над прахом,
Стоит уже в небе седьмом,
Где было бы тесно двум птахам
Без солнца, царящего в нем.

Листья желтые

Листьев желтых не счесть под колодезным срубом,
Листья желтые вьются над сонной рекой,
Словно в прах рассыпаются медные трубы
Чьей-то канувшей в прошлое славы мирской.

И, волнуясь, шепчу я осинам и кленам:
«Я своею судьбою доволен вполне —
Не она ли гордыню железом каленым
Желтых листьев сейчас выжигает во мне?»

Листья желтые медленно падают в ноги,
Словно меркнут истаявшей славы огни...
И приходят высокие мысли о Боге,
И чем ты безымянней, тем выше они.

Весенняя ночь
(Тебе)

Вот ночь пришла и вешней силой
Весь мир, как струг, качнув слегка,
Звездой в окошко запустила,
И — вдребезги твоя тоска.

И долго, шепота влюбленных
Нежней, вдоль сельской тишины
Звон плыл к речушке, где на кленах
Луна вынашивает сны;

Где, справедливости возжаждав, —
Святее не было вранья, —
Весна твердит лягушке каждой:
«Корона царская — твоя»;

Где нестреноженный Савраска,
Готовый лечь за нас костями,
Стоит, как приглашенье в сказку,
Давно забытую людьми.

И ты, смеясь немного нервно,
Вдруг поняла — сомненья прочь, —
Что от лягушки до царевны —
Одна-единственная ночь.

* * *

Вот и канула в Лету зима...
Речкой правят мое вдохновенье
И лягушек, сошедших с ума,
Вавилонское столпотворенье.

Не спеша под ракитой кружась,
Не по-шучьему вовсе велению —
Моему подчиняясь хотенью,
Вдруг луну протаранил карась.

И звезда на глазах у меня,
На лету оцарапав оконце,
Зазвенела, свалившись на кольца
Годовые замшелого пня.

И наполнился музыкой пень,
Как прозревшее сердце — молитвой,
И еще не родившийся день
Вижу рядом уже, за калиткой,

Или, может, за этой ветлой,
Или, может, за этой трубою?..
Но, скорей, — у меня за душою,
А иначе — с чего так светло?

Ночная река

Днем такая наивная с виду,
Как загадочна ночью река,
Точно прячет в себе Атлантиду,
Занесенную слоем песка.

Точно там, где осока густая
Поднимается, бритвы острой,
В бездне лунных морей, обитает
Раз в столетье всплывающий змей.

Шепчет речка, впадая мне в руки,
Щедро душную ночь оросив:
«Здесь бессонницей той, что от жуки,
Не страдают ничуть караси».

Здесь, с водой неразлучные, кроны
И в рассказывают облакам,
Как лягушка-царевна корону
Отдала на крючки рыбакам.

Тишина здесь, как звуки органа,
Нежно душу врачует мою...
И как будто в воде Иордана,
В украинской реке я стою.

Майская ночь

Вечной жажды неба не тая
(Глянь в окно и убедись воочию),
Тополя навывтяжку стоят
Перед многозвездной майской ночью.

Разве можно дома усидеть,
Вдруг услышав, как за хатой белой
Лунная надраенная медь
Под хвостом русалки зазвенела,

Как бежит зеленая тоска
От травы ликующе зеленой,
Как звезда у самого виска
Просвистела вечностью сожженной!

Как, скажи, в такую ночь уснуть,
Если (пусть воды глубокой тише,
Но я слышу) бредит Млечный Путь
Пятками соседских ребятишек.

Не серчай на пацанов лихих,
Может быть, сегодня в местном храме,
Словно Божий Сын, один из них
Говорил на равных с мудрецами.

Май

Там, где с берега ивы замшелые гнутся,
Ближе к небу поднявшись со дна водоема,
Щука слушает, как, не сумев разминуться,
На мосту семицветном бодаются громы.

Караси удивленно спуют в отдаленье:
Не уснула ли вечно голодная рыба?
Не уснула, поскольку вот-вот от волнения
Чешуя на зубастой поднимется дыбом,

Потому что опять это чудо случилось:
Весь насквозь из зеленого и голубого,
Май, как самая щедрая Господа милость,
Мир наполнил сиянием неба седьмого.

И увидел я, словно в кристалле волшебном,
Как над речкой, сверкающей утренним гляncем,
Разметав свою гриву по травам целебным,
Дремлет лев, приголубленный ласковым агнцем.

Март

Какая глубина в окне
От неба в уходящем марте!
Не долететь до дна ни мне,
Ни тучке на вселенском марше.

Мир холоден еще, как лед,
Но в четкости суровых линий,
Порой мне кажется, живет
Несхваченная нежность лилий.

На скатах крыш, на остриях
Мне в глаз нацелившихся веток,
Разбив сосульки в пух и прах,
Звенят округлые рассветы.

Какая в чувствах глубина!
Не потому ль, что так пасхально
В квадрате каждого окна
Горит круг солнца идеальный?

Осень

(Другу)

Снова над речкой твоей неприметной,
Тихую радость затеплив в груди,
В роще кленовой, как колокол медный,
Золото листьев осенних гудит.

Мог бы иметь ты машину и виллу,
Мог бы в палатах высоких жиреть,
Только свершилось иное, и силу
Дал тебе Бог ни о чем не жалеть.

Дал понимание: сколько бы в мире
Ты ни прожил, этим миром судим, —
Золото осени не растрянжирить,
Если в нем светится мудрость седин,

Если в пожаре листвы над водою
Злые сомненья сторели дотла...
Все остальные богатства не стоят
Веры, которая в сердце вошла.

И не страшны тебе громы, что оземь,
Словно в падучей, забились, полны
Злобы, коль Бог подарил тебе осень,
Как обещание вечной весны.

* * *

Звонит ручей у самого порога,
И стриж кричит, взмывая в небо круто:
«Ты ценности, дарованные Богом,
С подсунутыми дьяволом — не спутай».

Не попадись в расставленную адом,
Проверенную временем ловушку.

Что груды серебра и злата рядом
С бессмертием, обещанным кукушкой,

С травую свежескошенной, чей запах
Нахлынет вдруг зимою, выжав слезы,
Когда в еловых, как в медвежьих, лапах
В ночи трещат крещенские морозы.

Не отравись тоскою беспросветной,
Но помни, песню звонкую слагая:
Грань меж добром и злом едва заметна,
И видеть ее может лишь слепая.

Любовь к Тому, Кто — Свет и Совершенство,
Чей дивный голос слышу я над садом:
«И вечный ад, и вечное блаженство,
Не забывай, всегда и всюду — рядом».

Осеннее

Уже не слышно пенья птиц,
И, как распятая, скворечня
Мертво глядит с ольхи, и с лиц
Загар сошел водою вешней.

Задули ветры. Вкривь и вкось
Пошли дожди, и лес за речкой,
Где осень теплилась, как свечка,
Просматривается насквозь.

Но нет уныния во мне,
И ночью, длинной и зыбучей,
Когда, затянутое тучей,
Окно тоскует о луне

И с крыши капает вода,
Я слышу, стоя у колодца,
Как бьется в недрах туч звезда...
Иль это сердце мое бьется?

И ничего, что меньше сил
В руках, что век мой на излете, —
Мой дух в зените, я — в полете
К Тому, Кто крылья мне взрастил.

* * *

Тучи лезут на тучи, сминая пределы
Горизонтов, нарушив их сонный покой,
И, как загнанный в будку барбос, то и дело
Огрызается гром где-то там, за рекой.

Но, озоном живительным землю наполнив,
Птиц, рванувшихся ввысь, предвкушая полет,
В кровеносных сосудах сверкающих молний
Голубое и чистое небо поет.

Скоро ветер, что был у пространства в опале,
С неба рваные тучи погонит взащей,

И такие откроются чудные дали
За распахнутым настезь окном и в душе!..

И понять не смогу, просветленно и немо
Взмыв над гребнями всяких памиров и анд:
То ли я вдруг приблизился к вечному небу,
То ли небо открылось во мне, как талант.

Крачка

Это ж надо! Душа только держится в нем,
Но, крылом невесомым сминая границы,
Там, где был бы на гибель орел обречен,
Эта пташка от полюса к полюсу мчится.

Ни воздушные ямы, что волчьих страшней,
Ни ревущие яростно сороковые
Не сумели, как только ни бились над ней,
В рог бараний согнуть ее хрупкую выю.

И могучие лайнеры, ревом турбин
Отвечая на рев белопенного ада,
Из освищенных штормом небесных глубин
Просят срочной посадки, как просят пощады.

Только кроткой пичуге по силам зенит,
Тот, который влюбленным романтикам снится,
Потому что, взглядишь, эта птичка летит
В голубом поднебесье Господней десницы.

Утро
(Друзю)

На плечо тебе ветер слетел с осокоря...
И, достав, словно фокусник, из-под крыла
Солнца огненный диск, на соседнем заборе
Грянул песню петух посредине села.

Ну какое на свете сравнил бы ты чудо
С чудом нового дня, когда сердце поет!
Уж сегодня не сможет родиться Иуда,
И, конечно же, Каин тебя не убьет.

Не обманут тебя, не обидят и на смех
Не поднимут за то, что с семнадцати лет
Ты в любую погоду свирепый свой насморк
Лечишь запахом причерноморских легенд.

Разве сыщется в мире подарок дорожке,
Чем рассвет, когда, весь погрузившись в зенит,
Ты вдруг чувствуешь: время по бронзовой коже,
Словно божья коровка, неспешно скользит.

И душа твоя, Богом хранимая всюду,
Вольной птахой забьется, из хаты маня,
Чтобы стал ты свидетелем этого чуда —
Чуда вновь сотворенного Господом дня.

Облака детства

Воспоминание о маме

Ты шагнула в рассвет, в петушиное пенье,
Вся от ранних седин, словно ангел, светла.
И, как эхо далекого землетрясения,
От студеной росы дрожь по телу прошла.

И спешит к тебе, вылизав шерстку любовно,
Кот Пушок под защиту бревенчатых стен,
Тайны ночи неся на торчащем неровно,
Словно башня Пизанская, рыжем хвосте.

Солнце светит над нашей избушкой утлой,
Догоня в овраге недавнюю тьму...
Но померкло б, наверное, враз это утро,
Если б вдруг ты не вышла навстречу ему,

Если б Жучку бездомную не покормила
И такой же солдатской вдове, как и ты
(И откуда в тебе эта вещая сила!),
Не взялась бы поднять завалившийся тын.

Если б не был твой взгляд так печален и светел...
И спросил, замирая, у Господа я:
«Может солнце однажды не встать на рассвете?» —
«Солнце — может, но только не мама твоя».

Колка дров в юности

Выйду в утро, в приволье,
В жилах кровь горяча...
И, как шубу соболью,
Сброшу ватник с плеча.

Нету слаще потехи —
Взвейся птицей, колун!
Я дрова, как орехи,
До обеда колю.

Смотрит мама в оконце,
Знать, забыла о щях:
То мороз или кольца
Годовые трещат?

Ей, поникшей от горя,
Кто опишет пером,
Как все беды под корень
Я рублю топором;

Как иду утром алым
На вселенское зло
Я с открытым забралом,
С топором наголо;

Как по чурке сосновой
Бью три раза подряд...
И от зла мирового
Только щепки летят.

Воспоминание

Звезды небо подмяли огромное,
Хищный блеск их к морозу острей.
А за тыном собака бездомная
Ждет погоды у лунных морей.

И за печкой на крохотных скрипочках
Что-то очень знакомое мне
Вновь играют сверчки. И на цыпочках
Половиц, чуть скрипящих во сне,

Бродят сказки по хате... И целую
Ночь мы с мамой у печки сидим,
И парит над планетою белая
Лебедь вдовьих седин.

Маме

В шелесте листьев печально-невнятном
Слышу я: «Сколько б тебе ни прожить,
Ты перед нею в долгу неоплатном
Будешь всегда». Да и чем оплатить

Мир мой, рожденный взаимной любовью,
Полный тепла материнской руки,
Чем оплатить ее горькие вдовьи
Слезы, закованные в желваки?

Впрочем, все меньше в запасе имея
Времени, как оплатить я смогу
В небе июльском воздушного змея
И снегирей на январском снегу,

Красноречивый волнующий лепет
Трав и росу, тяжелее вериг,
Серый румянца сгоревшего пепел,
Впалые щеки, заполнивших миг?

Сколько же стоят рассветы? А сколько
Свет отходивших с улыбкою дней?..
Жизнь оплатить можно жизнью. И только.
Только не хватит всей жизни моей.

Утро (Маме)

Виды выдавший, рассохшийся ставень
Скрипнул, остатки дремоты гоня...
В лужице каждой по солнцу оставив,
Утро с холмов окликает меня.

В тысячи птичьих взорвавшихся глоток
Кличет забытый, брошенный сад,
И, как жену легендарного Лота,
Тянет меня оглянуться назад.

Там в измочаленной юбке суконной,
Черная вся от потерь и обид,
В сорок четвертом у хаты сожженной,
Окаменев, моя мама стоит.

И, не играя с Всевидящим в прятки,
Слезы срываются к Божьим стопам —
То ли с лица горемычной солдатки,
То ли с того, соляного столба.

Маме. Год 45-й

Мне бы с тобою увидеться, мне бы
Запах волос твоих снова вдохнуть,
И, как бывало, в пьянящее небо
Добрых ладоней лицо окунуть.

Мне бы к плечу твоему прислониться,
Слушать, как хилым цветам на окне
Сказку рассказывает половица
О подступавшей к зениту сосне,

Слушать о том, как соловушка звонко
Пел на прощанье всю ночь напролет,
Как в этой комнате о похоронку
Билась вдова, словно рыба об лед.

Нету тебя на земле, но не мыслю
Я без тебя этот мир, где, светла,

С неба июльского сняв коромысло,
Ведро с прохладной водой ты несла.

И средь пропахшего порохом лета
В страхе я вздрогнул от пят до висков:
Это не ведра качаются, это —
Чаши небесных нелгущих весов.

Солдаткам. Год 1945-й

А работа была бесконечной,
От рассветов, суливших тоску,
И до острых, как приступ сердечный,
Лишь надеждой обтянутых скул.

А работа была не по силам
Даже некоторым мужикам...
Как же выжить вам, нищим и сирым,
Выжить — и не пойти по рукам?

Как же выстоять в этих бессонных,
Злых ночах, почерневших от слез,
Если змей-искуситель в погонах
Вашим детям тушенку принес.

Ах, как пахли харчи из Чикаго!..
Но, с презреньем отринув еду,
Мать гнала сатану, как салагу,
До девятого круга в аду.

А потом на скамейке у хаты
Прожигала слезами платок:
«Ничего, доживем до зарплаты,
Мамалыги наварим, сынок».

И разлившейся речки припевом
Плыл над маем лягушачий гам...
И, как яблоки с райского древа,
Звезды падали к нашим ногам.

Воспоминание

(Маме)

Набегают на берег волна за волной
И отходят, шипя понарошку,
В лоно моря, которое бредит луной,
Обернувшейся лунной дорожкой.

И не сбить мое сердце мерцаньем звезды
С завораживающего ритма
Этой древней, соленой, безбрежной воды,
С вдовьим горем вздыхающей в рифму.

Мы с тобою на камне прибрежном сидим,
Горизонты, как травы, сминая...
То ли пенный прибой — продолженье седин,
То ли — наоборот, я не знаю.

Но я слышу: вздыхают седые валы,
Путь нелегкий и длинный отмерив,
Как вздыхали утробно когда-то волы,
Согревая Младенца в пещере.

И, не сдавшись на милость безжалостных лет,
Ты шептала мне снова и снова:
«Ни пространства, ни времени нет — только свет,
Исходящий от Бога живого».

Маме

Я поседел. Дыхание сбивается.
Все меньше бесшабашного огня
В крови. И горечь слов твоих сбывается:
«Ты вспомнишь на закате дней меня.

И, подведя итоги небогатые,
Поймешь: вся жизнь твоя, до грани дней,
Была всего лишь яркою заплатою
На вещем сердце матери твоей.

Но ты беги от карканья вороньего
А я (пусть вновь костыми придется лечь),
Из мрака поднимусь потустороннего,
Чтоб все же свет в душе твоей сбересть».

Зима. Год 1947-й

Были, помню, крепче ратной стали
На земле морозы в зиму ту,
В зиму ту, я помню, замерзали
Воробьи и звезды на лету.

И звенели от мороза в кленах
Годовые кольца по ночам...
До костей потомков отдаленных
Замерзал я, тая как свеча.

И казалось мне, что никогда я
До весенних дней не дотяну,
А вдали собак бездомных стая
Отпевала тощую луну.

Но склонялась мама надо мною,
Верой и надеждою дыша...
И была полней ковчега Ноя
В тот голодный год моя душа.

Июнь, 1945 г.

(Маме)

Забуду ль, как тогда, в июне, я
Смотрел с плетня в простор полей,
Где в кротком свете новолуния
Улыбка матери моей.

Плыл вечер, полный тихой нежности,
По чуть пригнувшейся траве,
В чьей в ночь катящейся безбрежности
Есть разгуляться где молве.

Кипело звезд столпотворение
С окном, распахнутым впритык,
И длилось каждое мгновение
Века: я с ними был на «ты».

Но задает загадки выжженный,
Как многим думалось, дотла
Двадцатый век... Как мать в нем выжила
И Бога в том аду нашла?

Маме в 1945 г.

Горечь вдовьих седин и мозолей сухих
Ты простила судьбе, словно детскую шалость...
Новый день начинался с ладоней твоих,
В поднебесье которых так вольно дышалось.

Мне оттуда такой открывался простор —
Глазом не охватить, только воображеньем,
Там на травах высоких, как царский престол,
Восседала луна, а над речкой веленьем

Щучьим вскидывался серебристый карась
Так, что испугнутый сон расходился кругами...

Там, казалось мне, даже осенняя грязь
За окном по-хорошему бредит князьями.

Вся улыбкой светясь, начинала ты день,
Хоть на сердце скребли ненасытные кошки,
И на лицах солдатских вдруг таяла тень,
Ибо вера была твоим светом в окошке.

Ты молилась, как с солнцем общается лист...
И вернувшийся в жизнь из вселенского боя
Даже самый воинствующий атеист
Знал в душе, что он Богом храним и тобою.

Маме. Год 1947-й

В деревянной бадье замерзала вода
От морозов, ломившихся в хату,
И, казалось, примерзли в ту ночь навсегда
Даже стрелки часов к циферблату.

Воронье ненасытное правило бал,
Но сквозь карканье все же я слышал:
Оттого, что зуб на зуб не попадал,
Дружно падали звезды на крышу.

Но слезу до крови прикусив на губах,
Вся на собственных скулах распята,
Мои руки в своих убаюкав руках,
До утра согревала меня ты.

И мне снилось, что рухнул наскучивший снег,
Словно карточный домик непрочный,
Что наш дом, распахнувшись навстречу весне,
Заиграл на трубе водосточной.

Отлетел, как жар-птица, румянец со щек,
Годы канули в серую Лету,
Но все весны, что были и будут еще
В моей жизни, тобою согреты.

Маме

Весенний ветер у колодца
Кольшет юную ветлу,
А рядом вдовье сердце бьется,
Как лист осенний на ветру.

Застыла женщина, наполнив
Прозреньем поздним нас, мужчин...
Не вспыхнуть бы от близких молний
Сухому хворосту морщин.

Не счесть на мне судьбы отметин,
Но выручали каждый раз
Круги спасательные эти,
Что залегли у вдовьих глаз.

Мне б не сойти с кривой дорожки,
Но был всегда расклад один:
Всю жизнь я, как на свет в окошке,
Спешил на кроткий свет седин.

Мамина свеча

Грудную клетку нашей старой крыши
Простукивает дождь. А на окне
Горит свеча, чей кроткий свет колышет
Устои зла, как тени на стене.

Все дальше, мама, лик твой уплывает,
Но вижу я, полжизни второпях
Прожив: горит свеча, не оплывая,
Не затерявшись в праздничных огнях.

Как солнце над вчерашним фейерверком,
Как тишина, что музыку хранит,
Твоя свеча, по самым строгим меркам,
Живет, светилу вечному сродни.

И я шепчу горячими устами
Молитву благодарности, дабы,
Светло и не чадя, горело пламя
Твоей свечи в окне моей судьбы.

Воспоминание

(Маме)

Льется шум осенних листьев,
Словно вешняя вода...
Треск сиюминутных истин
В нем растаял без следа.

И недавние кумиры
Отошли на задний план,
И луне, плывущей сиротливо
Через пятый океан,

Никакого дела нету
До искусственных морей,
До всего, что канет в Лету,
Может, через пару дней.

Как полдневное светило,
Осень высветлила вдруг
Все, что дышит вещей силой:
Нежность вдовьих скорбных рук,

Соль и хлеб на колченогом
Приютившем свет столе —
Все, чем я отмечен Богом,
Чтоб на этой быть земле.

Жизнь

За старым домом, у речной косы,
Куда уже давно я не ходок,
От бритвенно сверкающей росы
Подкатывает к горлу холодок.

И, словно на ладони, видно мне:
В бегущей через семь небес реке
Вздремнул карась, и видит он во сне,
Как злая щука бьется на крючке.

И петухи горланят за рекой,
Рассказывая целый Божий день:
До царства тридевятого рукой
Подать, лишь стоит выйти за плетень.

А дальше — неохватные луга,
Где, юности моей лелея пыл,
Как золотые щедрые стога,
Стоят закаты вдоль моей тропы.

Сестре Люде

Точно бабы, взвизгнули полозья
И помчались, обжигая снег,
И, упруг, как спелые колосья,
Встречный ветер с губ срывает смех.

Ты летишь, судьбы своей не зная —
Нараспашку шуба и душа, —
Все, что жить мешает нам, родная,
Саночками легкими круша.

Что тебе заморские машины
В сотню, в тыщу лошадиных сил?
Что тебе до их возни мышиною,
Если красным петухом из жил —

Миг еще — и вырвется на волю
Кровь — я счастьем у нее учусь...
Как просторно, словно в чистом поле,
На пьянящем острие всех чувств.

Ты летишь! И лик твой чист и светел,
А из глаз сквозь снежную купель
То ли слезы высекает ветер,
То ли брызжет первая капель.

Мой старый дом (Валентине)

Вот мой выдавший виды дом,
В чьих окнах водятся зарницы,
Где, словно в отдаленье гром,
Скрипит на кухне половица.

Здесь мучают меня сильней,
Особенно порой nocturno,
Как отложения солей,
Мечты, отложенные мною.

Уже не сбьются им вовек:
Ушел, как говорится, поезд.
Но, как в чистой воде из рек,
Луна в окно вошла по пояс.

И снова тычутся в углы
Моей прохладной комнатухи
То океанские валы,
То речки, где царят лягушки.

И я гоню сомненья прочь,
Затебив тоненькие свечи
Навстречу звездам... И всю ночь
Мне пел сверчок: «Еще не вечер...»

Воспоминание о детстве

Господи, пусть окунется в седьмое
Небо нигде не попевший пострел,
Дождик слепой пусть глаза мне промоет,
Чтоб я, как в корень, на солнце смотрел.

Если б Ты, Господи, дал моей маме
Овоши — летом, дровишки — зимой!..
Видишь, мешки у нее под глазами
Нищенской жалкой темнеют сумой.

Видишь, от слез она горьких ослепла
И от тяжелых работ чуть жива..
Манной небесной, а может быть, пеплом
Густо покрыта ее голова..

Господи, дай ей улыбку и силы
Ночь подступающую побороть,
Чтобы отныне до самой могилы
Лишь на Тебя уповал я, Господь.

В краю детства

Господь мне явил свою щедрую милость..
И, сбив с петуха громогласную спесь,
Как в детстве, по лунным морям покатилась
Весенних лягушек бессмертная песнь.

И грубый такой, и бесчувственный с виду
В ночи, что несется быстрее молвы,
Вот-вот улыбнется мне каменный идол,
Не выдержав майской щекотки травы.

Господняя милость мне явлена снова:
Любовью звезду и былинку венчать...

Сегодня, я чувствую, каждое слово
Ложится как неба седьмого печать.

И с песней фальшивой уже не смириться,
Коль память целительна, как мумие,
Коль хочется только стихами молиться
Ему, подобравшему сердце мое.

* * *

Горю неожиданному ни осокори,
Ни бездорожье, увы, не заслон.
Словно за гору, за мамино горе,
Медленно майское солнце зашло.

От тишины оглушающе-звонкой
Страшно так не было, может, сто лет...
Слезы, раздавленные похоронкой,
На колченогом темнели столе.

Горе острее отточенной бритвы...
Но, растерявшая в горле слова,
Самую первую в жизни молитву,
Сердцем озвучив, шептала вдова.

И от разбитого горем порога
Мама несла исцеленье другим...
Крепок примчавшийся в радости к Богу,
В горе пришедший — несокрушим.

Созвездие Волосы Вероники

Серой солью и хлебом
Поделившись на ужин,
Долго с мамой под небом
Мы сидим и не тужим.

Разменяв быстротечность
Дня на лунные блики,
Вновь запуталась вечность
В Волосах Вероники.

Из немислимых далей
Льются волосы эти,
Чтоб бесстрашной мечтали
Здесь, на третьей планете.

И на бритвенном стыке
Вечной ночи и света
В Волосах Вероники
Заблудились поэты.

Ночь, как черная яма,
Но, о Боже великий,
Свет седин моей мамы —
В Волосах Вероники.

* * *

Время — вспать. Лежу без сна,
Крепкий, молодой.
И луна в углу окна,
Словно лик святой.

И скрипит, как ржавый гвоздь,
Что-то там, внизу.
Это мышь земную ось
Пробует на зуб.

И над ухом у меня,
Ночь бросая в жар,
Бормашиною звеня,
Трудится комар.

Не спешу я никуда,
Ведь куда важней
Видеть: рушится звезда
На рушник полей.

Все, что мне должны, спишу, —
Золото и медь...
Никуда я не спешу,
Чтобы жить успеть.

Весеннее утро

Сколько света в роще старой!
Сколько неба у весны!
Блики — словно с пылу, с жару
Аппетитные блины.

А на выжившей речушке
Неустанно, допоздна,
Целый день кричат лягушки —
При короне как одна.

Я бегу себе трусцою
Мимо кленов и берез,
Весь изжаленный росой
До звенящих смехом слез.

Набираю темп, на свете
Ничего прекрасней нет,
И уже в два пальца ветер,
Как пацан, свистит мне вслед.

Жаркий звон идет по жилам,
Кровь бросается в виски.
Пусть сегодня не до жиру —
С сердцем собственным, чтоб живу
Быть, я мчусь вперегонки.

И на зависть всем поэтам,
Чтоб царил весенний дух,
Глотку вывернув рассветом,
На плетне поет петух.

Воспоминание

Приветствуя рассвет, ручей звенит,
И жадно смотрят травы луговые,
Как собственные кольца годовые
Раздвинув, тополь ринулся в зенит.

И, обжигая в глотке каждый луч,
Петух соседский за плетнем горланит,
И тень с полей бежит, как с поля брани,
И за холмами гром свалился с туч.

И на буренок местных, чистотел
Измявших, смотрит свысока телушка,
Цена которой за морем — полушка,
Да перевоз в копейчку влетел.

А я лежу, считаю облака,
И облака уже во мне витают,
И жаворонком бьется молодая
Кровь в поднебесье моего виска.

Малая родина

Отражая мир окрестный,
Зреют росы на кусте.
Новостям, ты видишь, тесно
У сороки на хвосте.

Рядом звякнула бадейка,
Разбудив наш старый дом,
И, как встарь, клюет уклейка
На упавший в речку гром.

Мне не нужен пост высокий
И с табличкой медной дверь,
Если чую: в травах соки
Бродят, словно хищный зверь.

Что наличные? Что чеки?
Если с детства знаю: с ног
Не осыплется вовеки
Цыпок золотой песок.

Что известность? Что карьера?
Что своя везде рука?
Если, как до новой эры,
В Рим несутся облака.

Вслед смотрю без сожаленья,
Ибо верю кровью всей:
Все столицы — продолженье
Малой родины моей.

Рассвет в детстве

День поднимался на речной откос,
Размыв теней причудливый орнамент,
И шелестели крылышки стрекоз,
Как древний неп прочитанный пергамент.

А я стоял в некошеной траве,
И горизонтом наливалось тело,
И в каждой жилке, словно в синеве
Небесной, жаворонком кровь звенела.

Я различал столетий голоса,
Срывавшиеся с солнечного диска,
Как будто я стоял у колеса
Истории, понятной мне и близкой.

Прощание с детством

Ветер, под окном примяв газон,
В старых ставнях бьет с лентой баклуши,
И вошел по самый горизонт
Журавлиный клич в ребячью душу.

Южный Крест и южные моря
Отошли на задний план, поскольку
Небо, грусть мне взрослою даря,
Поделилось с лужей лунной долькой.

Что мне пальмы где-то там, вдали,
Что мне золото иль вода живая,
Если вижу я, как журавли
Между мной и детством клин вбивают?!

В гостях у детства

(В. З.)

За калиткой, вровень с облаками,
Вдоль теснящих горизонт полей,
Целый день, играя в детство с нами,
Не спеша плывет воздушный змей.

И жар-птицей смотрится ворона,
И с трудом росу осилишь вброд,
И лягушка царскую корону
Поправляет, глядя в небосвод.

И, забытой радости послушный,
Начинаешь верить кровью всей:
Там, где небом правит змей воздушный,
Не бывает подколодных змей.

Там ручей средь старых ив скорбящих
По-щелячи к нашим льнет ногам,
Из камней, за пазухой лежащих,
Ничего нельзя построить там.

Там в своей извечной круговерти
Жизнь не бьется рыбою об лед,
А еще там никогда, поверьте,
Ни людей, ни птиц не били влет.

В гостях у детства
(Сестре Люде)

Глазеет вечность с небосвода
На пруд у самого крыльца,
А из пруда ракиты воду
Пьют, как с прекрасного лица.

Здесь Млечный Путь в ночи бездонной —
Не путь ли в греки из варяг?
Здесь, горизонтами груженный,
Грохочет мимо товарняк.

Здесь лунные моря, покорно
Уткнувшиеся в камыши,
Нам по колено, и по горло,
Как встарь, волнения души.

Здесь облака над нашей хатой
Вьют гнезда на семи ветрах,
Где звезды мы, смеясь, когда-то
Отряхивали с ног, как прах.

Облака детства

Уносит речка облака
С седьмого неба голубого,
И я, от мая пьян слегка,
В тех облаках витаю снова.

То поперек плывем, то вдоль
Границ, не ведая покоя,
«До лампочки» границы, коль
До солнышка подать рукою.

Седины падают на лоб,
Но что мне годы и морщины —
От молодой травы озноб
Идет по телу, как лавина.

Жизнь, знаю, надо, как быка,
Брать за рога, пока не поздно,
Но как я брошу облака
Наедине со шукой грозной?

И, страх свой пряча в желваках,
Кричу: «В корриду кто играет,
Не наследите в облаках,
Там души детские витают!»

Бессонница

Шумят деревья за окном,
У обезлюдевшей дороги,
И через небо колченогий
Бредет сквозь ночь осенний гром.

И я, как в детстве, к печке льну,
Дарящей мне тепло живое.
А за окном собака воет...
Иль пробует на зуб луну?

А может быть, накинуть плащ,
Окликнуть воющую Жучку
И с осенью пройтись под ручку
Вдоль окон детства?.. Что за блажь!

Уймись. Обломки прошлых лет
Тебя достанут и в квартире,
Но ничего, я знаю, в мире
Дороже тех обломков нет.

И тихо вышел я к плетню,
Не стал глотать я капли брома...
Всю ночь, скрипя протезом грома,
Шла осень к Вечному огню.

Там...

Там солнечной опушкой
Пропах зеленый тын,
Там серая кукушка
С бессмертием на «ты».

Там небо смотрит браво
С синицею в руке,
Там шука ходит павой
В полуденной реке.

А ночью вас разбудит
У каждого окна,
Как витязь на распутье,
Стоящая луна.

Там гром, сорвавший голос,
Ворчит себе под нос,
Там силой хлебный колос
Весь налит, как колосс.

Там, криком петушиным
Прошитый, мой сосед
По росам, как по минным
Полям, идет чуть свет.

И пусть дрожат поджилки
От бьющей в дых росы,
Пусть кожу на затылке
Топорщит, как усы, —

Как в детстве он смеется,
Став снова босяком...
Когда еще придется
По солнцу — босиком?!

Беспризорники у Вечного огня

Матерясь по-взрослому, кляня
Все на опостылевшем им свете,
Греются у Вечного огня
Брошенные нами наши дети.

Им, забывшим светлый школьный класс,
Не до сказок о счастливом завтра,
Им, с мешками нашей лжи у глаз,
Пайку б хлеба с кипятком на завтрак.

Дети жадно тянутся к огню:
Вот бы с ним душой озябшей слиться...
Словно хлеб, сторевший на корню,
Так черны недетские их лица.

И молчит народ моей страны...
И в верхах не стыдно дядям тертым,
Что приходят наши пацаны
За теплом не к нам, живым, а к мертвым.

Сестре

Мчимся мы с тобой с горы —
Счастья новобранцы.
Я боюсь, лицо сторит
В зареве румянца.

Ветер с губ срывает смех,
Как срывают шоры,
Чтоб увидеть чистый снег,
Подперевший гору,

Чтобы, как мороз ни лют,
В двух стальных полозьях
Вдруг услышать, как поют
Нежные колосья,

Как шуршат — и в горле ком —
Тысячи побегов,
Как поскрипывает гром
В каждой пяди снега.

Ветер бьет наотмашь в грудь,
Слезы высекает...
И не в силах снег смахнуть
С твоего виска я.

Сестре Люде

Был вечер печальней погасшей свечи,
На маминых скулах распятый,
Но месяц Емелей лежал на печи —
Все то, что осталось от хаты.

Мы тихо сидели на тощих узлах
Над прахом сторевшего дома,
И слушали, как забивают «козла»
За речкой далекие громы.

Еще продолжается в мире война,
Но лунные цирки воронок
Уже заполняет, ликуя, весна,
И мило картавят вороны.

И, мелко дрожа от студеной росы,
Всю ночь над своею судьбою
Скулят одряхлевшие Гончие Псы,
Забившись под небо седьмое.

Еще не оттаяли вдовьи уста,
Но слышишь: у кромки рассвета
Не птица ли феникс, из пепла восстав,
Вовсю кукарекает где-то?

Воспоминание о детстве

Ночь подступала исподволь
К раскрытому окну,
И, словно чью-то исповедь,
Я слушал тишину,

Что рвущимися струнами
Звенела там и тут...
Захлебывался лунными
Морями старый пруд.

Как кошка с мышкой, мучая
Мир хищной немотой,
Играла мышь летучая
С упавшею звездой.

Ночь бредила жар-птицами,
Ворон бросая в дрожь,
Железною десницею
Роса ломала рожь.

Я все стихотворения
Оставшихся мне дней
Отдам без сожаления
За прозу тех ночей.

Воспоминание о детстве

(В. З.)

Замерев, сижусь у криницы,
У земли и неба на виду.
Знаю, эта ночь не повторится,
Я запомню каждую звезду.

Я запомню каждый вздох осины,
Не забуду до скончания дней —
Тоньше твоей талии осиною —
Запах трав за хатою моей.

Я запомню нервный скрип калитки,
Женский смех и как, маня к реке,
Словно переходящие калекки,
Бродят громы где-то вдалеке.

Я запомню, как подсолнух мамин,
Надломившись, подпирает тын,
Как лягушки стонут в ночь, с морями
Лунными давно уже на «ты»,

Как, смеясь, готов на растерзанье
Глотку я свою отдать словам...
Я запомню все, чему названья
Нет еще, но я однажды дам.

Прощание с детством

Стали скучны африканские куши,
И не волнуют ни лев, ни жираф...
Слышу: синице в руке загребушей
Громко сочувствует в небе журавль.

Это угрюмого Сфинкса покруче
И притягательней «розы ветров» —
Вперегонки со звездой летучей
Падающее в колодезь ведро.

Не впечатляют барханы Сахары,
Но треугольники-письма отца,
Как опаленные крылья Икара,
Вновь шевелились всю ночь у лица.

И до рассвета, я знаю, как маме
Снился отец мой, бесстрашный такой,
Как наполнялись мешки под глазами
Невыразимую вдовьей тоской.

Утро подходит к разрушенным хатам,
В горьких руинах вспугнув воронье...
Где-то за тысячи верст, в тридевятом
Царстве, оставил я детство свое.

Там, в детстве

Там солнце, оплавившись гомоном птичьим,
Ступило на хрупкую кромку земли,
И, душу волнуя былинным величьем,
Как марево, травы качнулись вдали.

Там роща над речкой, заросшей осокой,
Чуть слышно звенит в голубой небосвод;
Годичные кольца березовым соком
Там щедро набухли, что лопнут вот-вот.

А ночью в наполненной звездами чаше
Вдруг слышится сквозь лягушиный мажор:
«Любителям лапок лягушечьих — наше
Презренье, жестоким гурманам — позор!»

А ночью там воздух пьянит, словно брага,
И трется луна, как буренка, о тын,
Там самый последний бездомный бродяга
С воздушными замками только на «ты».

Там каждое утро сулит мне кукушка
Бессмертье, а я бесшабашен и глуп..
Там, в детстве, бессмертие, словно игрушка,
Наскучив мальчишке, пылится в углу.

В доме моего детства

Под маминым кровом душой успокоюсь,
Смотрю я, счастливый, не веря глазам:
Снега за окошком, как в детстве, по пояс,
И утро — всего лишь по пояс снегам.

Какие щемящие краски и звуки
Наполнили каждый мой день в январе,
Где солнце когда-то скользило мне в руки,
Как будто колечко в той детской игре;

Где, как ни закручивал гайки лукавый,
В бараний согнуть меня думая рог,
Худые вороны ходили, как павы,
И не было злых новостей у сорок.

И ночью бездомный барбос между тыном
И лугом, взывая к далекой весне,
Не выл, рассыпая мурашки по спинам,
А пел колыбельную песню луне.

И снова, даруя мне чувство свободы,
Великое чудо спасает меня:
К закату, естественно, движутся годы,
А жизнь — только в сторону нового дня.

Зейлик

Ядовитый, как зелье,
Но любивший меня,
Выводил старый Зейлик
Рано утром коня.

Сколько мудрости было
В том, как двигался дед...
И не ржала — трубила
Лошадка в рассвет.

Сколько грации тонкой
Было в нем и в коне...
И поэзия звонко
Просыпалась во мне.

И под гомон базарный,
Под сияньем небес
В тарантас, как в шикарный
Я влезал «Мерседес»

И катили мальчишка
В рубашонке из дыр
И биндюжник с отдышкой
Завоевывать мир.

Из детства

Под самым носом у косы,
Проспавшей лето все в чулане,
Трава, хмелея от росы,
Стоит по пояс зорькой ранней.

Рассветный воздух холодит
Чуть видный диск луны ущербной,
И я, как лампу Аладдин,
Глаза спросонок тру усердно.

И снова рядом, за стеной,
Молитва наполняет хату
За покалеченных войной
И за вчерашних супостатов,

За тех, кто лег костями не зря
Там, за уже прогретой далью...
Да будет пухом им земля,
Нафаршированная сталью.

Старушка молится за нас
И за врагов... Зла и обиды
Нет, лишь на дне ослепших глаз
Лежит печаль, как Атлантида.

И тут уж не поможет прить
Ни профсоюза, ни милиции...
Каким же сильным надо быть,
Чтоб за врагов своих молиться.

Родина

Где вы, горизонты заревые!
Я по горло серой тучей сыт...
Как дамоклов меч, над бритой выей
Поля, журавлиный клин висит.

Где-то солнце, пальмы, шум прибоя
И огромный белый пароход,
Только мне назначено судьбою
Брать на грудь вот этот небосвод,

Подставляя плечо вот этой иве,
Разглядевшей свет на дне реки,
И на отшумевшей хлебной ниве
Вдруг споткнуться о ломоть строки,

И увидеть сквозь туман холодный,
Как плывет вдоль хат, за огород
По моей реке несудоходной
Самый белый в мире пароход.

Из детства

Кошку Мурку спугнув с плетня,
Что-то птичье выдохнув страстно,
Стриж пикирует на меня,
Но ни капельки мне не страшно.

Только мышцу на миг свело
Под рубашечкой на лопатке,
Так похожей на птичье крыло
Или на огонек лампадки.

Сестре Люде

Взмахом длинных ресниц сбросив с неба звезду,
Чтоб увидеть, что там, за звездой,
Ты вела свой рассказ, как коня в поводу,
Улыбаясь на крик козодоя.

Травы льнули к твоим загорелым ногам
С драгоценной насечкою цыпок,
И текла, словно сказочный мед по усам,
Ночь средь юных березок и липок.

Дух захватывало от фантазий твоих,
Полных щедрого солнца и моря..
До сих пор я под сенью летящих тугих
Парусов укрываюсь от хворей.

Сколько лет с той далекой поры пронеслось,
Но опять через зимы и весны,
Как земная, Всевышним каленая, ось,
Заскрипели в уключинах весла.

И летучая рыба, раздвинув края
Бездны, взмыла к небесным чертогам,
И рыбарь (все вернулось на круги своя)
Не за рыбой уходит — за Богом.

Осень на родине

(Сестре Люде)

Опустели птичьи гнезда,
И такая тишь в лесах,
Что я слышу вдруг, как звезды
Шевелятся в небесах.

Мир продут семью ветрами...
И мне в душу сладкий яд
Вспрыснув, южными морями
Бредит твой парящий взгляд.

Буйство бликов, звуков, красок,
Рыб летучих мельтешня...
Это там, а здесь — саврасый
Мерин дремлет у плетня.

И луну из буерака
Выгнав и на ель загнав,
Воет рыжая собака —
Пот холодный льется с трав.

И сводя на нет постельный
Мой режим, качнув зенит,
Половица корабельной
Мачтой жалобно скрипит.

И по стенам, по буфету
Ходят тени прошлых лет...
Там, за морем, — море света,
Здесь — тепло рождает свет.

Воспоминание о детстве

Ночь из детства над степным курганом,
Над звездой, укрывшейся в траве,
Пролетит волосяным арканом,
Седину качнув на голове.

И пьянящим запахом полынным
Окатив меня из синей мглы,
Эта степь вокруг сойдется клином
На каленом острие стрелы.

Где-то здесь, в веках, от крови скользких,
Вскрикнет баба, птахой сбитой влет,
И забьется на губах монгольских,
Словно рыба об январский лед.

И свалюсь у вечности под боком
Я, времен смещение кляня,

Когда злой мохнатый конь, как током,
Саданет копытом в бок меня.

Но очнувшись у сырого лога, —
Сколько бы на свете мне ни жить, —
Я за миг бессмертья буду Бога
Горячо всю жизнь благодарить.

С кем ты?

На рассвете у колодца
Будет ведер перезвон
И вопросом изогнется
Заалевший горизонт.

«С кем ты?» — гром забьется в небе,
Словно жилка на виске,
И росой умытый стебель
Кротко спросит: «С кем ты? С кем?»

«С кем ты?» — вскинется рыбешка
Над водой, слезы светлей.
«С кем ты?» — брызнет луч в окошко.
«С кем ты?» — пискнет воробей.

И в мирском бессонном гаме
Слышу, чуть ступив за тын:
«С кем ты, с ними или с нами?
С нами или с ними, с кем?»

«С кем?» — один пыгает строго,
«С кем?» — другой, входя в пике...
Что ж, вот мой ответ: я — с Богом,
С Богом я! А вы-то с кем?

Зеленое и голубое

Зеленое и голубое...
Вот чудо средь моря чудес:
В могучем весеннем прибое
Рассвета купается лес.

Стащив надоевшую обувь,
Как в детстве, спешу я на пир
Зеленого и голубого,
В стреляющий росами мир.

И гром прогремел из-за дома,
И птаха пропела мне вслед:
«Зеленому и голубому —
Зеленый немеркнущий свет!»

То в бездну смотрю над собою,
То в омут некошенных трав...
Зеленое и голубое —
Не это ль бессмертия сплав!

Травы моего детства

Осилив сталь, пожары и потравы,
Двужильные, меж красных теремов
Рассвета и заката, встали травы,
Надежней Геркулесовых столбов.

Трудна и поучительна их участь:
Расстреливал их град, топтал сапог,
Такую беспредельную живучесть,
Знать, не напрасно подарил им Бог.

Не пасть им перед вражьей силой лютой,
Но подниматься в полный рост весной...
Как часто был я в трудную минуту
За ними, как за каменной стеной.

И, подчиняясь нежному их зову,
Я здесь бродил. Тех светлых дней не счесть.
От Божьего врачующего Слова
В бессмертных этих травах что-то есть.

И как оно, не знающее тленья,
Все ложное и брренное поправ,
Вовек не зарастет травой забвенья
Зеленый храм прогретых солнцем трав.

Моему детству

На миг вернулось детство милое...
И в сумерках над нашим домом
Закувыркались рукокрылые
Вперегонки с далеким громом.

И снова тонкий месяц нежится
В забытой картами речушке —
Последнем, может быть, прибежище
Для коронованной лягушки.

Здесь в справедливость я уверовал,
Отбросив лживых сказок ветошь,
Здесь никогда на Волка Серого
Никто собак не станет вешать.

Здесь экономикою рыночной
Не прикрываются, зверея,
И кожу здесь со Змей Горыныча
Не снять для нужд галантереи.

Здесь, у детей заняв беспечности,
Свое бессмертие Бессмертный
Кощей за миг, что равен вечности,
Отдаст вам с радостью безмерной.

Здесь зло без злобы мудро, весело
В бараний рог согнули люди,
И в небо радугой повесили:
«Пусть в мире праздничнее будет».

Однажды в детстве

Однажды я видел, зная, в лучший из дней,
Забыв про занятия в школе,
Как ветры, дремавшие в гривах коней,
Проснувшись, рванулись на волю.

Казалось мне, воздух полынный кипит
До самой черты окоема,
И вовсе не с неба седьмого — с копыт
Срываются майские громы.

Летел, как лавина могучая с гор,
Табун самой радужной масти,
Согнувший пространство в бараний рог
Подковы, звеневшей о счастье.

И, радость весенних открытий суля,
Бессмертных, как хлеб и мотыга,
Как колокол главный, гудела земля
Под сводами каждого мига.

* * *

Неумолимо время, и друзей
Все меньше остается рядом с нами...
Не где-то за морями, за лесами —
Здесь, рядом, в спешке незаметных дней

Мы их теряем, чтобы вдруг узнать,
Читая все итожащую строчку,
Что никогда отныне в одиночку
Весенний гром, увы, нам не догнать.

Узнаем вдруг, как неуютно жить,
Всегда имея с маслом ломоть хлеба,
Каким бывает тесным это небо,
Коль больше не с кем нам его делить.

И от потери белый, словно мел,
Шепчу с гримасой запоздалой боли:
«Что есть на свете слаще пуда соли,
Который ты с надежным другом съел?»

Предвечный
с нами!

Молитва

(Маме)

Я стою у реки, за деревнею спящей,
И от самой бессильной былинки жнивья,
Как горячего воздуха ток восходящий,
Устремляется в небо молитва моя.

Уходящего августа гром отдаленный
Вмиг озвучит ее, чтоб услышал Господь,
Как рождается слово в душе просветленной,
Покидая усталую тесную плоть.

Вот взлетело оно над соломенной крышей,
Вот мелькнуло над темной, глубокой водой,
И уходит все выше, и выше, и выше,
Чтоб на землю вернуться упавшей звездой.

Или, может быть, чистой студеной росой,
Или ветром, срывающим гриву с коня,
Иль прикушенной горькою вдовьей слезой,
Вдруг в ночи полоснувшей по горлу меня.

А быть может, вернется, чтоб с жару и с пылу
Дальних странствий, развеяв сомнения в прах,
Обрести, славя Господа, новую силу
На вчера еще чьих-то крамольных устах.

Маме

Отпустив на муки Сына,
Что почувствовал Господь,
Вдруг увидев из-за тына
Звезд, как входят гвозди в плоть?

Хруст костей и сухожилий
Треск... Все тоньше жизни нить.
Люди, вы б себя спросили:
«Как такое пережить?!»

Сердце, бившееся гулко,
Меркнет, но мне шепчет мать:
«В самых дальних закоулках
Вечности его слышать,

Потому что Бог единый
Превратил, поверь, не зря
Смерть единственного Сына
В нашего Поводыря».

Воспоминание верующего

О свет далекой ночи новогодней!
Словно в падучей, билась кровь в висках,
И все горел, как грешник в преисподней,
Чухоточный румянец на щеках.

А впереди — пятнадцать лет отсидки...
Мысль о грядущем больше не лелей —
Лесоповал да и мозолей слитки,
И гнус, полярного мороза злей.

Там воеет вьюга, отпевая сказки,
Там псы сторожевые с поводков
Срываются, рыча, как будто маски
Срывают с изолгавшихся богов.

Но это там, средь сопок одиноких,
Как люди, вдруг впадающих в тоску,
Господь сошел к нему с его высоких,
Отточенных недоеданьем скул.

Но это там, за снежной круговертью,
Как песня, приближается рассвет,
Там брезжит избавленье, там — бессмертье,
Бессмертье и еще пятнадцать лет.

Плывут облака

Плывут облака над избою, над храмом,
Над пашней, ласкающей глаз,
Как плыли они над седым Авраамом
И как будут плыть после нас.

То мимо дневного светила, то мимо
Озябшей в тумане луны

Плывут облака, легким ветром гонимы,
Как дремлющей вечности сны.

Я вслед им смотрю. И пространство, и время —
Игрушки для белых ладей...
Плывут облака... Не волнует их бремя
Людских неумных страстей.

Плывут облака, пережившие Трою
И сталинские Соловки,
Но сгинут они, если я не открою
Им путь в поднебесье строки.

Плывут облака... Только их круговерти
Завидовать ты не спеши:
Им — вечность холодная, людям — бессмертье,
Согретое светом души.

* * *

Нет, не спасут тебя ни Дух Святой,
Ни трудный дар пророчества, покуда
Любовь твоя, как теплый дождь грибной,
Не оросит сердца, которым худо.

С самим собой душою не криви:
Законы мира чтить ты можешь строго,
Но если в твоём сердце нет любви,
Ты дальше всех находишься от Бога.

Другу

Лихо молния слепящая
Рубит с неба, как с плеча,
Свет в окне: то не чающаяся
Кротко теплится свеча.

Там, за старой шторкой штапельной,
Тени приютив у глаз,
Друг мой, хрупкий и мечтательный,
Жарко молится за нас.

Он смертельно болен. Лишнего
Не прожить ему ни дня,
Но он просит у Всевышнего
Долгой жизни для меня —

Долгой, полной вдохновения,
Свет вливающего в грудь,
Чтоб хоть на день стал к спасению
Моему короче путь.

Двое

Взмах ресниц, прощальный взмах руки...
Радостные вопли раздаются —
Не в аду ль? Поскольку вопреки
Воле неба двое расстанутся.

Всемогущий Господи, не дай
Им ступить на тонкий лед сомнений,
Сделай так, чтоб солнцеликий май
В пенье птиц и шепоте растений

Вновь открылся им, как горизонт,
За которым, став их счастья сутью,
Колокольный чистый перезвон
Подпирает небеса и судьбы,

За которым их не сбить с пути,
Не смутить их плоть трусливой дрожью...
Дай, Господь, им силы дорости
До любви, чья сила — вровень с Божьей.

Иисус Христос и Понтий Пилат

Боль в голове висит, как хмарь,
Ее терпеть нет больше мочи:
«Где этот самозванный Царь?
Подать Его пред наши очи!

Так это Ты смущал народ,
И в каждом встречном видел брата?
Да кто Ты есть? — брезгливо рот
Скривил жестокий прокуратор. —

Ты меньше, чем никто. Ты — прах
На ремешках моих сандалий...»

И вдруг исчезла боль в висках,
И сердцу приоткрылись дали

Такие, о которых он,
Да и никто, не знал от века,
И, как шагнул за горизонт,
Шагнул он ближе к Человеку.

Неужто в рубище таком
Царь Иудейский мог явиться?..
Но на лице, как тень, худом
Глаза — как чистые криницы,

Чей свет пронзит любую тьму,
Сметя все страхи Божьим страхом...
Еще бы жить и жить Ему,
Но поздно. Он взойдет на плаху.

И под немолкнувший оркестр
Цикад расстались эти двое:
Один ушел в свои покои,
Другой — в бессмертие, на крест.

Майское утро (В. З.)

Май звенит, словно, ширя
Небо, Бог повелел
Каждой твари по лире
Дать, чтоб мир этот пел.

Каждый луч, как стропило
В крыше нового дня...
Сгинь, нечистая сила,
Отойди от меня;

Чтоб не завтра — сегодня,
Я, такой и сякой,
Жив был славой Господней,
Но не славой мирской;

Чтобы травы и птицы
Жили в песне моей,
Чтобы пили криницы
Воду лунных морей.

И никто чтоб не шарил
Слепо: «Друг мой, ты где?»
Каждой твари — по паре
Всегда и везде.

На заброшенном погосте

Здесь мертвые вне времени лежат:
Миг или век, им, мертвым, все едино.
Но здесь трава так яростно свежа
И так разлапист каждый куст крушины.

Давно людьми заброшенный погост...
Но здесь, где время роли не играет,

Я слышу, как от падающих звезд
Гудит земля от края и до края.

Здесь, в царстве смерти и в кругу теней,
Не разглядишь надежду, как ни пьалься,
Но слышишь, как свистит здесь соловей?
Уж не бессмертие ль свистит в два пальца?

И жарко кровь ударила в виски,
Вновь пробуждая мысли и желанья;
И над погостом облака легки,
Как в бесшабашном детстве — обещанья.

Я счастлив, что не повернуть назад
Жизнь, уперевшись в кладбище, как в стремя...
Здесь мертвые вне времени лежат,
Живые могут оценить здесь время.

Тишина

Восходит в манящее небо луна
Из нежной и мягкой, как замша,
Травы... И парит над землей тишина,
Как стены воздушного замка.

Еще не бывало такой тишины,
Чтоб слышал я, сидя под кленом,
Как в лунных морях зарождаются сны,
Которые снятся влюбленным.

Такой тишины не случалось еще,
Когда осенен пониманьем:
Все медные трубы, что были, — не в счет,
А в счет то, что там, за молчаньем;

Когда тишина, вровень встав со звездой
И Божьего Слова возжаждав,
Как будто небесная рать за спиной,
Стоит за былинкою каждой.

И козни лукавого мне не страшны,
И речи его не пугают,
Коль слышу я, как в глубине тишины
Душа моя глас обретает.

Минное поле (Соседу)

Как море таящейся боли,
Не помня косы и потрав,
Раскинулось минное поле,
Наивность ромашек поправ.

Хватило б душевных усилий
Не дать себя страху прошить...
Ведь минное поле осилить,
Как жизнь до победы прожить.

Как выжить солдату, однако,
Не рухнуть в траншейную грязь,
Коль смерть прикрывается знаком,
В одежды бессмертья рядясь.

Как сделать, чтоб, сладкую дрему
Не смяв, словно ласковый шелк,
Как ангел, солдат невесомо
По минному полю прошел?

...И вновь — весь вниманье и воля,
Сосед мой, сжав накрепко рот,
Как будто по минному полю,
По хлебному полю идет.

* * *

В росных травах тропинку нащупав,
Вновь спешу я к реке, как на пост,
Где жует постаревшая щука
Молодильные яблочки звезд;

Где двужилые дикие заки
Раздвигают слежавшийся прах;
Где добрейшие дремлют собаки
В проходных каменистых дворах;

Где стреноженный мерин каурый —
Весь услужливость и доброта —

До сих пор каждой содранной шкурой
(А их семь) верит в мир без кнута,

Потому что над шелестом пряных
Трав, уже отошедших ко сну,
Небо вновь протянуло, как пряник,
Безотказной лошадке луну.

* * *

Чтоб там, за окном, ни случилось,
Смирюсь я с погодой любой,
Но, Боже, яви Свою милость,
Пошли Ты мне дождик слепой —

Тот самый, пронизанный светом,
Из детства, где все впереди,
Где мог я бездонную Лету,
Как лужицу, вброд перейти;

Где с сена душистой охапки
Смотреть допоздна я не прочь,
Как в стих мой по самые шляпки
Звезд входит июльская ночь;

Где камешки в речку бросаю,
И ширятся, множась, круги,
Меня и сегодня спасая
От гложащей сердце тоски.

Как много в моем поколенье
Уставших бороться с судьбой...
Всевышний, пошли им прозренье,
Иль дождик хотя бы слепой.

У ночной реки (В. З.)

Я слушаю вкрадчивый шорох волны,
Презревшей времен быстротечность,
Щекочущей в желтую пятку луны,
Над речкой вздремнувшую вечность.

Конечно же, с веком миров не сравним
Короткий мой век, но поверьте:
Горячим и щедрым дыханьем своим
Я мог бы продлить их бессмертье.

Я встал бы на цыпочки, к небу уста
Приблизив и к речке при этом
Припав, чтобы в ночь не свалилась звезда
И речка не канула в Лету.

И все, что положено, в жизни свершив,
Спокойно свой жребий приемля,
Понять: ничего нет бессмертней души,
Согревшей и небо, и землю.

Крутые терема

Остриями своих крыш сводя с ума
Облака, переплывающие речку,
Поднимаются крутые терема,
Оттеснив от солнца мамино крылечко.

Только что им до ромашек полевых
Иль до неба в золотых, медовых сотах
Звезд, когда до горизонта окна их
Затянулись напрочь бельмами решеток.

К птичьим песням равнодушные весьма,
Мимо трав, лежащих в росах, как в осколках
Майской ночи, в небо взмыли терема,
Да вот к небу не приблизились нисколько.

И живут, зенит упрятав под паркет,
Отражающий Шагала и Ван-Гога,
Как за пазухой у Бога... Только нет
За душой у них спасающего Бога.

Он ждет

(*Валентине*)

Пока Господь не предъявил вам счет,
Подумайте, в себя вглядевшись строго:
Никто так терпеливо вас не ждет,
Как Он, под сенью вечного чертога.

Он ждет от рук отбившихся детей,
Он ждет всех вас, откуда б ни пришли вы:
С кривых дорожек, с минных ли полей,
Со dna бесчестья иль с трибуны лживой.

Он ждет, как может ждать один Господь,
Чьи раны до сих пор не затянулись,
И гвозди, раздирающие плоть,
Ничуть не поржавели, не погнулись.

Он ждет вас, как никто не будет ждать,
Второе обещая вам рожденье...
Он ждет еще. Но бойтесь опоздать
И не вкусить от Божьего терпенья.

Знойная степь

Короткая ночь пролетела, и вот,
Над чувствами властвуя всеми,
Горячее солнце над степью плывет,
Сжигая пространство и время.

И нет ничего. Только яростный свет
Глаза выжигает, и в небе,
Таком голубом, самолетика след,
Похожий на гнущийся стебель.

И катится солнце мне прямо в лицо
Под жалобный свист конопланки,

Как в вечность сорвавшееся колесо
Той красной летящей тачанки.

И я не пойму уже: кровь ли стучит
В висках от вселенского жара,
Копыта ли скифских коней, иль в ночи
Стучат в чью-то дверь комиссары.

Но сжалился все же Господь надо мной,
Против мне безбожную юность...
И неопалимую купиной
Степная полынь обернулась.

Подсолнухи и солнце

Смахнув опостылевший сон,
Рассвету доверившись слепо,
Как выводок маленьких солнц,
Подсолнухи тянутся в небо.

Хранимый всей ширию полей,
От зноя немного подсох он,
Но нету растенья светлей,
Чем сросшийся с солнцем подсолнух.

И даль голубую, как струг,
Качнуло полдневное пламя.
Круг солнца... Подсолнуха круг...
Бессмертье идет их кругами.

И верю безудержно я:
Под сенью Господней десницы
На них, как на круги своя,
Век тот, золотой, возвратится.

* * *

Здесь, где месяца профиль былинный
Выплыл, буйство неона поправ,
Набегает волною польный
Запах вставших на цыпочки трав.

С них, высоких и чистых, до края
Летней ночи рукою подать,
А быть может, и даже до края,
Где, надеюсь, живет моя мать.

Это здесь она, помню, с крылечка,
Словно птица, слетала, светла,
И с лица ее доброго речка
Щедро воду живую пила.

А на свет ее кроткой улыбки,
На мерцание ранних седин
Золотые волшебные рыбки
Поднимались из сонных глубин.

И вдова, жизнь понять эту силась,
Средь спасающей мир красоты
Разговаривать с Богом училась,
Умалившись до немоты.

* * *

Там, где возвращенная снегами,
Цинга валила в лежку с ног,
Чуть теплившимися губами
Твердил он кротко: «С нами Бог».

И я, чью не стальную волю
Не гнули, не пытали плоть,
Не съевший с ним ни грамма соли,
Я верю: был там с ним Господь,

Чтоб он услышал неба шепот
И выжил, злую смяв тоску,
На остриях залегших сопок
И собственных торчащих скул.

Уже едва земли касаясь,
Он, хрупкий с виду, выжил там,
Где мужики, в плечах косая
Сажень, ломались пополам.

Он выжил, чтоб, преград не зная,
Над бесконечностью дорог
Летело, словно весть благая,
Во все пределы: «С нами Бог!»

Первая любовь

(В. 3.)

Ночь, спустившись с холмов, величаво ступает,
И, подвесив луну над песчаной косой,
Словно царскими милостями осыпает
Одряхлевшие травы студеной росой.

Вот и лету конец. Звезды падают в август,
Небу синему дружным исходом грозя,
Может, это от старости бдительный Аргус,
Словно волосы, с грустью теряет глаза.

Звезды с неба срываются, как по команде,
Подарив переулку последний свой свет,
Замерев на соседней старинной веранде,
Незнакомка прекрасная смотрит им вслед.

Что-то в ней от тургеневских женщин, а может,
Это белого платья шуршащий подол,
От которого, чую, мурашки по коже
Побежали, холмы сотрясая и дол.

Что-то в женщине этой от линии строгой,
От готового взвиться пожаром огня,
А еще от любви всепрощающей Бога,
Ожидавшего целую вечность меня.

Фарисеям

Это — не теплый удобный насест —
Близкого рая примета,
Это — Всевышнего, слышите, перст,
Не забывайте об этом.

Маются люди, от горя устав:
Ох, не до жиру нам — живу
Быть бы... И все ж не касайтесь креста,
Если уста ваши лживы,

Если вас чей-то не трогает стон,
Чьи-то не мучают муки...
Не осеняйте себя крестом,
Если умыли вы руки.

Как бы ты в жизни мирской ни блистал —
С Божьим ли светом бороться?
У неподкупного света креста
Серостью блеск обернется.

И, как впервой, оглядевшись окрест,
Может, узришь, удивленный:
Выше лесов зеленеющих — крест,
Кровью Господней возвращенный.

Господи

Господи, что бы я делал, не ведая
Истины, мне приоткрытой Тобою,
Чтобы мои поражения победою
Вмиг обернулись и стали судьбою;

Чтобы не плакала мама украдкою,
Спрятав свои горизонты в сутулость;
Чтоб моей жизни дорога негладкая
Адовым кругом вдруг не замкнулась.

Что бы я делал, как пил бы полынную
Горечь судьбы я, Тобой обойденный?..
Так бы и жил, слепотою куриною,
Зрячестью мнимой, навек пораженный,

Если б не сила Твоей указующей,
Спасшей меня от фальшивых кумиров
Воли, в надежнейший узел связующей
Краткость мою с бесконечностью мира.

Зимнее утро в деревне

Как бывало когда-то, шагну на крыльцо,
После сна весь улыбчив и розов,
И январский рассвет мне ошпарит лицо
Ледяным кипяточком мороза.

Я достану топор, чтоб была горяча
Печь, с которой, как с другом, гитарю,
И ударю в сухое полено с плеча,
Словно в колокол звонкий ударю.

Старый ворон лениво сорвется с куста,
Раздобревший — с чего бы? — не к сроку,
И еще не остывшими, прямо с хвоста,
Новостями завалит сорока:

Вновь вожди обещают народам своим
За всеобщее счастье сражаться...
Дров бы не наломали они, может, им
Лучше колкой дровишек заняться?

Впрочем, нет никакого мне дела до них,
Что мне роста их славы кривая,
Коль в снегах от любимых очей голубых
Тишина, как свеча, оплывает.

И волшебную зимнюю сказку даря
(В день такой разве может не петься?),
К докрасна раскаленной груди снегиря
Дед Мороз припадает погреться.

И душа, отрешившись от сонма тревог,
С благодарностью ввысь устремилась...
Что мне сильные мира сего, если Бог
Мне явил Свою щедрую милость.

Десять прокаженных

Едва увидев, я узнал их сразу...
На лицах, умолявших: «Исцели!»,
Изъеденных веками и проказой,
Тоска и мука залегли.

И Всемогущий тихим утром ранним
Вернул в глаза гноящиеся свет...
Пал на колени кроткий самарянин,
А девять иудеев — нет.

Они под жесткий возмущенный шелест
Уже увядших придорожных трав
Вдруг заспешили, в стольный град нацелясь,
В пыль благодарность затоптав.

Но что за гул над горизонтом реет?..
То все ж вернулись, бросив свой порог,
Те девять, а за ними — все евреи,
Чтоб души их очистил Бог.

* * *

Случалось, тонул я, огонь меня жег
И током трясло, словно грушу...
Теперь-то я знаю: Всевышний берег
В миру заплутавшую душу.

В заснеженной тундре меня Он хранил
И в сопках не дал заблудиться,
Поскольку над кромкою тающих сил
Парила надежды жар-птица.

И кровь, ускоряя живительный бег
По жилам, тянувшимся в утро,
Звенела без устали: слаб человек,
Без Бога он лодочке углой

Подобен, а с Богом — что дебри тайги
И льды заполярного ада,
Когда вдруг услышит в стенаньях пурги
Он шум Гефсиманского сада.

Я жил, словно в темном, запутанном сне,
И все же стал Богу угоден...
«До лампочки» козни лукавого мне,
Коль солнце в душе не заходит.

Ночью в степи

В росных травах потеряв тропинки брод,
Слышу я: в ночи, как в поле чистом,
Из пращи меридианов и широт
Вырвавшись, летит Земля со свистом.

Но в ушах поет не ветер, а сирень,
Голоса вдруг слышит сердце, екнув,

Потому что снова майских звезд сирень
Ломится в распахнутые окна.

Потому что новых ценностей шкала
Преодо мной, и не было в ней сроду
Злата-серебра, зато в ней — та скала,
Из которой высекают воду.

А еще — надежда сырых и рабов,
Души озарившая и лица,
Есть в ней пять неусыхающих хлебов,
Чтобы всем народам прокормиться.

И, как в детстве, слышу шелест лебеды
Где-то там, за маминым порогом:
«Ничего нет выше хлеба и воды,
Навсегда соединенных Богом».

* * *

Всего меня светлым волнением наполнив,
Теснясь в свежевывытом узком окне,
Весеннее небо целительных молний
Глубокие корни пускает во мне.

Как будто раздвинулись тесные стены,
И понял я, столько промаявшись лет,
Из бочки, пусть даже в ней тень Диогена
Живет, не увидишь грядущий рассвет.

Но с каждой былинки, из праха восставшей,
Из темного праха, где колосу зреть,
И с каждой пылинки, к коленям приставшей,
Звезду вифлеемскую можно узреть.

И сердца коснутся такие высоты,
Я дали такие смогу охватить,
Что даже седьмому, горчайшему, поту
Всю сладость свободы моей не убить.

СОН

Я был в толпе людей, охваченных азартом
Жестокости, взахлеб вопивших: «Смерть Ему!»,
Неведомо слепым: они прозреют завтра,
И, преклонив сердца, приблизятся к холму.

Входили гвозди в плоть, горячую, живую,
Могущие весь мир насквозь пронзить вполне,
Но в тех гвоздях уже звенела, торжествуя,
Нетленная любовь Спасителя ко мне.

Я был в толпе зевак, до мук чужих охочих...
«Смерть Самозванцу! Смерть!» — летел истошный крик.
«На крест Его!» — толпа стонала что есть мочи,
На ртах гогочущих распяв свой страшный лик.

Я был там, я стоял у той высокой плахи,
Не зная, что моя душа пуста, как жмых...
И пот меня прошиб, и я проснулся в страхе:
А вдруг я до сих пор там, в той толпе слепых...

* * *

Здесь, у реки, средь кротких ив,
Я слышу голос Твой, Спаситель:
«Придите, страждущие, и
Обремененные, придите!»

И мы приходим. Нас не счесть,
Живущих именем чудесным,
Поверивших в Благою весть
И в горизонт за гробом тесным.

Поднимет кладь усталый муж,
И сбросит муж другой — вериги,
Поскольку Бог в потемках душ
Читает, как в открытой книге.

И, значит, мир свой век продлит,
Покуда в нем, омытом кровью,
Обремененный не забыт
И страждущий согрет любовью.

Зима на родине

Как продолжение высоты
Небес безоблачных, объятия
Раскрыв, лежат снега чисты,
Как непорочное зачатие.

Волнуя душу, нежа глаз,
В мир чистота необозримая
Вошла... О, если бы всех нас
Ей сутью стать необратимою!

Преобразился б отчий край,
Где пахнет снег медовым вереском,
И позавидовал бы рай
Моей земле, восставшей фениксом.

И хочется махнуть в луга,
Где тучные и долгожданные,
Светясь, пречистые снега
Лежат землей обетованною.

Ныне прославился Сын Человеческий

Ныне прославился Сын Человеческий
Тем, что великое счастье мне выпало:
Душу мою в век цинично-коммерческий
Смертью Своею у ада Он выкупил.

Сын Человеческий ныне прославился
Тем, что, даруя мне новое знание,
Вечер мой чистой рососою оплавился,
Как благодарной слезой покаяния;

Тем, что, казалось, под корень подкошенный,
Не отбивную иль супчик там луковый
По четвергам, не костюм чуть поношенный —
Вечную жизнь получил я из рук Его,

Чтобы надежды затеплилась свечечка
В ком-то еще, встав над огненной лавою...
Ныне прославился Сын Человеческий,
Чтобы грядущему жить Его славою.

* * *

...А женщина была чиста,
Как пена подвенечных кружев,
И, смущена, из уст в уста
Шепнула про Младенца мужу.

Храня Дитя от холодов,
Волы дышали слева, справа...
Не пустят их, как тех быков,
Под нож Юпитеровой славы.

Не смрадным дымом, бьющим влет
Рассвет, а ладаном и миррой

Запахнет мир, и не убьет
Ни одного младенца Ирод.

И Каин выбросит топор,
И Друга не предаст Иуда,
И не узнавшие в упор
Мессию с Ним навек пребудут.

Так будет, хоть жесток наш век.
Так будет! И тому порукой
Пришедший к Богу человек
И Бог, к людским сошедший мукам.

Когда загораются звезды

Когда загораются звезды над миром,
Мне кажется, внутренним зреньем я вижу,
Как небо высокое нищим и сырým
Становится сразу понятней и ближе.

И екает сердце в груди у бродяги,
Все чаще под левую тычась лопатку:
А вдруг где-то рядом, в ближайшем овраге
Упавшая дрыхнет звезда его сладко.

И шепчет вдова в пожелтевшее фото:
«Где пал ты, любимый, поведай мне внятно,
Мой князь — рядовой ненасытной пехоты —
Жестокой царицы полей необъятных?»

Вот вспыхнули звезды над рощей сосновой,
Как с новою силою — чьи-то надежды...
И так хорошо на душе, будто снова
В путь вышли волхвы в белоснежных одеждах.

Рукописи не горят

Когда правят бал невежды
И рассветам мир не рад,
Жив поэт одной надеждой:
Рукописи не горят.

Не берет их злое пламя...
Хоть в костер их сунь, хоть в печь,
Не горят, но могут сами
Этот мир щутя поджечь.

Превратил железо в факел
Зажигательный снаряд,
Но упрямей нету факта:
Рукописи не горят.

И палач, поднаторевший
В казнях умных, добрых книг,
Рукописи не сгоревшей
Слышит вдруг победный крик.

Полыхает город столичный,
Но сквозь жар стальных оград

Слышен шелест колокольный:
«Рукописи не горят!»

Не горят! Уж так ведется,
Может быть, с начала дней...
Не горят, покуда бьется
В них огонь души твоей...

Другу

*Самый свободный человек — верующий человек.
Лев Толстой*

Ты помнишь, как шептал коварный змей:
«Спеши в любви земным богам признаться».
Но не было любви в душе твоей —
Любовь с рабом, увы, не может знаясь.

И тесноту пропахших страхом стен
Господь вдруг распахнул до озаренья...
Он ничего не требовал взамен,
Любовь даруя как освобожденье.

И страхи все отхлынули волной,
В ночь отступили, пятась как-то боком...
Не надо быть за каменной стеной,
Надежней — за живым и вечным Богом.

Какие страхи, если навсегда
Сегодня, а не где-то в перспективе,
Взойдя на крест, Он снял любовь с креста,
Вселенскую свободу возвратив ей,

Чтобы, воспрянув, храм не на крови
Построил ты, сын Божьего народа,
И, не страшась, поведал о любви
К Тому, Который дал душе свободу.

Псалмы Давида

Даже если б не стал он царем,
Он не сгинул бы в Лете бездонной,
Ибо каждый его псалом
Обернулся бы царской короной.

Где, откуда он черпал слова,
От звучанья которых, не скрою,
То вдруг кругом идет голова,
То кружится осенней листвою?

Где, в каких закоулках души
Отыскал он, поэт и воитель,
Песнь, которой века сокрушил
И печаль нашу светом насытил?

Он, рубивший, бывало, с плеча,
Чувство меры менявший на плетку,

Слово чувствовал, словно меча
Острие возле собственной глотки,

Чтоб, волнуя сердца и умы,
Прославляя Всевышнего имя,
Сотворить это чудо — псалмы,
Небо вечное вымостив ими.

Чайки

Слышишь, чайки бурю кличут,
Над водой летая косо,
Это бьются в глотках птичьих
Души сгинувших матросов.

Чайки... В крике их натужном
Тех несчастных слышу снова,
Под Крестом игравших Южным
С сатаной в подкидного;

И сквозь снежные заносы
Видевших последним взглядом,
Как на ледяных торосах
Полыхает пламя ада.

Мир качнув былинкой хилой,
Горизонты море рушит,
А над морем — белокрылый
Стон: «Спасите наши души!»

Музыка
(*Валентине*)

Под силу все словам чудесным,
Они с бессмертьем заодно,
Но языком владеть небесным
Одной лишь музыке дано.

Она — души первооснова —
Вселенскую немую тьму
Раздвинет и положит слово
На звук божественный, ему

Еще неведомый покуда,
Но, в ставших притчей на устах,
Вдруг зорькою забрезжит чудо
В затертых, как асфальт, словах —

И свежесть чувств, как вспышки молний,
И быть глухим не вмоготу,
И музыка тебя наполнит,
Как боль за чью-то глухоту.

Крым

Большая, светлоликая,
Плывет луна, как яхта,
Над бухтой Сердоликовой,
Над бухтою Варахта.

Пока для нас цикадами
Звенит пьянящий воздух,
Смакует ночь цукатами
Мерцающие звезды.

И в чудо враз уверовав,
Мы слушаем с тобою,
Как ритм стиха Гомерова
Живет в морском прибое.

И видятся в нацеленных
В рассвет опасных рифах
То нежный профиль элина,
То жесткий профиль скифа.

О, это море властное!
О, этот берег лунный,
Где вечность, как Прекрасная
Елена, дышит юно.

* * *

Над тихой речкой Саксаганью,
Чья глубь бездонно-высока,
Плывут, как древнее преданье,
В иные земли облака.

А за рекой, в лучах рассвета
Былинкой каждой смерть поправ,

Желает многая нам лета
Раздолье многолетних трав.

И сердце радуется чуду
Реки, деревьев, певчих птиц
И ощущению, что всюду,
Куда ни глянь, — сиянье лиц,

Промытых утренней прохладой,
Слетевшей с клена и ольхи...
И снова чувствую, нет сладу
С молитвой, отлитой в стихи.

Двадцать пятый

Видно, от разрыва сердца помер он,
И теперь под двадцать пятым номером,
От могил ухоженных вдали,
Он лежит, как на краю земли.

Не имел ни сына он, ни дочери,
Безымянным нищим по обочине
Жизни он прошел, чтоб вечно спать
Под табличкой с цифрой двадцать пять.

Кто-то обедался белорыбицей,
Ну а он мечтал лишь к солнцу выбиться,
Но, увы... И снова вздох, как стон, —
Двадцать пятым оставался он.

И хрипя сквозь невезенье вечное,
Как бы мышцу он ни рвал сердечную,
О себе он ведал наперед:
Двадцать пятым к финишу придет.

Но ни разу, жизнь влача убогую,
Так и не пожаловался Богу он...
Знаю, ходит там, на небесах,
Двадцать пятый в первых номерах.

* * *

О Господи, грехов моих не счесть,
Но не сражаюсь больше я с судьбою,
И каждый день, дарованный Тобою,
Я принимаю, как Благою весть.

Я сам был слеп и жил среди слепых
В азарте ложном, меж орлом и решкой,
И понял вдруг: король я или пешка —
Нет места выше, чем у ног Твоих.

Я приучаю к истине уста:
Не счесть моих грехов, но только мнится
Мне, что распял Ты их Своей десницею
Там, на обратной стороне креста,

Чтоб я не забывал в мельканье дней,
Придя под стены Иерусалима,
Что от грехов моих неисчислимых
Я очищаюсь чистотой Твоей.

Я к Богу пришел

Я к Богу пришел не за хлебом иль золотом,
Но, зная: не Бог, а всего лишь Москва
Не верит слезам. Я сидел под закатом
И слушал, как сердце чеканит слова

Молитвы, дарующей радость познания
И свежесть враньем не запятнанных чувств,
Когда в необъятное небо дыханье
Срывается белой голубкою с уст.

Пришел я к Всевышнему не за дарами —
Какие, скажите, сравнятся дары
С бессмертьем, которое не за горами, —
Ведь зреть его можно с той самой Горы.

Пришел я к Отцу не за славой мирскою...
Взлечу ли над мазанкой птахой степной,
Иль рыбой на дно опущусь я морское?
Что слава мирская, коль — Божья со мной.

И нету награды, наверное, выше,
Чем голос, лелеющий наши сердца:
«Ты к Богу пришел — это значит: ты вышел
В дорогу, которой не будет конца».

* * *

За хатой рассвет, ослепительно светел,
Встает над рядами берез и ракич,
И пахнувший манной небесною ветер
Спокойную речку щекочет в зенит.

И мнится мне снова: я центр мироздания,
Я высшая ценность на грешной земле...
Но только об этом летящей за данью,
Увы, ничего не известно пчеле.

Не знают об этом ни рыба, ни птаха,
«До лампочки» это упавшей звезде...
Но каждое утро я должен из праха
До Судного дня подниматься к воде,

К безвестной былинке и утлой избушке,
К ржавеющим кольцам замшелого пня,
И к некоронованной серой лягушке,
И к людям, не любящим вовсе меня,

Чтоб все же открылось душе моей знание:
Ты — главный (и в том бытия торжество),
Покуда хоть кто-то живет в мирозданье,
Тобою поставленный в центр его.

* * *

По-разному приходят к Богу —
И чаще не под звон литавр:
Кто в тыщи верст пройдя дорогу,
А кто — в трех соснах заплутав.

В сомненьях душу искровавив,
Поверженные в прах судьбою,
Вдруг голос, чище зорьки ранней,
Они услышат над собою:

«Я силу дам тебе без меры
И мужество, чтоб дальше жить,
Поскольку настоящей веры
Без мужества не может быть.

Ты будешь снова улыбаться —
Оттаявшего сердца знак,
И там, где будет сталь ломаться,
Ты — гнуться лишь, как хлебный злак.

Не обложу суровой данью,
Но, спасши от грядущих мук,
Все-все ко Мне пришедшим дам Я,
И только смерть Я отниму».

Порой

Я, как орел, могу порой летать,
Сминая дней привычные границы,
И круг земной могу легко держать
На острие зрачка, как эта птица.

А иногда, усевшись под луной,
Чей блин — не комом, но румян и лаком,
Я слышу шелест мантии земной,
Вплетающийся в шелест хлебных злаков.

И, потеряв часам счастливым счет,
Я вижу, замерев под белой вишней:
Навстречу мне, как посуху, идет
По океану времени Всевышний,

Чтоб я сейчас, а не через века,
Узнал, Его любовью просветленный,
Что открывают мир не свысока,
А с высоты коленопреклоненной.

Перед грозой

Туч живописное рваньё
Весь небосвод заполонило,
Как будто так от века было,
И громы подняты в ружье.

Несутся тучи вкривь и вкось,
Но на душе легко при этом,
Не потому ль, что вешним светом
Они пронизаны насквозь?

Мир от озона сам не свой:
Хмелеют клены вековые,
И бредят травы молодые
Неведомую трын-травой.

И дело спорится в руках,
И кровь, сметая все пределы,
По-соловьиному запела
Не то в висках, не то в веках.

И — голос Бога надо мной:
«Не будет этот мир поруган,
Я круговой связал порукой
Круг солнечный и круг земной».

Осенний свет

(В. З.)

Когда над домом уходящий свет
С небес октябрьских льется на планету,
Вдруг начинаешь понимать, что нет
На свете ничего прекрасней света,

Но не того, слепящего глаза,
Который бодрость и надежду рушит,
А света, словно кроткая слеза,
Промывшего глаза твои и душу.

И знаю я, спокойно глядя вслед
Дню, тающему тихо за порогом:
Меня с судьбою примиривший свет
Не осенью дарован мне, а Богом,

Наверное, чтоб понял я верней,
Какую мне явил Всевышний милость,
Что в жизни неустроенной моей,
Пусть осенью, но все ж весна случилась.

Звезда

Средь звезд, загоравшихся в небе высоком,
На тысячи лет отовсюду видна,
Все ярче, как будто бессмертия соком,
Зовущим огнем наливалась одна.

Такого еще не бывало от века:
Не звездное пламя прожгло темноту,
А свет от родившегося Человека
Наполнил сиянием звездочку ту.

И меркло пред нею все золото мира,
Когда, намечая грядущего след,
В окошке какой-нибудь мазанки сирой
Вдруг вспыхивал Богом дарованный свет.

И нежно звеня, словно эхо Эдема,
Казалось, утраченного навсегда,
Все ярче горит над седым Вифлеемом,
Две тысячи лет не старея, звезда.

Поэт

Он прошел над пропастью, как змеями,
До краев соблазнами кишащей,
Женщиной безжалостно осмеянный,
Женщиной — красавицею спящей.

И воскликнул с гребня вдохновения
Он, лукавым чуть не совращенный:
«Каждое мое стихотворение,
Стань молитвой, к Богу обращенной!»

Встань и иди

Встань и иди! Так хочет Бог,
Взяв под Свою тебя десницу.
И пусть нехоженных дорог
Душа Твоя не устрашится.

Ты взялся за нелегкий гуж,
А сил, увы... Отступишь нечто?
Но ждут тебя в потемках душ
И на окраине надежды.

Встань и иди! Так Бог велит.
Иди! И ничего не бойся.
И как бы ни был грех велик —
Любовь твоя да будет больше!

В глазах темнеет. Боль в груди.
Как травку, ломит поясницу,
Но слышишь ты: «Встань и иди,
Не бойся притчей во языцех

Стать». Лишь бы дух свой ты взрастил,
Поскольку так угодно Богу,
Чтоб сердцем собственным мостил
Ты для других к Нему дорогу.

Из воспоминаний заключенного

(В. Зелингер)

Цингой неотвратимою боля,
Полярный день ударился в бега,
Когда с цветущих пастбищ Галилеи
Господь сошел в колымские снега.

И не учуяли Его собаки,
И часовой не видел ничего,
Но стало чище и светлей в бараке
От слова восходящего Его.

И пусть метель в ночи свистит нагайкой,
Он здесь, среди измученных рабов,
Готовый поделиться хлебной пайкой,
Той самой, из числа пяти хлебов.

И, разогнавшаяся вновь по венам,
Кровь зазвенела, словно трубный глас...
И ни кремлевской, ни берлинской стенам
Уже не отделить Его от нас.

И никому, где белое каленье
Снегов бескрайних выжгло жизнь давно,
Нас, перед Богом вставших на колени,
Поставить на колени не дано.

* * *

Душа была сомненьями разъята,
Смущая даже юношеский пыл...
Но каждый день был чашей, полной яда,
Который я самозабвенно пил.

Я пил его, испытывая радость,
Сжигавшую всего меня дотла,
Я пил его взахлеб, поскольку сладость
Речей змеиных в яде том была.

Я пил его, увы, не зная меры,
Как воду раскаленный пьет песок...
И отлученный от небесной веры,
Я был от вечных мук на волосок.

Но, постигая истинную жажду,
Я понимаю, будет не легко
Стать тем верблюдом, что пройдет однажды
Сквозь райских врат игольное ушко.

Взной

Я прошу дождя у Бога,
Я прошу грозы, чтоб луг,
Вздрыгнув у плетня под боком,
Закачался, точно струг.

Чтоб грозящей смертью сталью
Не висел над нами зной,
Горизонт пусть вертикалью
Обернется дождевой.

И сверкнет пусть, как догадка,
Молния в моем окне,
И надежда, как лампадка,
Вновь затеплится во мне.

Но раздался, мир объемя,
Голос с небом пополам:
«Семь потов насытят землю,
Став сродни пяти хлебам».

* * *

Ни машин не видно, ни прохожих
Запоздалых. В мире — тишина.
Невод ночи, полный иглокожих
Звезд, я выбираю из окна.

Неплохой улов, я чую это,
Напрягая мышцы ног и рук...
Проплывают у окна планеты,
Подоконник раскачав, как струг.

И не месяц двинулся по вишням,
Окунувшим в белый цвет зенит, —
То рыбак, отмеченный Всевышним,
Как всегда, на помощь мне спешит.

* * *

Сказал Господь — и появилась суша,
Сказал Господь — и вспыхнула звезда.
И вот уже, волнуя чью-то душу,
Течет, вплетаясь в семь небес, вода.

Живи, поэт, в молчании суровом,
Не требуя у Бога ничего,
Покуда не почувствуешь, что словом
Не оскорбишь творение Его.

Звезда

Она видна со всех сторон.
Она — как острие рассвета,
Она — как ставший явью сон
Заждавшейся любви планеты.

Пируют шумно короли,
В свою непогрешимость веря,

Но неуклонно корабли
Пустыни движутся к пещере,

Неся дары седых волхвов
Туда, где спит в кошаре тесной,
Средь изжевавших ночь волов,
Царь Иудейский и Небесный.

Еще Он мал, и пузыри
Пускает, улыбнуться силась...
Но знайте, ложные цари:
Звезда-то ваша закатилась,

Чтоб нынче и в веках иных,
Сокрытых далью неохватной,
Всевышний небо душ людских
Звездой утешил незакатной.

Учитель

Мир много знал учителей,
Чей каждый вздох сродни был зову,
Но не было ума светлей
И сердца кроткого такого.

И дело вовсе не в щеке,
Подставленной руке несправедной,
А чтоб не сдаться злой тоске,
Когда весь мир вокруг неправильный,

Чтоб веру в род людской сберечь,
Когда с улыбкою, неспешно
Брат погружает в брата меч,
Сам погружаясь в ад крошечный,

Чтоб страх и боль преодолеть,
Увы, совсем не быстротечные,
И, умирая, все ж успеть
Жизнь даровать нам вечную.

Верить Богу

Нынче Бог — ну прямо нарасхват,
Видно, всем нужна Его подмога...
Ты поверил в Бога? Что ж, я рад,
Но куда важнее верить Богу.

Не Тому, Который в мир глядит
С облаков, как ходишь ты за плугом,
А Тому, Который клят и бит,
Кто был за ночь трижды предан другом,

Кто, от горьких дум сойдя с лица,
В Гефсиманской роще пролив реку
Слез незримых, умолял Отца
Укрепить в Нем, в Боге, человека.

Кто обложен был толпой, как зверь,
По пути к небесному чертогу...

Верить в Бога — любо, но поверь,
Мудрость высшей пробы — верить Богу.

Не Тому, Кто сотворил окрест
Все, чтоб наша жизнь не стала адом,
А Тому, Кто Сам несет Свой крест,
Сам, как миллионы смертных, рядом.

Слушая кукушку

Что щедрая мне нагадает кукушка:
Труб медных победный, волнующий зов?
А может быть, звяканье брошенных в кружку
На жизнь опостылевшую медяков?

Что мне напророчит капризная пташка,
Которой доверило время свой бег:
Короткую жизнь мотылька над ромашкой
Иль Мафусаилов дарует мне век?

Но главный ли я или, может быть, лишний
На этом вселенском чадающем пиру?..
Мне вечную жизнь обещает Всевышний
За то, что я с Ним на Голгофе умру.

Я, жадно внимавший, как небу, кукушкам,
Я, часто слова говоривший не те,
Я, бывший у дьявола на побегушках,
Умру, чтоб родиться и жить в чистоте,

Где жизнь обернется миллионом отдушин,
Спасаящих нас от настырных невежд,
Где самые черные краски и души
Светлеют вблизи белоснежных одежд.

Слово Божье

Пусть сошелся клином белый свет,
И трещат вселенские основы,
Ничего надежней в мире нет
Богом нам дарованного Слова.

Жгли Его, швыряли в прах ничком,
Топором рубили Слово в крошку,
А оно манящим огоньком
Обживало чье-нибудь окошко.

А оно, распятое, сойдя
С горького креста, дышало силой,
Став надежней и прямей гвоздя,
Слово прибывавшего к осине.

Я не знаю, сколько мне еще
Жить, но я живу с сознанием новым:
Чтоб ни написал я — все не в счет,
Коль слова я не согрею Словом.

Лишь оно рождает свет в сердцах,
Вставших над духовным бездорожьем...
Не на трех китах, не на словах —
Шар земной стоит на Слове Божьем.

К Богу

Тоской безжалостной томим,
Я, тыл свой так и не упрочив,
Все чаще с именем Твоим
Вдруг просыпаюсь среди ночи.

И будто слышу голос Твой,
Даль грозным объяввший фронтом:
«Последней может стать чертой
День, дремлющий за горизонтом».

И я, опасную межу
Пока еще не преступивший,
Как лист осиновый, дрожу
От мысли к горлу подступившей:

«А вдруг и впрямь я опоздал
И без меня умчался поезд...»
И с неба падает звезда,
Как будто кланяется в пояс

Тебе, Кто может мир вдохнуть
Мне в душу — ведь еще не поздно!
Иль с древа жизни отряхнуть,
Как прах, меня и эти звезды.

Остров одиночества

Без имени, без отчества
Я, проиграв свой бой,
На остров одиночества
Был выброшен судьбой.

Сомнительные ценности,
Как вырубленный лес,
Лежали в жалкой брэнности
Под вечностью небес.

И от кумира сытого
На край души сбежав,
Сидел я у разбитого
Корыта двух держав.

Жизнь, мне казалось, кончена,
Поскольку весь свой век
Летел сквозь жизнь, как гончая,
Советский человек.

И не было мне доступа
Ни к злакам, ни к мирам...

Но я услышал Господа:
«Приди к Моим стопам,

Напрасно дух твой мается,
Какую ночь без сна».
Жизнь только начинается,
Коль в Господе она.

Воспоминание о первой молитве

Зажглась в вечереющем небе звезда,
Послушная зову сердечного ритма...
И вдруг, как сестра той звезды, на уста
Взошла из глубин моей сути молитва.

Я Бога в ту ночь ни о чем не просил,
Я был благодарен Ему за вниманье,
С каким Он смотрел, как из кожи, из жил
Я лез, продираясь к Творцу мирозданья.

Сквозь злые ухмылки вчерашних друзей,
Сквозь боль, от которой вам некуда деться...
Но брезжил в той первой молитве моей
Свет истины, ведомой только младенцу.

Казалось, запели вокруг соловьи
И дьявол лишился последнего шанса...
Я слов не припомню, но губы мои
От жара ее до сих пор шелушатся.

Другу

Друзья отвернутся, родная страна
Предаст без стеснения злословью,
И будут глаза твои слепнуть без сна
В ночах, не согретых любовью.

Но как бы ты горе свое ни таил,
Однажды, в минуту прозренья,
Услышишь Того, Кто страданья твои
Предвидел еще до рожденья

Твоих праотцев... Ты разлепишь уста
Молитвою, ставшей вдруг хлебом,
И к скорбному сердцу сойдет Он с креста,
Лишь после взойдет Он на небо.

Прохладной ладонью с лица твоего
Сотрет Он унынья приметы,
Наполнив земное твое естество
Потоком небесного света.

И горького быта рассеется мгла,
И вновь — горизонт за порогом...
Неверных друзей ты простишь, ибо зла
Не помнят спасенные Богом.

Но счастлив, я знаю, ты будешь вдвойне,
Душевного полный здоровья,
Что сможешь любовью ответить стране,
Тебя обделившей любовью.

Бог любит вас

Вы вдумайтесь в слова: «Бог любит вас...»
Не за талант, не за сиянье глаз,
Взирающих на Господа влюбленно;
Неважно кто вы: гений иль дурак,
Поскольку не за что-то, а за «так»
Он любит и любовь Его бездонна.

И если отведет от вас глаза
Любимая, уходом вам грозя,
Не умирайте, боль едва пригубив,
Но вспомните про вашу с небом связь,
К нему лицом и сердцем обратясь,
Сама любовь вселенская вас любит.

Человек на маяке

Там, внизу, — необъятной стихии кипенье...
Он один на один с маяком. И стеною
Перед ними осенняя ночь, чьи владенья,
Испугавшись, луна обошла стороною.

Ни звезды. Только черная рваная туча
Неустанно над морем несется куда-то,
Словно страх наводящий, «Голландец летучий» —
Тот, по курсу которого — только закаты.

И мелькнуло: «А вдруг они брошены Богом...»
И уже не понять в этом гиблом ненастье,
То ли громы трещат где-то рядом, под боком,
То ли рвутся ковчега вселенского снасти.

Но шептал человек: «Ты на бурю не сетуй,
Коль с тобою сияние Божьего Слова...
А маяк, он лишь есть продолжение света,
Исходящего к людям из сердца людского».

* * *

Солнышко взошло над косогором,
И туман сползает неуклюже
В темный лог... И снова за порогом
Пятый океан впадает в лужи.

Снова я захвачен Божьим чудом,
Глядя (нету сказочней картинки),
Как проходит новый день верблюдом
Сквозь ушко игольное росинки.

Господи, за что мне это счастье
Слышать, как грохочет гром, забравшись
В сад, как будто вечность там на части
Рвется, в горизонт мой не вписавшись.

Господи, за что мне Твоя милость —
Главная среди истин самых главных?..
Может быть, за то, что научилось
Сердце жить с бессмертием на равных?

Первые христиане

Неужто жизни им своей не жаль?
Неужто гибнуть им не надоело?
И веры нержавеющей сталь
О пыточную сталь в ответ звенела.

Да, страшно умирать на колесе,
На дыбе, на кресте или в вольере,
Когда ревет громадный Колизей,
Похожий на некормленного зверя.

И навзничь опрокинулся зенит,
И в плоть живую львы клыки вонзили,
И кости, нет — империя трещит
По швам веков и рваных сухожилий.

Да, смерть страшна, поскольку плоть слаба,
Но в Риме, что обрек раба на муки,
Нет никого свободнее раба,
Предавшего себя в Господни руки.

Гуляет Рим и ходит ходуном,
Хмельной от воплей: «Зрелища и хлеба!»
Еще он крепок, Рим, но за окном —
Конец язычества. Начало неба.

Огни за рекой

За речкой, светящейся мелью
Исхоженных лунных морей,
Чистейшей весенней капелью
Трамвай прозвенел вдоль огней,

Чьим светом жив каждый мой вечер,
И даже осенний рассвет,
Когда вдруг сутулятся плечи
Под тяжестью прожитых лет.

Обычные окна обычных
Сдающих позиции хат,
Но что-то от статуй античных
Есть в свете их, льющемся в лад

С дыханием сердца хмельного,
Отбившегося от узды,
С недужной походкой косоного
Дождя и с полетом звезды,

С единственно верной дорогой,
И с рыбой, что бьется об лед,
Со светом, идущим от Бога
И с каждым, кто к Богу идет.

* * *

Лукавые, полные силы,
Любившие вкусно поестъ
И выпить, как много их было,
Богов олимпийских, — не счесть.

Упрямо нас потчуй «липой»
Дежурных улыбок и слов,
Сходила на землю с Олимпа
Толпа многошумных богов.

Злопамятный, любвеобильный,
Входил небожитель в наш дом,
Как будто и вправду всесильный,
Дождем золотым иль быком.

Бог ветра. Бог злаков медвяных.
Бог моря. Бог яростных гроз...
Как много богов было званых,
А избранных? Только Христос.

А избранных... Тот, Кто по крохам
В ночи мою душу нашел,
И вместо меня на Голгофу
Взошел, чтоб я небо обрел.

Иуды

Измученный словесным блудом,
Фальшивой челюстью стуча,
Иуду целовал Иуда,
Христа нам бросив, как на чай.

Огромный зал гудел набатно,
Подстилкой расстился зал,
Когда Иуду троекратно
Иуда страстно лобызал.

Слепых прислужников орава,
Не лица — вздыбленные рты...
Вглядись в Иуду: не Вараввы ль
В Иудином лице черты?

Вглядись внимательно, не пряча
Взгляд под нахмуренным челом,
Иуды лижуются, и, значит,
Голгофа рядом, за углом.

И пусть хранит тебя Создатель,
Умом не тронешься, авось,
Когда предателя предатель
Целует, как вбивает гвоздь.

Давайте же смотреть, покуда
Способность видеть нам дана:
Когда целуются иуды —
Справляет шабаш сатана.

Тридцать сребреников

Помня жадность пальцев потных
И звеня, как горсть гвоздей,
Тридцать сребреников подлых
Тратят запросто людей.

Тратят походя направо
И налево день-деньской,
И на них, как встарь, управы,
К сожаленью, никакой.

Все под силу им, ей-богу!
Удается все таким,
Могут музыку, а могут
Заказать убийство. Им

По плечу любое дело,
Ведь мошна у них туга.
Что для них душа и тело?
Так, разменная деньга.

Тридцать сребреников — ссуда
На предательство и сглаз,
Не истрачены Иудой,
Тратят, тратят, тратят нас.

Колизей

Страшней, чем рев некормленных зверей,
Был рев толпы, до зрелища охочей...
Вот-вот, казалось, рухнет Колизей
Во мрак языческой бездонной ночи.

И, отвергая сонмища богов,
Глаза воздев к Небесному чертогу,
Раб в пасти львиной умереть готов
За своего единственного Бога.

Но нехотя, с рычанием глухим
Вдруг отвернулся зверь от человека,
И замер в страхе потрясенный Рим —
Такого здесь не видели от века.

И в брезжущий рассвет качнулась твердь,
Когда звезда скользнула вниз, похожа
На палец, обрекающий на смерть
Империю, измятую, как ложе.

Все ярче разгорался новый день...
И на песок, смертей выдавший много,
Упала тень раба, а может, тень
Стоявшего за ним незримо Бога.

Любовь и солнце

Весна 45 года

Ночь, подступив неслышно к саду,
Чего-то ждет... И допоздна
Мне никакого нету сладу
С луной... Бессонница. Весна.

И речка так чиста, красива,
Не оттого ль (падите ниц!),
Что воду пьет неторопливо
Она с усталых вдовьих лиц?

Что неподкупно благодатной
Вольготно дышится весне,
Насквозь пропахшей сталью ратной,
В промытом мамином окне?

Висел над нами не картонный
Меч. На излом пытал нас ад...
Но сад, войною опаленный,
Цветет, как Гефсиманский сад.

Королева красоты

У королевы были ноги в цыпках
И на лице от глаз запавших тень,
Не на чужих — на собственных ошибках
Училась королева красоте.

Работала с рассвета до заката...
И, отдаваясь грохотом в висках,
Всю ночь мозоли в тысячу каратов
Горели в королевских кулаках.

И пилились голодные вороны
С придвинувшихся к мазанке осин:
Сияла ярче солнечной короны
Корона преждевременных седин.

Век на исходе. Королев — до черта:
Бердичева, Урюпинска, Уфы...
И слово набухает, как аорта,
Готовое взорваться, но, увы...

Навстречу мне — старуха, в чьей походке —
Боль вдовьих незапятнанных кровей,
И я шепчу сквозь ком, застрявший в глотке:
«Целуйте, королевы, руку ей».

Честное слово

(Маме)

По острому лезвию честного слова,
Хоть было опасно, но снова и снова
Учила ходить меня мать.
Знай: слово дороже серебряных ложек,
Фамильной посуды, персидских дорожек,
А гербовая печать

Теряет свою чудотворную силу,
Коль честное слово ее не скрепило
Незримой печатью своей.
Оно — твоей жизни основа литая,
Бесплотное слово. Да будет святая
Святых оно чести твоей.

А все остальное — не так уж и сложно,
А все остальное, поверь мне, ничтожно,
Не стоит ни сердца, ни рук.
И ежели жить ты по чести изволишь,
Звон бронзы пред словом звучащим — всего лишь
Пустой кратковременный звук.

*Моей маме и всем солдатским
вдовам посвящается*

Под восходящим солнцем ключья
Тумана таяли вокруг,
И были новости сорочки,
Как новости из первых рук.

И отражаясь в лужах светлых,
Еще не знавшие косы,
Словно столы от яств несметных,
Ломились травы от росы.

Что мне Канары и Багамы,
Коль шепчут рядом ковыли,

Что все ладони моей мамы
В магнитных линиях Земли.

Что мне далекие красоты,
Когда пытается майский гром:
«Не русла ли седьмого пота —
Морщины на лице худом?»

Я мог бы — только ногу в стремя —
В заморский рай погнать коня,
Но как мне быть, скажите, с теми,
Кто на земле спасал меня?

Старый ворон

Влагой осенней насыщенный воздух
Жадно вдыхает задерганный мерин...
Кто это выклевал вечеру звезды?
Только не ворон — он в этом уверен.

Только не ворон, сидящий напротив,
На покосившемся старом заборе,
Помнящий, как за селом, на болоте,
Жены солдатские слепли от горя,

Глядя на павших в неравном сраженье,
Загнанных в угол нетающей ночи...
Гневно свое распушив оперенье,
Глаз воронью ворон выклевывать хочет,

Чтобы вернулись на землю жар-птицы,
Чтоб, отдышавшись на кленах и вязах,
Звезды летели на детские лица,
Не совладав с притяжением глаз их.

И под немолкнувший шум осокоря
Мерину снится под небом былинным
Ворон, сидящий на вдовьем заборе,
Тучи пронзающий глазом орлиным.

Майское утро

Угадал я день погожий
В петушином крике.
Словно мускулы под кожей,
Заиграли блики

На реке, промытой синью
До седьмого неба...
Пахнет новый день полынью
И горячим хлебом.

Где-то там звенят трамваи,
У горы зеленой:
Может, вывезет кривая —
След инверсионный.

Только тает, размываясь
След, зато за речкой

Вновь принес ребенка аист
Прямо на крылечко.

И счастливые супруги
Море света ширя,
Улыбаются. В округе
Да и в целом мире

Их счастливее, поверьте,
Нету, потому что
Над коляскою — бессмертье,
Словно погремушка.

Когда ты приходишь

Когда ты приходишь — приходит весна,
Хоть вьюга гуляет за лесом,
Когда ты приходишь — с висков седина
В ребро мне срывается бесом.

Когда ты приходишь, вся счастьем светясь,
Я слышу, как будто из чаши
Небесной плеснули: «Ну, здравствуй, мой князь,
Что нового в княжестве нашем?»

А в княжестве дождик слепой моросит,
И радугой стянута речка,
Поют петухи и бесплатным такси
Работает русская печка.

А в княжестве помнят тебя до сих пор
И травы, и дом у дороги...
Когда ты приходишь, я слышу, как с гор
Снега тебе падают в ноги.

Когда ты приходишь — приходит рассвет...
Но вот уже омота тише
Уходишь. И целую тысячу лет
Я эхо шагов твоих слышу.

Тебе

Темна осенняя вода.
Темнее легочной каверны,
Но одинокая звезда
Горит звездой во лбу царевны.

Моя царевна — это ты.
Никто с тобою не сравнится,
Когда выходишь ты за тын,
Чтоб, может, отогреть жар-птицу,

Чтоб, вырвав душу из вериг,
Открыть Бессмертному Кашею —
Куда бессмертней каждый миг,
Коль дышишь, сердца не жалея;

Чтоб, даже очень осерчав
На мир, нас рвущий волчьей стаей,

Мы Змей Горынычу сплеча
Все ж головы рубить не стали;

Чтоб, встав над тенью всех оград,
С врагом вчерашним помириться,
И — что важнее во сто крат —
За душу вражью помолиться.

Первый снег (В. З.)

Я помню снег тот, первый, долгожданный,
Укрывший рощу от нескромных глаз...
И небо, тишиною первозданной
Дыша, как будто осуждало нас.

Ты уходила, улыбнуться сияясь,
Воздушна, невесома, как во сне...
И там, где ног твоих следы ложились,
Особенно был чист и светел снег.

Души

Коль взглядишься ты в небо внимательно,
Божьим страхом надежно храним,
Ты увидишь, мой друг, обязательно
Души, ставшие небом седьмым.

Ты услышишь отнюдь не загробные,
Но чистейшие, словно роса,
Звону вешней капли подобные,
Их волнующие голоса.

И в ночи не Большая Медведица,
Не Дельфины и не Водолей —
Это вечными звездами светятся
Неподкупные души людей,

Чтобы в кротости их и вольготности
Вдруг увидели мы до конца:
Ничего нет надежней бесплотности
Душ, лелеющих наши сердца.

Золотая свадьба

Полвека вместе. До чего же труден
Был путь их, полный грандиозных планов...
Но никаких торжеств, увы, не будет,
Не будет ни фанфар, ни барабанов,

Ни поздравлений, ни наград высоких...
За что ж страна своей опоре верной
Преподала такой урок жестокий
Неблагодарности высокомерной?

Уж не за то ли, что в бою неравном
Он выжил в сорок первом, не согнулся,

Что в девочке плач бедной Ярославны
Литыми желваками обернулся?

«А может, оттого, — мне голос шепчет,
Ложась на сердце неподъемным грузом, —
Что оказался их союз крепче
Великого Советского Союза».

И потому, страной своей забыты,
Все чаще, к сожалению, болея,
Они, как у разбитого корыта,
Сидят у золотого юбилея.

Тебе
(В. З.)

Как боль разлуки превозмочь,
Когда привычный мир смещая,
Без глаз лучистых слепнет ночь,
Бельмом луны меня смущая?

Как без тебя встречать рассвет?
Как без тебя мне жить отныне,
Коль что ни день — то в сорок лет
Длиной та самая пустыня?

Как до тебя мне добежать,
Дойти, доковылять, родная?

Как до тебя мне додышать,
Горячий в горле ком катая,

Чтоб даже через сорок лет
Мне выдохнуть тебе, желанной:
«Любовь! Она одна, и нет
Другой земли обетованной».

Весна

Солнце, взойдя над заборами,
В каждую щелочку зрит.
Словно мышинными норами,
Снег под ольхою изрыт.

Нежность небес акварельная
Теплится сквозь облака
Там, где, как ель корабельная,
В речке вода высока,

Где, сединою увенчана,
Встретила счастья светлей,
Помолодевшая женщина
Нас, постаревших детей.

И ни к чему бесконечные
Шумные драки за фарг...
Вот они, ценности вечные:
Родина, мама и март.

Родина

Ночь поднялась из буерака,
И бредит за плетнем звездой
Луна, посаженная на кол
Осоки, вставшей над водой.

Там рыбке, славою покрытой,
Легко от собственных чудес:
Кому — разбитое корыто,
Кому — уютный «Мерседес».

Там в каждом дереве, поверьте,
Кругами песнь небес плывет,
Там в подмастерьях у бессмертья
Кукушка щедрая живет.

Там остро пахнет медуница
И гром гремит, как во хмелю...
Там ни к чему в руках синица,
Коль даришь небо журавлю.

Валентине

Ну что за жизнь у нас с тобой?
Сплошные невезенья...
Зато нам дождик был слепой,
Внезапный, как прозрение.

Зато нам был полет звезды
(Желание загадывай!),
И всколыхнувший тишь воды
Был трубный рев сохатого.

Ну что за жизнь? Машины нет,
И нет участка дачного,
Зато в окне твоём рассвет
Светлее новобрачного.

Пусть кошельком я не богат —
Не помираю с голоду,
К тому ж в окне моем закат
Из высшей пробы золота,

К тому ж вскипает в жилах кровь
Почище речки лавовой,
Но главное — у нас любовь,
Все прочее — от лукавого.

* * *

(В. З.)

Я часто жил, как будто воду в ступе
Толок. И вот мне вновь невмоготу.
Но чуть созвездий тайнопись проступит —
Все о себе в один присест прочту.

Обдаст меня то холодом, то жаром,
Но сгинет ужас древний, как хвощи,
В душе, приговоренной к страшным карам
И в то же время поднятой на щит.

И я, смакуя черствый ломоть хлеба,
Услышу, не вступая в спор с судьбой:
«Живи, чтоб видеть необъятность неба,
Когда оно с овчинку над тобой».

Раздвинутся вчерашние пределы,
И вещей свет легко вольется в грудь,
И улыбнусь я, все-таки проделав
Свой крестный путь.

Смех

Из данных Богом нам утех
Сладчайшая, доколе
Мы будем живы, — это смех,
До слез порой, до коллик.

Смех над слепой горою мышц,
Когда сплеча решенья,
Смех над горой, родившей мышь
В потугах самоменья.

Смех над врагом, над ложью всех,
Не ведающий сбя,

Но самый лучший в мире смех —
Смех над самим собою.

Он часто — с нищенской сумой,
Но не привык он дуться.
Смеющиеся над собой
Последними смеются.

Могуч, как Божья благодать,
Смех над собой, поверьте,
И потому — рукой подать
От смеха до бессмертья.

Сон

(*Валентине*)

...И вижу я, как на святой горе,
Молитвами грядущий день упрочив,
Он поднимает медленно горе
Вселенную вещающие очи.

Еще не завтра — подлый суд людской,
Еще не завтра Рим умоет руки,
Еще не завтра смертной тоской
Подернутся глаза, и примет муки

Нечеловеческие Божий Сын,
Чтоб не умылись кровью лес и пажить...
И в каждой капле утренней росы
Того креста уже Он знает тяжесть.

Готов ли ты?

Людских деяний познавая суть,
Я слышу голос, будто высекают
Огонь: «Готов ли ты ступить на путь,
Где кровь Спасителя не высыхает?»

Готова ли пройти твоя душа
По лезвию затеплившейся веры
Над девятью кругами, где дыша
Горячечно, тусуются химеры?

Где можно клен живой распять крестом,
И радостью наполненные строфы
Смять и обрушить, как вселенский стон,
И каждый холмик превратить в Голгофу?

Готов ли ты, не убажывая плоть,
Но душу обнажая в круговерти
Дней и ночей, вдруг выдохнуть: „Господь,
Ты даровал душе моей бессмертье!“?»

Слово

Приходят слова и уходят слова,
Слова, что частенько похожи
На слезы, которым не верит Москва,
Провинция, думаю, тоже.

Но слов измочаленных пеструю рвань
Отбросив, не с неба ль седьмого,
До хриплого пепла сжигая гортань,
Однажды является Слово.

А в нем, переброшенном через века,
Живут, нас терпеньем наполнив,
Газетного стихотворенья строка
И вечная клинопись молний.

И кровью, легко окрыляющей плоть,
И солью чистейшего пота
Мгновенно поймешь, как Словом Господь
Вселенную эту сработал.

Римские катакомбы

Спесью надутый, хмельной от апломба,
Рим, непокорным воздавший сторицей,
Спит, но крадутся сквозь ночь в катакомбы
Бога познавшие раб и патриций.

Пламя лучины трепещет на грани
Вечного мрака и первого света...
Это для нас сберегли христиане
Небо бездонное в чреве планеты.

Это они поднимались на плаху,
Чтобы их братья и сестры сегодня
Знали, мирского не ведая страха:
Высшее мужество — в страхе Господнем.

И отпевая святые их кости,
Чуя, как тени с души облетают,
На величайшем подземном погосте
Веру в бессмертную жизнь обретаю.

* * *

От воркованья голубиною
Я просыпаюсь по утрам,
На паперть облачка былинного
Я поднимаюсь. Вот он, храм,

Тобою, Господи, наполненный,
Где всем хватило бы всего,
Где ослепительные молнии —
Лишь тени света Твоего.

И смотрят птахи удивленные,
Как устремляется моя

Душа, молитвой окрыленная,
В неоскверненные края.

Но там, внизу, вдова заплакала,
И кто-то мечется в бреду,
А у кого-то, знаю, маковой
Росинки не было во рту.

И сердце скорбью начинается —
Вернись, и на себя взвали
Их боль — ведь небо начинается,
Как все бессмертие, с земли.

Беременная

В свободном, как лесная птица, платье
Ты медленно выходишь на крыльцо.
Весенними проталинами пятен
Украсилось любимое лицо.

Ты стала потрясающе красивой,
Когда, качнув вселенную шутя,
Под сердцем у тебя, как под счастливой
Звездой, шевельнулось вдруг дитя.

И вся светясь, на полную катушку
Грядущей жизни радуешься ты...
С тобою рядом смотрится дурнушкой
Любая королева красоты.

С тобою рядом травам худосочным
Легко по пояс встать и зеленеть,
И даже ржавым трубам водосточным
Совсем не трудно скрипками запеть.

И словно в ожидании полета
Глядишь, волнение силясь побороть,
Как будто там, вдали, ты видишь что-то,
Что лишь тебе позволил зреть Господь.

Магдалина

Ночь растет, подступив к небесам,
Звон трамваев за речкой стихает,
И звезда мимо рта по усам
Струйкой майского меда стекает.

И, крутясь в этом мире волчком,
Твердо зная, что жизнь — не малина,
Попирая судьбу каблучком,
На охоту спешит Магдалина.

Вслед ей сильные мира сего
Смотрят, словно считают купюры:
А девчонка и впрямь — ничего,
Все при ней: и глаза, и фигура.

Все при ней, но толпа, озверев,
Разбирает на камни дорогу.

Что толпе белый храм, что ей хлев,
Даже ставший прибежищем Бога?

Ты, наполнивший злобою грудь
И подстегнутый сбродом отпетым,
Не спеши в нее камень швырнуть —
Он в тебя попадет рикошетом.

Не суди эту грешную плоть,
Суд твой будет не прав и поспешен,
Разве ты всемогущий Господь,
Чтоб судить? Иль и впрямь ты безгрешен?

И отгоял народ перед ней,
И без лишнего начал витийства
Светлый храм возводить из камней,
Тех, что он подобрал для убийства.

Иосиф и Мария

У покосившегося тына,
Вконец измучены тоской,
Иосиф и Мария Сына
Ждут не дождутся день-деньской.

Предчувствия дурные властно
Терзают их... Что за напасть:
Иосиф — плотник первоклассный —
Не может по гвоздю попасть!

Дрожит, как раненая птица,
Когда-то твердая рука,
И тень смоковницы ложится
Крестом на плечи старика.

И от рассвета до заката,
Катая желваков гранит,
На собственных глазах распята,
Мария жадно вдаль глядит.

Но Сын, узнав про их мученья,
Из мертвых к Господу восстав,
Вернется утром, в воскресенье,
Чтоб снять родителей с креста.

Змея

У степного хилого ручья,
В час, когда вокруг смолкают птицы,
Выползает из норы змея,
Словно лесть коварная струится.

И ныряет в заросли лозы,
В колдовское лунное свечение,
И ее раздвоенный язык,
Как души нестойкой раздвоенье.

Что ей этот гибнущий ручей,
Свет звезды и горький дух полынный,

Если сладкий яд ее речей
Превратился просто в яд змеиный.

И в глазах холодная печаль,
И травы засилье справа, слева...
А какая открывалась даль
Ей, змее, с Божественного древа.

Звезда над Вифлеемом

Итак, свершилось! Раз и навсегда!
Упавшим звездам свет вернув и силу,
Над Вифлеемом вспыхнула звезда,
Как будто ночь под корень подкосила.

И тень на лики ложных солнц легла,
Когда, раздвинув легионы пугал,
Господь поставил во главу угла
Звезду, чтоб дьявол не загнал нас в угол.

И не стреножить добрую молву,
И не подрезать крылья вдохновенью:
Не во дворце, не в храме, а в хлеву
Начнется наше с вами очищенье.

Века промчатся, как потехи час,
Но коль нам плохо станет, в небо круто
Взойдет звезда над Вифлеемом, будто
Над головой у каждого из нас.

Молитва на юге

Пахнет вечер ширью хлебных нив
И подсохшей скорлупой моллюска,
И, волнуясь, душу преклонив,
Путеводной звездочке молюсь я.

Я молюсь входящему в пике
Грому, и отцу — он пал за Вислой, —
И надежде, что на волоске
Века уходящего повисла.

Я молюсь весенним небесам
И омывшим майские рассветы
Горьким вдовьим, маминьим, слезам,
Прожигавшим до ядра планету.

Я молюсь колодцу и луне,
Парусам и отчему порогу...
Почему ж все чаще мнится мне,
Что молюсь я Богу?

Братьям и сестрам

Не потому ль на свете я живу,
Что в этот мир, Свою явив мне милость,
Пришел Господь, родившийся в хлеву,
Чтоб в хлев моя душа не превратилась.

Не потому ли, обращая взор
К травинке, вставшей над гранитной твердью,
Или к вершинам неприступных гор
Я чувствую дыхание бессмертья.

И слышу я не то предсмертный хрип —
Мурашки от него идут по коже, —
Не то ожившей вдруг натужный скрип
Земной оси, на длинный гвоздь похожей.

Не взяли вас ни Север, ни сума,
Вы не страшились даже высшей меры,
Поскольку выше горького Холма
Нет ничего для тех, кто крепок верой.

Жесток сей мир, в котором мы живем,
Но он прекрасен, ибо в мире этом
Все говорит о Господе живом,
Душе, голгофским напоенной светом.

Возвращение (*Валентине*)

На светлеющем фоне сентябрьского неба
Потускневшая бронза кленовой листвы...
Я здесь целую вечность, наверное, не был,
С каждой жилки сорвавшись вдруг, как с тетивы.

И рванулись навстречу мне поле и речка,
Где с ума своей удалю землю сводил
Майский гром, не знакомый с досадной осечкой,
Где над злаками гоголем ветер ходил.

И взметнулся карась так, что снова и снова
Набегают на небо седьмое круги,
И, озвученные половицей сосновой,
Снова мамины легкие слышу шаги.

Не шаги это... Даром, что осень природу
Не на шутку, я знаю, взяла в оборот, —
Это время само, словно вешние воды,
Подступает ко мне и за горло берет.

Жене

В травы необозримые,
На мерцанье звезды
Ты выходишь, любимая,
Не спеша из воды.

Здесь, в ночной протяженности,
У печальных ракии,
Свет твоей обнаженности
Вешним светом разлит.

Ты и песня былинная,
И сердечный пожар...

Как меха соболиные,
Густ и нежен загар.

Ты такая красивая —
Никакое перо
Не опишет ретивое,
Разве только ребро,

То, которое полнится
Болью каждого дня,
То, которое, помнится,
Вынул Бог у меня.

Тебе
(В. З.)

Поникнув, луну не щекочет осока,
Летящая к небу примерзла звезда,
И каждая лужа, как после ожога,
Затянута розовой кожей льда.

Мне так широко никогда не дышалось,
Как будто из воздуха сделан мой кров,
Куда только делась гнетущая вялость,
Так долго мутившая душу и кровь.

И каждую мышцу, и каждую жилку,
Мне верно служившие в холод и в зной,
Я чувю, как в юности чувял затылком
Дыхание шедшего в связке со мной.

И снова я сильный, бесстрашный и добрый,
И сердце, хоть чуб сединою прошит,
Как встарь, перепрыгивая через ребра,
Навстречу единственной в мире спешит.

К тебе по утренней росе

(В. З.)

Холодком простреленный навyleт,
Я спешу по утренней росе
К речке, где, мне помнится, ходили
Вокруг солнца стаи карасей,

Где три ивы — кроткие старушки —
Пьют воспоминаний сладкий яд,
Где была б к лицу любой лягушке
Царская корона, где стоят

Облака в живой воде по пояс,
Где, душе моей даруя взлет,
Твоего окна магнитный полюс
На макушке тополя живет.

И, подобно утреннему горну,
В жилах кровь поет, и чую вдруг:
То ли ком подкатывает к горлу,
То ли солнца раскаленный круг.

Вот женщина

(*Валентине*)

Вот женщина выходит из воды,
Вчерашнюю себя звездой летучей
Перечеркнув... И ног босых следы,
Как черный космос, тайной дышат жгучей.

Сегодня к ней — свидетель Бог — пришла
Любовь, как вечной жизни продолженье,
И по устоям мирового зла
Вдруг дрожь прошла, сродни землетрясенью.

И горы выше стали, дружно встав
На цыпочки, чтоб видеть, как святая
Улыбка тронет женские уста,
Как будто над землей уже светает.

Весна

(*В. З.*)

Холодный дождь унынье сеял,
И гром простуженно сипел,
В непроходимых тучах шею
Сломала молния себе.

Весна, похожая на осень,
Похожий на Кашея лес,

Изматывающая осыпь
Воды, скатившейся с небес.

Но за рекой, пронзая смуту
Тоскливых сумерек, в окне
Твоем горел огонь, как будто
Он подставлял плечо весне,

Еще не ведающей силы
Своей, но, видит Бог, она,
Как ты, мне голову вскружила...
А может, ты и есть весна?

Топор

Забирается за пазуху мороз,
Норовит, упрямый, к сердцу подобраться,
И пускай меня хватает он за нос,
Сам же с носом и останется он, братцы.

Телогреечку бросаю на забор,
И, готовый со вселенской биться скверной,
Я хватаюсь за сверкающий топор,
Как хватался б за соломинку, наверно.

Я березовых дровишек наколю,
Чтоб хватило от субботы до субботы...
И закорчился мороз, как на колу,
На капли моего седьмого пота.

Я играю, как игрушкой, топором,
И шутя рублю под корень все болячки,
Чтоб ковало сердце в стужу майский гром,
Чтоб душа моя не знала зимней спячки;

Чтоб румянец — жарче жаркого костра,
Чтоб, в рассвет звеня, березы белоствольной
Годовые кольца из-под топора
Покатились вешней песней колокольной;

Чтобы все, что напишу потом пером,
Каждой буквою то радую, то жаля,
Словно вырубил я этим топором
На высоких каменных скрижалях.

* * *

Выхожу один я на дорогу.
М. Лермонтов

Ничего, увы, не изменилось,
На дорогу выхожу один,
Уповая лишь на Божью милость
И на драгоценный груз седин.

Разбрелись друзья мои по свету,
А иные в мир ушли иной,
Но мне голос слышится: «Не сетуй
На судьбу и попусту не ной».

Жизнь была, конечно же, сурова,
Но меня на перекрестках вьюг
Никогда не покидало Слово,
Слово душу сберегло мою.

И пускай собаки дружно брешут
В спину мне, упрямей все и злей, —
Впереди, где луч рассветный брезжит,
Все же слышу голоса людей.

Ветер (В. З.)

Ветер в окошко ударил отпето:
Хватит размазывать сны по щеке,
Если до колес в боку у рассвета
Громы смеются, скатившись к реке;

Если тебя по ногам загорелым
Может, шутя, полоснуть, как коса,
С ночи пригретая колосом спелым,
Бьющая прямо под дых роса,

Если за тучкою, вовсе не хмурой,
Небом седьмым прозревает зенит,
Если стреноженный мерин каурый
Чует, как счастье в подковах звенит.

И выхожу я, доверчив и светел,
В мир, где бескрайних просторов вассал,
Не загрязненный волнуется ветер,
Ибо на ветер я слов не бросал.

Осень в деревне

Над простором сонным,
Вдаль глядящим немо,
Журавлиным стоном
Оплывает небо.

И, забыв про осень,
Жаром польхая,
Лист кленовый оземь
Бьется, прижигая

Свежие надрезы
Скошенных былиннок...
Оттого железа
Привкус у былинны,

Дремлющей под боком
У избушки древней...
Тихо, словно Бога,
Слушает деревня.

Майский ветер

Чтобы робко проклюнувшуюся звезду
Не задуть, как охотник таежный,
По макушкам осин, как по тонкому льду,
Майский ветер прошел осторожно.

И спустился к стене подрастающих трав,
Лягушиной орде на потеху,
Гладь речную до ряби защекотав,
Так, что корчится месяц от смеха.

И запел за соседним плетнем петушок,
И, ликуя, во злобную силу
Песню звонкую по золотой гребешок
Погрузил он, как острые вилы.

И душа моя птицей встает на крыло,
Что весенним дыханием живо,
И горячее солнце, я верю, взошло
На окраине ночи и в жилах.

Осень

Потянуло холодом с реки,
На песчаных отмелях распятой,
И уже как будто не с руки
Подниматься солнышку над хатой.

Облака нависли тяжело.
И последний лист кленовый, словно
Птаха, подвернувшая крыло,
На планету падает неровно.

А когда отходит мир ко сну,
Подо мной качнув, как плот, кушетку,
Потеснив к оврагу тишину,
Плачет пришлый пес луне в жилетку.

И услышу я всем телом сквозь
Сон, подмявший ласково ресницы,
Как Земли несмазанная ось
Заскрипит под старой половицей.

Ночное купание в море

Достав из-за пазухи бронзовый круг
Луны и привычно гитаря
Со мною, рванулось вдруг море из рук
Навстречу гавайской гитаре.

От звуков, струящихся вниз из окна,
Раскрытого в самую душу
Июльского вечера, словно волна,
Качнулась навстречу мне суша.

Вновь море смывает у звезд на глазах
Намеренья чьи-то благие...

Что брызги шампанского, коль на губах
Соленые брызги стихии;

Коль лунным морям в черноморской волне
Купаться всю ночь до рассвета...
Я — в море, но главное, море — во мне.
Вся соль, понимаете, в этом!

Осенний ветер

Он дачному зефиру не чета...
Неласковый, угрюмый, прозаичный,
Он легкие романы не читал
Из-за плеча девчонки романтической.

Но может он упасть на ваш порог,
Как коршун, и прибитая подкова
Вас не спасет, коль он в бараний рог
Луну шутя согнул над вашим кровом.

А воет он — как будто он в пике
Вошел и выйти из него не может...
И понимаешь: он накоротке
С мурашками, бегущими по коже.

И часто, пряча в тучах Млечный Путь,
И вспять гоня вдоль ив плакучих реку,
Он беспощадно обнажает суть
Не только леса, но и человека.

Последний лист

Последний лист, сорвавшись с клена,
Летит, рождая в горле ком,
К земле, давно уже не склонной
Дарить стрекозам стол и дом.

Последний лист... Еще мгновенье —
И он ударит в грязь лицом,
Но, полный дерзкого горенья,
Вдруг взмыл, как птица, над крыльцом

И полетел навстречу людям,
Чтоб все ж, увы, свалиться в прах...
Но свет, на нем сверкнувший, будет
Всю зиму жить в моих глазах.

Первый снег

(В. З.)

Ты мне шепчешь: «Не забыла я
День, когда на пруд, на лес,
Как из рога изобилия,
Снег посыпался с небес».

Незапятнанный, нетронутый,
Вся по-вешнему светла,
Словно царскую корону, ты
В руки первый снег брала.

И в счастливой безмятежности
Ты дарила мне свой смех,
И мы таяли от нежности
Оба — я и первый снег.

Лунные моря
(В. З.)

В ту ночь, заглядывая в душу
Мне, зная, шепнула ты не зря:
«Какую музыку, послушай,
Играют лунные моря!»

Не океаном Ледовитым,
Не Черным морем, понял я, —
Морями лунными омыта
Отныне будет жизнь моя.

Трава над лунными морями
Стеной вставала, и, даря
Бессонницу, в оконной раме
Желтели лунные моря.

И каждый день не у чугунных
Решеток древнего литья,
Волнуясь, как пацан, у лунных
Морей с тобой встречался я.

И мы судьбу благодарили,
И, в лунный бросившись прибой,
Как за три моря, мы ходили
За лунные моря с тобой.

И, будто свет скользил по струнам,
Когда, прекрасен, тих и строг,
Словно по озеру, по лунным
Морям шел нам навстречу Бог.

Утро

За окошком, воспетая сладко,
Приготовившись к встрече с косой,
Ощетинилась каждая травка
Неподкупно студеной росой.

Где-то скрипнув калиткой несмело,
Ветерок прилетел налегке,
И, как будто мурашки по телу,
Побежала вдруг рябь по реке.

И я слышу, рассветное пламя
Целый день на сетчатке храня,
Как озвученные петухами
Небеса окликают меня.

Ты иной себе жизни не требуй,
Ни к чему тебе жребий иной —
Каждый день поднималось бы в небо
Сердце с солнцем в упряжке одной.

Музыка приходит раньше нас

Музыка приходит раньше нас
Сердцем, захлебнувшимся волнением,
Светом приютивших небо глаз,
Ставших, может быть, твоим прозреньем.

Музыка приходит к нам со звезд
По колосьям зреющего хлеба,
Музыка вставала в полный рост
Над окопом, подпирая небо.

И в ревущей ярости огня,
Если сердце не окаменело,
Музыка, как лучшая броня,
Семикратной прочностью звенела.

Убеждаюсь я в который раз,
Открывая в звуках кладезь силы:
Так желает Бог, чтоб раньше нас,
Зло с пути сметая, приходила

Музыка в наш мир, крутой весьма,
Музыка, бессмертная, как время,
Чтоб от одиночества с ума
Не сошло людское наше племя.

Еврейские МОТИВЫ

Стена плача

Однажды, может, повезет и мне:
Меня в Израиль приведет дорога,
И я оставляю в трещине в Стене
Записку, адресованную Богу.

Ни золота не хочу, ни серебра —
Вселенского прошу я Самодержца,
Чтоб каждый день я с острия пера
Снимал свое измученное сердце,

Чтоб дождь слепой я брал в поводыри,
Чтоб свежесть слов обветривала губы,
Чтоб золото чуть брезжущей зари
На медные не разменял я трубы.

Мне ни портфель, ни кресло не нужны,
Но в синем небе — голубая Вега,
Но шорох набегающей волны,
Хранящей запах Ноева ковчега,

Но с солью хлеба черного ломоть,
Но свет, живущий при любой погоде,
И древняя Стена, куда Господь
За нашими записками приходит.

Родина

В сладкой и густой, как мед, траве,
Убежав от летней ночи куцей,
Горизонты голубых кровей
С сельскими буренками пасутся.

До чего ж июньский день хорош!
Солнышко в зенит вкатилось лихо...
И пчела, как золотая брошь,
На груди у луговой гречихи.

Нет, не у чужих молочных рек —
Здесь он, берег мой обетованный,
Здесь, где нынче ночью под орех
Гром разделаю небо над саманной

Нашей хатой, сделанной еще
Дедом под нехитрый счет кукушки,
Здесь, где возле бабьих вдовьих щек
Мерзли непорочные подушки.

Здесь мой дом. И здесь моя звезда
Скатится за горизонт туманный.
Здесь... И куст терновый у пруда
Вслед дохнет землей обетованной.

Евреи в пустыне

Бурдюк воды последней выпит,
И ропот стаей воронья
Опять взлетел: «Назад! В Египет!
Где вдоволь хлеба и питья».

Шныряет страх ночной, как крыса
По вздыбленной сетчатке глаз:
Скорей назад, туда, где крыша
Над головой была у нас!

Туда? В холодное презренье,
Где, как по лезвию ножа,
Тупея в сытом униженье,
Ходила каждый день душа?

Песков синайских жар не стынет...
Неужто здесь им умереть?
Но во сто крат трудней пустыню
Души ослепшей одолеть.

Век двадцать первый у порога,
Но я открыл иную суть:
Длиною в сорок лет дорога
Еще не кончилась. Так — в путь!

И пусть в пути нас вера греет,
Дав пищу сердцу и уму...
Покуда мы в пути, евреи,
Не сокрушить нас никому.

Синайская пустыня

Песок и камень. Камень и песок.
Неумолимо давит зной Синая,
Как, может быть, давил бы на висок
Ствол пистолетный, в холод вас бросая.

Слепящим зноем перекошен рот,
И в жилах кровь — ленивей все и гуще...
Не дышит мне в затылок мой народ,
Пустыней сорок лет уже бредущий.

Безжалостна песков горячих власть,
Неужто упаду я, бездыханный?
Но не дают мне все-таки упасть
Все те, кто не узрел обетованной

Земли и в раскаленный прах костьюи
Лег, чтоб другим вовек с пути не сбиться
И чтоб увидел потрясенный мир:
Сбылось, чему велел Всевышний сбиться.

От зноя можно на стену полезть,
Но разве Божья воля не со мною?
И мнится мне, что даже вечность здесь
Горит неопалимой купиною.

Уехавшим друзьям

Меж рекой и некошеным лугом
Мы сидели, друзья, дотемна,
Медный месяц пуская по кругу
Рогом терпкого чуда-вина.

И дышали с костром по соседству
Блики нежные на Ингульце,
Словно ямочки, полные детства,
На прекрасном любимом лице.

Снова трав говорок неустанный
Стиснул сердце мое, как в горсти,
И стреноженный ветер буланный
Возле юности новой грустит.

Снова звезды колюче лучатся,
Часто скатываясь в буерак,
И лягушки, увы, докричатся
До царевны не могут никак.

Но мой друг, перебравшийся в Хайфу,
И другой, с Елисейских Полей,
Слышат полный щемящего кайфа
Вечный зов украинских ночей.

Храм

Тебя предавали мечу и огню
И кровью пропахшему праху,
Топтали тебя, словно хлеб на корню,
Но только до звезд — и на плаху

Ты вновь поднимался... На рошу, на дол
Глядит одиноко, незряче,
Как вечности окаменевший подол,
Стена безутешного плача.

Но слезы, звенящие, как соловьи,
И жаром набухшие вены
Узрели незримые стены твои,
Твои нерушимые стены,

С которых, нацелясь в далекий зенит,
Где нету ни слез, ни наветов,
Рассветное солнце на землю глядит
Нетленным ковчегом завета.

Археологические раскопки в Израиле

Под солнцем палящим в земле прокаленной,
Где вечное время живет,
К эпохам исчезнувшим приговоренный
Ученый раскопки ведет.

И в зное, подобием шелковой шали
Струящемся, — кучка камней...
Быть может, осколки тех самых скрижалей,
Что в гневе разбил Моисей.

От жгучего, немилосердного зноя
Качается мир, словно струг,
И камни, восставшие горькой стеною,
Теплом Иисусовых рук

Дохнули... И вижу я, как, попирая
Веков омертвевшую плоть,
Из далей грядущих по самому краю
Раскопа идет к нам Господь.

* * *

Встает, подпирая собой небосвод
Стена, приютившая целый народ.
И не разобраться, наверное, мне:
Века или слезы текут по стене.

Но понял я как-то в сиянии дня:
Как к стенке, к стене не поставить меня...
И радость прихлынула к сердцу волной:
Застенкам не справиться с этой стеной.

И больше вовек не угнать меня в плен,
Поскольку стена — продолжение стен

Незримого храма, что в душах живет,
Где слезы народ мой счастливые льет.

И в камень, как вечности в серый подол,
Старик, положив под язык валидол,
Уткнулся и плачет, аж корчится плоть...
И слезы ему утирает Господь.

У заброшенной синагоги

Стало в небе неуютно,
День похож на серый чад...
Ни одной, увы, попутной
Тучки — все на запад мчат.

И давно забыв про Бога,
Из-под ставней, не в рассвет —
В два окошка синагога
Смотрит шустрым тучкам вслед.

Двор зарос чертополохом.
Грязь. Но, может, я к утру
Небо чистое по крохам
Звезд осенних соберу.

И от радости немея,
Вдруг узрю, зная, неспроста,
Как потомки Моисея
Жадно слушают Христа.

По одной простой причине:
Надоело, спору нет,
Сорок лет бродить в пустыне
Плюс еще две тыщи лет.

Два отца

Над сыном, кротким и беспечным,
Нож занеся, услышал праотец:
«Сравнима с этим небом вечным
Твоя любовь — его венец».

И взглядом вечность обнимая,
Другой Отец на смертный крест пошлет
Единственного Сына, зная:
Тот, воплотившись, небо обретет.

Деду

От извечного страха — дрожанье в руках,
Боль в глазах, но назло непогоде
Тихо теплятся свечки седин на висках,
Помогая свече на комодке.

И глотая лекарство из бабкиных трав,
Он читает бессмертную Тору,

Словно немощь свою наконец-то поправ,
Поднимается медленно в гору,

Чтобы все же разъять закодированный круг,
Страхи всякие, — это пустое..
Пусть погромщик взрывает подушку — а вдруг
Там жар-птицы перо золотое.

Пусть тяжелый кулак погружается в бок,
Пусть таскают за пейсы при этом,
У него за душой — ничего, только Бог,
А копейки — вон там, за портретом.

И он понял: нельзя привыкать, хоть умри,
К унижающим душу урокам,
И натасканный на душу страх до зари
Обернулся бесстрашным пророком.

Воспоминание

(Деду)

От осеннего золота отяжелев,
Ночь бесшумно легла между нами..
Тихо так, что я слышу, как дедов жилет
Бредит в старом шкафу рукавами.

Тихо так, что я слышу, как время бочком
Входит в хату, где память не стынет...

Пахнет жареным луком и жгучим песком
Сорок лет нас пытавшей пустыни.

И над грудой старинных зачитанных книг,
Снова радуясь ночи бессонной,
Обращается к Господу Богу старик,
Переживший погромы и шмоны.

Сорок лет... Может быть, это только пролог,
А назначенный нам Саваофом
Путь еще не окончен, он дальше пролет,
От Синайской горы до Голгофы.

Ни отчаянной злобы, ни ропота нет
В старике, лишь сомнение гложет:
Ну а вдруг он четвертую тысячу лет
Из пустыни той выйти не может.

Народ и Книга

Еще не завтра встанут чудо-храмы,
Еще вокруг — сомненья и разброд,
Но Бог, открывшись старцу Аврааму,
Толпу евреев превратил в народ.

И не вино, не сдобную ковригу
С чуть горьковатым запахом дымка —
Безмерно щедрый, дал Господь им Книгу
И в долгий путь отправил сквозь века.

Взметнется меч, снаряды разорвутся
Над славою кумиров и столиц,
Но никаким громам не дотянутся
До шелеста святых ее страниц.

Не потому ли каменных скрижалей
Живет в ней крепость, как земная ось,
Что ширь небесных неохватных далей
С ее страниц узреть нам удалось?

И не разъять тысячелетним игом,
Как не разъять вот этот небосвод,
Народ, от Бога получивший Книгу,
И Книгу, сохранившую народ.

Юдифь

Столетиями держит нас во власти
Чужой судьбы и времени излом,
Когда теряют голову от страсти
Не в переносном смысле, а в прямом.

И в ночь, куда последний свет неверный
Светильники бросают, отчадив,
Как в замершие очи Олоферна,
Возмездие свершив, глядит Юдифь.

И звездочка слезой к шатру скатилась,
Когда рубил врага тяжелый меч...

Не потому ль с плеч женских не свалилась
Гора, как голова с солдатских плеч?

Не потому ли кровь в висках стекает
И так томительна ночная мгла?..
Спасла ли свое племя ты — не знаю,
Но душу свою не уберегла.

23 апреля*

Я знаю, той ночью споткнулась планета
На виды выдавшей орбите своей,
Когда из пожара Варшавского гетто,
Как храм возрожденный, встал каждый еврей.

И старый сапожник шел в бой не за фартом
Грошовым — за внешним сияньем небес,
И сердце, простреленное инфарктом,
Держал, как винтовку, наперевес.

И смерть принимая на гребне рассвета,
Увидел мальчишка сквозь огненный спектр:
Глухой переулоч Варшавского гетто
Впадает в Давидова града проспект.

---

* 23 апреля — начало восстания в Варшавском гетто.

Какое высокое в душах горенье!
Какие играют на лицах огни!..
Той вещей весной, потерпев поражение,
Всем нам завещали победу они.

Плач Иеремии

Сквозь толщу пространства и времени,
Коль душу сумеешь напрячь,
Услышишь ты плач Иеремии —
Надежду дарующий плач.

Горючая, чистая, вещая,
Вся в отблесках будущих гроз,
Была нам пророком завещана
Живая вода его слез,

Чтоб позднего отпрыска вялого
Вдруг мысль полоснула одна:
«Что плен вавилонский, коль дьяволу
На откуп душа отдана?»

Что все наши муки бессрочные?
И стоит ли жизнь нашу длить,
Коль счастье всеобщее, прочное
Не сможем из слез мы отлить.

К моему народу

Осильвший века лихие,
Давидов сохранивший род,
Как мог ты не узнать Мессию,
Ты, Богом избранный народ?

Кому еще дано так много,
Кому позволено еще
Так долго быть строптивым с Богом
И предъявлять Ему свой счет?

Судьбой завидной нас отметив,
Беря нас часто в оборот,
Рассеянных по всей планете,
Бог сохранил нас как народ,

Чтоб голову в песок не пряча,
Как страус, — близок этот час, —
Однажды над Стеною плача
Мы услышали Божий глас.

Тогда, про войны и набеги
Забыв, увидят все окрест,
Как пустит нежные побег
Сквозь камень тот голгофский крест.

И трудный путь свой озирая,
У неба больше ничего
Не смея требовать, Израиль
Узнает Бога своего.

Иаков

Над речкой, где запахи злаков
Клубятся в рассветной заре,
Боровшийся с Богом Иаков
Проснулся от боли в бедре.

Все ж мужа Господь не оставит,
Он втопчет врагов его в прах...
Но боль в поврежденном суставе
Аукнется в наших сердцах.

Аукнется, души изранив,
Не веря горячим слезам...
И будет ей имя — Израиль,
Той боли, дарованной нам.

На бывшем кладбище еврейском

При свете дрожащих испуганно звезд
Мне помнится: где-то в начале
Июля по чьей-то указке погост
Еврейский с землею сравняли.

Здесь рядом лежали Рахиль и Исаак
И сын их единственный — Пиня...
Их к людям взывающие голоса —
Как глас вопиющих в пустыне.

Машины метались, чтоб спрятать концы,
Сминая чистейшие росы...
И кости свои до утра мертвецы
Вставляли, как палки в колеса.

Теперь здесь — дома и загаженный парк,
И если всмотреться, из окон
Не лица живые глядят — черепа,
Вопящие: «Око за око!»

У Стены плача

Под яростным солнцем, при свете луны
Шагал он и в слякоть, и в стужу
От стен сталинградских до этой Стены,
Все козни лукавого сдюжив.

И вот он стоит у бессмертных руин,
От слез очищающих светел...
И вижу я: цвета солдатских седин —
Синайский врачующий ветер.

Он вспомнил: кровавые реки текли,
И враг наседал окаянный...
И каждая пядь сталинградской земли
Землей его обетованной

Была... И попробуйте с чаши весов
Смахнуть ту вселенскую драму...

Вновь слышится в сердце измученном зов
Комбата ли, иль Авраама.

Стоит он, увы, ослабевший весьма,
К Стене прижимая ладони...
Медали звенят, будто это сама
Стена неподкупная стонет.

Но нет, не за этой Стеной невредим
И крепок я буду душою,
И не за Кремлевской стеной, а за Ним —
За самой надежной стеною.

Я — еврей

Я — еврей, чистокровный семит,
Не стеснялся я этого с роду,
Но я прежде всего член семьи,
Что людским именуется родом.

И когда у кого-то беда,
Чую я, битый горькой наукой,
Как Давидова пухнет звезда
На лопатках моих чьей-то мукой.

И когда у чужого плетня
Льется кровь силам ада в угоду,
Эта боль достает и меня,
Сына избранного народа.

И вбиваю себе я: «Держись!»,
Потому что, ни мало ни много,
Я доказывать должен всю жизнь,
Что достоин я выбора Бога.

Стена плача

Не стесняйтесь! Плачьте, спины сторбив,
И пишите Господу записки
У Стены, чьи налитые скорбью
Камни высоки, как обелиски.

Плачь, народ! Оплакивать суровый
Жребий свой не привыкать евреям...
Пусть на раны лягут на Христовы
Слезы их целительным елеем.

И солдат, что от волнения розов,
И философ плачут под веками...
Ничего нет чище слез, коль слезы
Льются покаянными слезами.

Не стыдитесь! Плачьте, слез не пряча,
Отшатнувшись от пророков лживых,
Чтоб узреть: в конце Стены и плача
Ждет Господь своих детей строптивых.

Воспоминание о раввине

Он смотрит в корень, словно смотрит вдаль,
За горизонт, где свет закатный стынет...
В глазах — тысячелетняя печаль
И сорок лет, сгоревшие в пустыне.

Уже не помнит многого раввин,
Но даже перед станцией конечной
Он не забыл, как сын его Рувим,
Распятый на звезде пятиконечной,

Шел в газовую камеру... И день
Такой сиял весенний, солнцеликий,
Что даже звезды желтые и те
На ветхом платье запеклись, как блики.

Не дрогнула земля, и небеса
Не рухнули на хижины и храмы,
Но шар земной отцовская слеза
Прожгла насквозь слезою Авраама.

С тех дней неутихающая боль
Вошла навеки в душу и морщины...
Что старику все муки ада, коль
Он до сих пор идет дорогой сына.

Стена плача

В ветхозаветном сиянье луны,
Сердце кровавая и жаля,
Мне открываются с этой Стены,
Как горизонты, печали.

Люди, уснув на своих желваках,
Бредили, словно зарею,
В необитаемых лютых песках
Обетованной землею.

И меж собой и Творцом без конца
Буйство вгоняя, как клинья,
Люди пасли золотого тельца
В душах, заросших полынью.

Разве была лишь для этого вод
Бездна распахнута дверью,
В небо ведущей, чтоб Божий народ
Сгинул в пучине неверья?

И у Стены, взявшей жизнь мою в плен,
С Господом больше не споря,
Пал на колени я, как у колен
Окаменевшего горя.

К евреям

Неспешно бесстрастное время
Легко свою пряжу прядет...
И наше строптивное племя
Христу поклониться придет.

Не узанный нами когда-то,
Он, солнечный луч в темноте,
Взывал понапрасну к распятым
По собственной злой слепоте.

Насмешки и взгляды косые
И лживые письма наверх...
Отвергнутый нами Мессия
Нас, блудных детей, не отверг.

Иначе гонимые в шею, —
Хоть смерть и красна на миру, —
Как выжить смогли б мы, евреи,
В пустыне и в Бабьем Яру?

Мы выжили, чтобы дорогу
Сомнений пройдя, у Стены
Заплакать от счастья, что Богом
Мы узаны и прощены.

Юрий Каминский
МОМЕНТ ИСТИНЫ

«Світло на Сході»,
Киев, ул. Хорольская, 30.

Подписано к печати 30.06.04. Формат 120x170.
Бумага офсетная 70 г/м² Печать офсетная.

Отпечатано «СВС-Print» (Christian Book Centre)
Украина, г. Киев, пр-т Воссоединения, 7-А
тел./факс: +38 (044) 553-79-29
e-mail: cbc@cbc.kiev.ua • www.cbc.kiev.ua

ISBN 966-96449-0-9